

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД КНЯЗЯ ДИМИТРИЯ РОМАНОВА

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД КНЯЗЯ ДМИТРИЯ РОМАНОВА

ПРОЕКТ «ПАМЯТЬ ВРЕМЕН»

**РОССИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА – В ПРЕДДВЕРИИ И В ХОДЕ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1913–1917 ГГ.)**

(Казань, Тула, Рязань, Нижний Новгород, Владимир, Москва 2020–2021 гг.)

Настоящее издание
подготовлено в рамках гранта
Президента Российской Федерации,
предоставленного
Фондом президентских грантов

—
Проект №20-2-004140
«Память времен»

Сборник статей и докладов для студентов гуманитарных
специальностей, историков, краеведов

Под общей редакцией ректора МГИМО, президента Эндаумента МГИМО,
кандидата исторических наук, доктора политических наук, профессора,
академика РАН А.В. Торкунова

МОСКВА 2021

УДК 82-5
ББК 63.3(2)52
Р 54

Проект «Память времен»
Часть II

Россия начала XX века-в преддверии и в ходе Первой мировой Войны
(1913–1917 гг.) — М.: Известия, 2021. — 126 с.

ISBN 978-5-206-01044-2

Книга адресована студентам гуманитарных
специальностей, историкам, краеведам.

Тексты публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-206-01044-2

© Текст, Авторы статей, 2021
© Оформление, Издательство «Известия», 2021

Проект «Память времен» направлен на формирование объективного представления о Российской Империи начала XX века- в преддверии и в ходе Первой Мировой войны (1913–1917 гг). В рамках данного проекта в 6 регионах России были организованы публичные лекции, научно-просветительские конференции, выставки архивных документов с привлечением ведущих ученых-историков. В качестве спикеров и экспертов были задействованы ведущие историки: д. и. н. профессор, научный руководитель Государственного архива РФ С. В. Мироненко, ректор МГИМО МИД РФ, академик РАН А. В. Торкунов, профессор кафедры внешней политики России МГИМО МИД РФ А. В. Ревякин, д. и. н. доцент МГУ им. М. В. Ломоносова Ф. А. Гайда, д. и. н. руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН, президент Российской ассоциации историков Первой мировой войны Д. Ю. Козлов, д. и. н. профессор ННГУ им. Н. И. Лобачевского Ф. А. Селезнев, профессор кафедры ЮНЕСКО Нижегородского архитектурно-строительного университета, Почетный гражданин Нижнего Новгорода Т. П. Виноградова – и другие.

Аудиторией мероприятий проекта «Память времен» стали в первую очередь ученые-историки, учителя истории, музейные работники, краеведы, студенты гуманитарных вузов в регионах, где ведется активная исследовательская работа или есть вузы, готовящие преподавателей истории для школ и вузов: Казань, Рязань, Тула, Нижний Новгород, Владимир, Москва, а также российские соотечественники за рубежом Открытые лекции прошли в интерактивном формате, который дал возможность дискуссий по непростым вопросам внутреннего положения в России указанного периода. Выступления спикеров были интересны и доступны не только узкой профессиональной аудитории, но и широкому кругу слушателей. Видеозаписи открытых лекций размещены в сети Интернет. Встречи с участием профессоров ведущих столичных вузов и историков в городах проведения мероприятий способствуют активизации исследовательской работы в регионах, с одной стороны, с другой – позволяют команде проекта найти новые возможности для распространения за рубежом знаний об объективной истории России.

По итогам проекта выпущен и распространен в гуманитарных вузах России сборник статей по указанному периоду Российской Империи, лучшие выступления спикеров проекта опубликованы в журнале «Российская история», на сайте проекта и в соцсетях.

Содержание

А. В. Торкунов Предисловие	7
Ф. А. Гайда Россия накануне Великой войны: итоги политического развития, перспективы эволюции и революции	9
Ф. А. Гайда Власть и либеральная общественность в России в последние полгода монархии: рамки политического диалога	17
Ю. К. Козлов Участие России в Первой мировой войне: актуальные исследовательские проблемы	30
Н. А. Копылов Российская революция и чехословацкий корпус: война, политика, дипломатия	49
Н. А. Могилевский Февральская революция и её последствия: взгляд из Министерства иностранных дел (по воспоминаниям Г. Н. Михайловского)	66
А. В. Ревакин Февраль 1917 года в истории международных отношений России	84
Ф. А. Селезнев Факторы десакрализации царской власти (1894–1913 гг.)	95
Е. Ю. Сергеев Российская и британская империи накануне Первой мировой войны: сотрудничество или противостояние?	103
А. С. Соколов Николай II и министр финансов России П. Л. Барк (1914–1917)	110
Л. В. Ульянова «Расследование» деятельности политического сыска Российской империи после Февральской революции (на примере Заграничной агентуры Департамента полиции)	117

Предисловие

В 2019–2021 гг. Благотворительный фонд князя Дмитрия Романова в рамках проекта «Память времён» провёл ряд конференций, посвящённых периоду правления последнего российского императора Николая II. Мероприятия прошли в ряде российских городов (Владимире, Орле, Нижнем Новгороде, Казани, Москве и др.), неизменно вызывая большой общественный интерес. Это легко объяснимо: история последних десятилетий существования Российской империи привлекает внимание не только специалистов, учёных, но и всех, интересующихся историей нашей страны. Мероприятия, проводившиеся под эгидой Фонда Дмитрия Романова, собирали широкую аудиторию, значительную часть которой составляла молодёжь – студенты и аспиранты гуманитарных факультетов, будущие исследователи. Заключительные чтения проекта «Память времён» прошли в стенах Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД Российской Федерации с участием ведущих специалистов по истории конца XIX – начала XX веков.

Несмотря на то, что о последних годах существования царской России опубликовано много документов и материалов, написаны сотни научных трудов, все ещё остаётся огромное количество «белых пятен». История Великой Русской революции 1917 года продолжает порождать острые научные дискуссии. Последнее было наглядно подтверждено разнообразием докладов, с которыми выступали историки на мероприятиях в рамках проекта «Память времён». По итогам их выступлений и был подготовлен настоящий сборник. Читатель сможет найти на страницах издания невероятное разнообразие сюжетов: от анализа внешнеполитического положения России в феврале-октябре 1917 г. до рассмотрения феномена «распутинщины», от проблемы правовых аспектов существования верховной власти после событий февраля 1917 г. до роли в Русской революции Чехословацкого корпуса и влияния падения монархии в России на ситуацию на Балканах.

Представленный вниманию читателей сборник позволяет взглянуть на революционные события 1917 г., этот сложнейший и один из самых противоречивых периодов в Отечественной истории с разных сторон, применяя разную «оптику», рассматривая известные факты и выявленные историками недавно новые обстоятельства революционного процесса под необычным углом зрения.

Конечно, как и во всяком важном и сложном вопросе, в этой теме не может быть какой-то одной, заранее «согласованной» и «утверждённой» точки зрения. Мнения авторов могут вызывать несогласие, желание полемизировать, предлагать собственные объяснения. Но в этом и заключается актуальность настоящего сборника: он провоцирует на размышления, неудобные вопросы и, главное, побуждает пристальнее всмотреться в то, что, казалось, давным-давно известно и «решено».

Царская Россия, казалось бы, канула в Лету. Сто лет – это немалый срок. Но только если мерить рамками человеческой жизни. Для Истории это срок

ничтожный. Поэтому попытки понять, разобраться в событиях столетней давности будут предприниматься и дальше. В этом ещё одна задача настоящего сборника – активизировать дальнейшее обсуждение проблемы, инициировать новые научные труды, публикации исторических документов. Ведь не поняв прошлого, совершенно невозможно строить будущее. История не раз доказывала этот простой, но не утративший своей правоты тезис. Надеюсь, настоящий сборник станет ещё одним шагом на пути к пониманию – не только событий столетней давности, но и самих себя.

**Ректор МГИМО
академик РАН
А. В. Торкунов**

**Россия накануне Великой войны: итоги политического развития,
перспективы эволюции и революции**

Гайда Федор Александрович
доктор исторических наук, доцент,
Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова –
МГУ, Россия, г. Москва
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет –
ПСТГУ, Россия, г. Москва

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

**Russia on the Eve of the Great War: Results of Political Development,
Prospects for Evolution and Revolution**

Gayda Fyodor
habilitated doctor,
associate professor in Lomonosov Moscow State University –
MSU, Moscow, Russia
leading researcher in St. Tikhon Orthodox University –
STOU, Moscow, Russia

Аннотация: Статья посвящена политической ситуации в Российской империи накануне Первой мировой войны, в 1912–1914 гг. Рассматриваются процессы, происходившие в правительстве, парламенте, партийной среде. Автор приходит к выводу, что события нельзя характеризовать как “революционную ситуацию”. Однако и в правительственной, и в общественной среде шла борьба за формирование нового политического курса. К началу войны в Совете министров и Государственной думе наметилась тенденция к сближению, что выразилось в назначении премьера И. Л. Горемыкина и министра финансов П. Л. Барка, а также формировании думского правого центра.

Abstract: The article is devoted to the political situation in the Russian Empire on the eve of the First World War, in 1912–1914. The processes taking place in the government, parliament, party environment are considered. The author comes to the conclusion that the events cannot be characterized as a “revolutionary situation”. However, there was a struggle to form a new political course both in the government and in the public environment. By the beginning of the war in the Council of Ministers and the State Duma, a tendency towards mutual rapprochement was outlined. It was expressed in the appointment of Prime Minister I. L. Goremy-

kin and Minister of Finance P. L. Bark, as well as the formation of the Duma right center.

Ключевые слова: Николай II; Совет министров; Государственная дума; Государственный совет; Н. А. Маклаков; А. В. Кривошеин; И. Л. Горемыкин.

Keywords: Nicholas II; The Council of Ministers; The State Duma; The State Council; N. A. Maklakov; A. V. Krivoshein; I. L. Goremykin.

Последние предвоенные годы, в целом, для Российской империи были весьма благоприятными. Она являлась пятой экономикой планеты и вышла на первое место в мире по темпам роста промышленного производства. Продолжалась реализация того социально-экономического курса, который был заложен при П. А. Столыпине. В ходе аграрной реформы частично демонтировалась крестьянская община, на смену которой шли как мелкая частная земельная собственность, так и добровольная кооперация [1, с. 944–951, 953–955]. Активно продолжалась переселенческая политика. Важным сопутствующим эффектом аграрной реформы стало снижение протестного потенциала общины. Реформа местного суда, закон о которой был принят в 1912 г., предполагала постепенное введение крестьян в общегосударственное правовое поле [подробнее см.: 2]. Тогда же, в 1912 г. были приняты законы о страховании для рабочих на случай болезни, травмы или увольнения (к началу Первой мировой войны страхованием было охвачено 54 % российских рабочих [3, с. 20–35]). Всё ощутимее росли темпы распространения грамотности (около 40 % населения) [В современной историографии присутствует тенденция к комплексному пересмотру общих оценок последнего десятилетия Российской империи. Из новейших работ стоит отметить фундаментальную коллективную монографию отечественных и зарубежных исследователей. См.: 4].

Столыпинский политический курс предполагал опору правительства на парламентское большинство. В новых политических и социально-экономических обстоятельствах (создание парламента, развитие печати, легализация политических партий, капиталистическая экономика, постепенный демонтаж сословного строя) задачей стратегической важности становилось формирование единой российской политической нации [подробнее см.: 5, с. 31–38, 59–63; 6, с. 79–107]. Только это обеспечило бы России динамично-эволюционную перспективу, альтернативную революционной угрозе.

Вместе с экономическим подъемом с 1910 г. постепенно набирал силу и общественный подъем. Тем не менее, он имел несколько иной характер, чем предреволюционная ситуация накануне 1905 г. В обществе не чувствовалось повышенной политизации. На смену напряженным политическим поискам постепенно приходил идеал жизненной активности, быстро росло увлечение разнообразными техническими новшествами и спортом, происходило значительное падение уровня самоубийств. Неокантианство в философии и акмеизм в поэзии призывали к «оздоровлению» интеллекта и эстетического чувства. Увлечение оккультизмом постепенно переставало быть ультра-модным и сменялось возвратом части интеллигенции к православной вере [подробнее см.: 7, с. 16–24].

С 1912 г. происходил рост рабочих забастовок [8, с. 145–147, 159–163]. Однако все политические партии после Первой русской революции 1905–1907 гг. оказались в ситуации организационного, а затем и идейного кризиса. Ряды каждой из них резко сократились [9, с. 14–19]. Прекратился эсеровский террор. Социал-демократы в 1912 г. окончательно распались на две партии: большевиков и меньшевиков. Но и внутри обеих партий шли напряженные споры. Революционная среда была пронизана полицейской агентурой. Лидер большевистской фракции IV Думы Р. В. Малиновский, которого В. И. Ульянов (Ленин) считал наиболее верным партийцем в России, состоял агентом Департамента полиции. Большевики неизменно выступали против создания единого оппозиционного фронта и потому их активность была на руку власти [10, с. 105–134].

Результаты выборов в Государственную думу IV созыва (1912 г.) оказались противоречивыми: палата не имела четкого большинства – ни проправительственного, ни оппозиционного. Октябристы, накануне выборов перешедшие в оппозицию, лишились около половины мест. В 1913 г. фракция развалилась на сторонников А. И. Гучкова (оппозиционеров) и более лояльных «земцев-октябристов», ориентировавшихся на М. В. Родзянко [5, с. 299–300, 303–306]. Возникла угроза раскола кадетской партии: правые кадеты (П. Б. Струве, В. А. Маклаков) стремились к созданию единого либерального лагеря («левого центра»), левые кадеты (Н. В. Некрасов, А. М. Коллюбакин) пытались поддерживать тесные контакты с социалистами через масонские структуры, партий-

ное ядро (П. Н. Милюков) выступало за независимый и обособленный партийный курс [5, с. 336–341; 11, с. 399–407]. Крайне болезненным для кадетов стал их конфликт с польским коло (депутатской группой, представлявшей польское население). Поляки потребовали от кадетов перестать отстаивать права евреев, а после отказа публично разорвали с кадетами [12, с. 257–271].

Появление в Думе новой либеральной фракции – прогрессистов (И. Н. Ефремов, А. И. Коновалов) – свидетельствовало о кризисе прежних либеральных партий. Прогрессистская партия была организована московскими торгово-промышленниками, обвинявшими октябристов в беспринципности, а кадетов – в излишнем и бесплодном догматизме. Прогрессисты успешно использовали новые настроения российского общества, связанные с экономическим подъемом и происходившим ростом благосостояния [5, с. 170–171, 205–208, 237–245].

Исход парламентских выборов predetermined отставку министра внутренних дел А. А. Макарова, ответственного за организацию выборной кампании. Преемником Макарова стал 41-летний черниговский губернатор Н. А. Маклаков, один из образцовых столыпинских управленцев, которого Николай II прочил на пост главы МВД еще в 1911 г. [5, с. 143–144]. Именно Маклаков обеспечивал блестящее проведение торжеств, связанных с 300-летием Дома Романовых (февраль 1913 г.). Маклакову прочили карьеру Столыпина: он мог занять премьерский пост, однако для этого ему нужно было заручиться поддержкой коллег по Совету министров [13, с. 174–207]. Маклаков смог подготовить ряд проектов реформ, предполагавших усиление государственного контроля над печатью и общественными организациями, расширение административных и полицейских штатов (они были сравнительно небольшими: Россия занимала последнее место в Европе по численности бюрократии на душу населения [14, с. 370–377]). Молодой министр завоевал доверие императора, но отношения внутри правительства ему, стороннику слишком радикальных политических шагов, выстроить не удалось [5, с. 252–255, 333–335].

В мае 1913 г. после очередного думского скандала произошел полный разрыв отношений между премьером В. Н. Коковцовым и депутатами. Министры перестали приходить в палату для обсуждения проекта государственного бюджета («министерская забастовка») [5, с. 267–273;

15, с. 192–202]. В октябре, накануне открытия новой думской сессии, Н. А. Маклаков предложил императору распустить Думу и на случай роста забастовок ввести в Петербурге военное положение. В перспективе могла возникнуть перспектива лишения Думы законодательного статуса, превращения ее в учреждение законосовещательное [16, с. 187–188]. Тем самым, власть могла окончательно отказаться от положений манифеста 17 октября 1905 г. и вернуться к «чистому самодержавию». Николай II поддержал план Маклакова, но внес предложение на обсуждение в Совет министров. В правительстве подобные резкие шаги понимания не нашли. В результате верх взяла иная, более либеральная линия. Большинство министров считало, что первоочередной задачей правительства было создание думского большинства для организации правильного законодательного процесса [5, с. 296–298].

Во главе этого направления стоял главноуправляющий земледелием и землеустройством А. В. Кривошеин – один из основных соратников Столыпина, главный организатор аграрной реформы. В июле 1913 г. во время Киевской сельскохозяйственной выставки Кривошеин произнес речь о необходимости единения власти и общества, преодолении разделения между «мы» и «они» [17]. Речь имела широкий резонанс, а сам Кривошеин получил репутацию будущего премьера. Главноуправляющий имел широкие связи как в буржуазных кругах, так и среди политиков: от консерваторов до правых кадетов. Новая правительственная программа формировалась Кривошеиным на основе программ различных думских фракций [5, с. 65–66].

Несмотря на несколько предложений занять премьерский пост, сделанных царем, Кривошеин предпочел стать «серым кардиналом» нового правительства. В январе 1914 г. новым премьером с подачи Кривошеина был назначен И. Л. Горемыкин. Новым министром финансов стал высокопрофессиональный финансист П. Л. Барк, рассматривавшийся кандидатом на этот пост еще при Столыпине. Особым рескриптом Барку было предписано серьезно поменять экономический курс. Правительство отказывалось от винной монополии («пьяного бюджета») и вводило широкий «народный кредит» [5, с. 323–330]. Весной 1914 г. в Думе оформилось правое большинство, настроенное на сотрудничество с новым правительством [18, с. 161–167]. В ответ фракция прогрессистов инициировала создание левого центра. Прогрессисты

попытались создать широкую оппозиционную (либерально-социалистическую) коалицию как в парламенте, так и вне его стен. Однако общепозиционные (включая большевиков) уличные акции протеста в марте 1914 г. не удалось [5, с. 340–341]. Попытка организовать обструкцию премьеру в Думе в апреле закончилась санкциями большинства в отношении депутатов-социалистов. Левый центр развалился, не успев сформироваться [5, с. 353–358]. Таким образом, возникла перспектива сотрудничества правительства и парламента. Подобная ситуация привела к тому, что с началом Первой мировой войны Совет министров был настроен на конструктивное взаимодействие с Думой и общественными силами [5, с. 357–358, 365–372; 19, с. 277–284].

Летом 1914 г. в Петербурге происходило серьезное забастовочное движение. Но революционной ситуации в стране не складывалось. Не было крестьянских волнений, движения в студенческой среде, в армии и на флоте. Оппозиционные партии были слишком слабы и не имели серьезного влияния на рабочих. Полиция проявляла повышенную терпимость к забастовщикам, потому что их пик пришелся на время официального визита в Петербург президента Франции Р. Пуанкаре [5, с. 371; 20, с. 123–135]. Сразу после его отбытия на улицы была выведена гвардия, а забастовки быстро пошли на спад. Столица вернулась к обычной жизни. Однако уже через несколько дней на улицах появились иные демонстрации – патриотические, связанные с международным кризисом 1914 г. [21, с. 58–59]. Наступившая Великая война стала самым масштабным вооруженным конфликтом за всю предшествующую историю человечества и не могла не отразиться на внутреннем положении России.

Список литературы:

1. Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2016.
2. Сорокин А. А. Реформа местного суда в Российской империи: власть и общество (конец XIX – начало XX в.). – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2021.
3. Фельдман М. А. Промышленные рабочие России в начале XX века//Вопросы истории. – 2006. – № 1. – С. 20–35.
4. Российская Империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография/под ред. А. И. Миллера и К. А. Соловьева. – М.: Квадрига, 2021.

5. Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.
6. Гайда Ф. А. П. А. Столыпин: консерватор и проблемы модернизации//Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2012. – № 5. – С. 79–107.
7. Гайда Ф. А. Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви//Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». – М.: Изд-во ПСТГУ, – 2008. – С. 16–24.
8. Арутюнов Г. А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910–1914 гг. – М.: Наука, 1975.
9. Политические партии России: 1907–1917. Количественный анализ/Сост. Н. Д. Постников. – М.: РНИСиНП, 2001.
10. Розенталь И. С. Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. – М.: РОССПЭН, 1996.
11. Гайда Ф. А. Русское политическое масонство накануне Первой мировой войны: партийный контекст (1912–1914)//Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: сб. научн. тр./отв. ред. И. В. Михеева, Ф. А. Селезнев. – Вып. 2. – Нижний Новгород: ООО «Растр», НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2015. – С. 399–407.
12. Гайда Ф. А. «Нам предлагают вести наступательную политику – польскую, украинскую, еврейскую, а вдруг польская столкнется с еврейской?!». Кадеты и национальный вопрос в западных губерниях Российской империи (1907–1914)//Русский сборник: Исследования по истории России/Ред.-сост. О. Р. Айрапетов и др. – Т. XXI. – М.: Модест Колеров, 2016. С. 257–271.
13. Гайда Ф. А. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков: политическая карьера русского Полиньяка//Русский сборник: Исследования по истории России/Ред.-сост. О. Р. Айрапетов и др. – Т. XI. – М.: Модест Колеров, 2012. – С. 174–207.
14. Писарькова Л. Ф. Много ли чиновников было в России?//Отечественные записки. – 2004. – № 2. – С. 370–377.
15. Гайда Ф. А. «Министерская забастовка» 1913 г.: IV Государственная дума и формирование «Нового курса» правительства//Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г. Сб. науч. ст./Под ред. А. Б. Николаева. – СПб.: Изд-во «ЭлекСис», 2011. – С. 192–202.
16. Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. – Минск: Харвест, 2003.
17. Новое время, 16 июля 1913 г.
18. Гайда Ф. А. Государственная дума в первой половине 1914 г.: проблема формирования парламентского большинства в контексте отношений с правительством//Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петер-

бург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2015 г. Сборник научных статей/Под ред. А. Б. Николаева: В 2-х частях. – СПб.: Изд-во «ЭлекСис», 2016. – Ч. 1. – С. 161–167.

19. Гайда Ф. А. Предыстория «Священного единения»: отношения правительства и Государственной думы накануне Первой мировой войны (лето 1913 – лето 1914 гг.)//Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г.: Сборник научных статей. В 2 ч./Под ред. А. Б. Николаева. – СПб.: Астерион, 2020. – Ч. 1. – С. 277–284.

20. Гайда Ф. А. Политическая обстановка в России накануне Первой мировой войны в оценке государственных деятелей и лидеров партий//Российская история. – 2011. – № 6. – С. 123–135.

21. Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. – М.: Кучково поле, 2014.

Власть и либеральная общественность в России в последние полгода монархии: рамки политического диалога

Гайда Федор Александрович
доктор исторических наук, доцент,
Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова –
МГУ, Россия, г. Москва
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет –
ПСТГУ, Россия, г. Москва

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

The government and the liberal community in Russia in the last six months of the monarchy: the framework of political dialogue

Gayda Fyodor
habilitated doctor,
associate professor in Lomonosov Moscow State University –
MSU, Moscow, Russia
leading researcher in St.Tikhon Orthodox University – STOU, Moscow, Russia

Аннотация: Статья посвящена политическому развитию в Российской империи в сентябре 1916 – феврале 1917 гг. Автор приходит к выводу, что в последние месяцы существования старого порядка правительство было склонно к достижению компромисса с либеральной оппозицией. Однако оппозиция оказалась в порочном круге: считая революцию близкой перспективой, либералы делали выбор между ней и старым порядком в пользу нее и тем только приближали подобную перспективу. Происходило постоянное нарастание политического давления, в котором свою роль неизбежно должна была сказать «улица».

Abstract: The article is devoted to the political development in the Russian Empire in September 1916 – February 1917. The author concludes that the government was inclined to reach a compromise with the liberal opposition. However, the opposition found itself in a vicious circle: the liberals considered the revolution to be a close prospect, they made a choice between it and the old order in favor of the revolution, and thus only brought such a prospect closer. There was a constant buildup of political pressure, and “the street” inevitably had to say its role.

Ключевые слова: Николай II; Совет министров; Государственная дума; Государственный совет; А. Д. Протопопов, А. Ф. Трепов.

Keywords: Nicholas II; The Council of Ministers; The State Duma; The State Council; A. D. Protopopov, A. F. Trepov.

К осени 1916 г. внутривластная ситуация в России была весьма противоречивой. Страна более двух лет вела войну, равной которой по напряжению она не знала за всю свою предшествующую историю. Международный конфликт затянулся, сроки его окончания были всё менее очевидны, однако вполне ясным было то, что Германия с учетом катастрофического истощения ее внутренних ресурсов в войне победить не сможет. Россия находилась в лагере потенциальных победителей. Брусиловский прорыв стал наиболее успешной операцией Антанты в 1916 г.: австро-венгерская армия перестала быть самостоятельной военной силой, постоянно нуждаясь в германской поддержке, а итальянские союзники, наоборот, были спасены от разгрома. Российская промышленность завершила процесс перестройки на военный лад, а по общим показателям вышла на абсолютный рекорд за весь предреволюционный период. Между тем, оборотной стороной военных усилий стал нарастающий социальный кризис. Именно он стал основным фоном для политической борьбы, резко обострившейся осенью 1916 г.

К этому времени объявленное летом 1914 г. «Священное единение» давно кануло в лету. В 1915 г. в России возобновилась острая политическая борьба. Важно отметить, что в условиях распада партийных организаций костяк оппозиции составляли государственное учреждение – Дума – и всероссийские «общественные организации» (Земгор, военно-промышленные комитеты), львиную долю бюджета которых составляли правительственные ассигнования. Купить политическую лояльность либералов, а именно таков был план с началом войны, правительству не удалось. Тем не менее, первый год противостояния завершился, в целом, в пользу власти. Первая думская сессия Прогрессивного блока (февраль-июнь 1916 г.) закончилась его поражением. По сути, он не смог даже согласовать единого пакета законопроектов на основе собственной декларации. К осени думское большинство оказалось на грани распада. После начавшегося сокращения государственных расходов на «общественные организации», они тоже сбавили накал оппозиционной борьбы [подробнее см.: 1].

Предстоявшая сессия для Государственной думы IV созыва должна была стать последней, то есть предвыборной. В обстановке нарастающего забастовочного движения руководство либеральной оппозиции пыталось выработать новую, более эффективную политическую линию. «До революции осталось всего лишь несколько месяцев, если такая не вспыхнет стихийным порядком гораздо раньше», – так передавала настроение верхушки кадетской партии сводка петроградского губернского жандармского управления за октябрь 1916 г. [2, с. 135]. Оппозиции нужно было либо отстраниться от стихийных уличных событий, у которых явно не просматривалось значимых лидеров (социалистические партии в это время были организационно слабы), либо пойти на риск и попытаться их возглавить.

В таких обстоятельствах власть попыталась захватить инициативу и пойти на компромисс с думскими кругами. 16 сентября управляющим министерством внутренних дел был назначен товарищ (заместитель) председателя Думы, член фракции земцев-октябристов А. Д. Протопопов. МВД (ключевой в правительстве пост) во второй раз после А. Н. Хвостова занял действующий депутат. Но если Хвостов был правым и имел опыт губернаторской деятельности, то Протопопов был представителем оппозиционного большинства. Назначение стало самым необычным кадровым решением столь высокого уровня за весь период царствования последнего императора. За назначение Протопопова в правительство в разное время выступали министр земледелия А. В. Кривошеин, министр иностранных дел С. Д. Сазонов, думский председатель М. В. Родзянко и даже британский король Георг V (Протопопов возглавлял российскую парламентскую делегацию, посетившую союзников весной-летом 1916 г.) [3, с. 83–84]. Сам будущий глава МВД всячески добивался занятия министерского поста и использовал для этого разнообразные возможности, в том числе наладил связи с окружением императрицы Александры Федоровны (в частности, с Г. Е. Распутиным). За 9 дней до назначения она впервые заинтересовалась фигурой Протопопова и быстро стала его сторонницей. В ответ на предложение супруги о назначении Николай II отвечал очень осторожно: «Протопопов – хороший человек, но у него много дел с заводами и т. п. <...> Я должен обдумать этот вопрос, так как он застигает меня совершенно врасплох. Мнения нашего Друга [Распутин – Ф. Г.]

о людях бывают иногда очень странными, как ты сама это знаешь – поэтому надо быть осторожным, особенно при назначениях на высокие должности» [4, с. 11–12, 16–18, 51, 58, 79]. Тем не менее, вскоре Протопопов получил назначение. Поддержка широчайших и столь разнохарактерных кругов сыграла свою роль. Казалось бы, теперь можно было надеяться на постепенное формирование общенационального единства. По мере развития этой тенденции назначения думцев на министерские посты могли стать распространенной практикой, что со временем привело бы и к парламентскому кабинету. Однако всего этого не произошло. Вспоминая о конфликте Протопопова и Прогрессивного блока, С. Т. Варун-Секрет (так же, как и сам Протопопов, товарищ председателя Думы и земец-октябрист) замечал: «Это было тем более странно, что лозунгом того времени было Министерство народного доверия и, казалось бы, всякий шаг власти навстречу такому домогательству должен бы был принят благожелательно. Но случилось обратное. Разгадка этого в том, что самый лозунг являлся фальшью и лицемерием. Он заключал в себе совершенно иной смысл и совершенно иное значение» [5, с. 778].

Неожиданное назначение первоначально внесло сумятицу в оппозиционные ряды. Лидеры Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) А. И. Гучков и А. И. Коновалов восприняли событие как значительный успех [2, с. 141; 6, л. 236 об. – 237 об.]. П. Н. Милюков на заседании московского отделения кадетского ЦК 1–2 октября указал, что на Западе назначение Протопопова было воспринято как «поворотный пункт внутренней политики России в сторону думского прогрессивного блока». Но А. А. Кизеветтер опасался, что октябристы в новой ситуации могли покинуть ряды оппозиции. Поэтому кадеты решили усилить оппозиционный натиск на власть [7, л. 2–3]. Эта тенденция окончательно победила, когда сам Протопопов заявил о своей верности «общей» политике правительства Б. В. Штюрмера [8]. «Назначение Протопопова – признак разложения Думы: наш разврат, который надо заклеить», – соглашался 3 октября на совещании Прогрессивного блока соратник Протопопова по фракции гр. Д. П. Капнист. Совещание выступило «за ломку шеи правительству» [9, с. 82–83]. Личная встреча управляющего МВД с думскими лидерами 19 октября лишь закрепила произошедший разрыв [10, с. 1–12; 11, с. 314–320].

Тем не менее, накануне открытия думской сессии Прогрессивный блок так и не смог выработать совместного текста новой антиправительственной декларации. Фракция прогрессистов потребовала внесения требования «ответственного министерства» (правительства парламентского большинства) и после его отвержения объявила о выходе из блока [9, с. 95–117]. Спасти единство оппозиционных рядов теперь можно было лишь резким усилением политической борьбы. В этих обстоятельствах неформальный лидер Прогрессивного блока Милюков использовал свой последний козырь. При открытии Думы 1 ноября им была произнесена знаменитая речь «Глупость или измена?», в которой содержались прозрачные намеки на стремление императрицы и премьера заключить сепаратный мир с Германией. Оратор опирался на слухи, почерпнутые из немецких и швейцарских газет. «Я, кажется, думал в тот момент, – признавался впоследствии в частном письме И. И. Петрункевичу 2 октября 1919 г. Милюков, – что раз революция неизбежна <...> то надо пытаться взять ее в свои руки» [12, л. 6].

Накануне выступления Милюков получил поддержку британского посла Дж. Бьюкенена. 27 октября на заседании «Общества английского флага», которое состоялось в петроградской думе, посол выразил уверенность в скорой победе Антанты, но отметил, что она должна произойти не только над врагом внешним: «Окончательная победа должна быть одержана над коварным врагом внутри наших стран». Соратник Милюкова А. И. Шингарев заверил посла, что «те, кого инспирируют из Берлина», не добьются своего [13].

На следующем заседании 3 ноября с резкой критикой правительства выступили представители блока В. В. Шульгин, В. А. Маклаков, гр. Д. П. Капнист. В адрес министерской логи последний оратор произнес: «Либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна» [14, стб. 120, 135]. «После последних событий в Государственной думе, кажется, и самые демократические элементы признали Милюкова своим руководителем. Теперь мы ждем новых событий. Если нас не распустят, и если они [правительство – Ф. Г.] не уйдут, то борьба будет продолжаться. Боязно всегда за октябристов, но думаю, что на этот раз и они выдержат», – писал брату депутат-кадет А. А. Эрн [15, л. 961]. Кн. Е. Н. Трубецкой в письме М. К. Морозовой замечал: «Несовместимость Думы со Штюрмером, России со Штюрмером, вот что ярко обнаружилось,

невозможность победы при Штюрмере, решимость Думы бороться с ним до конца, вот, что прозвучало во всех речах... Власть смешана с грязью в его лице; хватит ли у Государя силы – извлечь ее из этой помойной ямы, куда она рухнула, и отдать ее честному министру? Во всяком случае Дума решила все поставить на карту. Если Штюрмера не прогонят, то разгонят Думу. ...Если его не уберут, она пойдет напролом, хотя бы ценой роспуска: потому что в этом случае катастрофа для России неизбежна. Что из того, что обвинение в предательстве не доказано: доказано, что это человек, готовый все продать, а при этих условиях никакой уверенности, что он не продаст Россию, быть не может [*подчеркнуто автором – Ф. Г.*] [16, л. 63–63 об.].

Правительство оказалось деморализовано. 4 ноября по решению Совета министров заседание Думы посетили военный и морской министры ген. Д. С. Шуваев и адм. И. К. Григорович. Их примирительные были встречены общими бурными аплодисментами, а затем разгромная критика власти продолжилась [14, стб. 203–206]. Появление министров было воспринято как слабость правительства и раскол в его рядах. В Думе посчитали, что министры действовали самостоятельно [17, л. 1040; А. А. Эрн – Ю. М. Эрн, 11 ноября 1916 г.]. «Эта демонстрация сочувствия укрепила мысль о полном согласии армии, флота и народного представительства», – отметила кадетская газета «Речь» [18]. 10 ноября последовала отставка Б. В. Штюрмера и назначение на его пост министра путей сообщения А. Ф. Трепова. Это только укрепило оппозицию в ее боевых настроениях. На совещании думцев и представителей общественных организаций было решено использовать замешательство власти «для удовлетворения всех требований» оппозиции [19, л. 32 об. – 34].

19 ноября А. Ф. Трепов огласил в Государственной думе правительственную декларацию, в которой признавал необходимость срочной разработки целого ряда законопроектов из программы Прогрессивного блока и придал гласности Петроградскую конвенцию Антанты о передаче России Константинополя и Проливов после победы в войне (тем самым, отвергались всякие слухи о стремлении России к сепаратному миру) [14, стб. 251–259]. Однако декларация «была встречена Думой холодно и не нашла в ней никакого сочувственного отклика» [20]. «Увы, господа, мы перед прежними маленькими, чужими народу людьми. В их сре-

де по-прежнему нет никого, кого бы народ знал и кому бы он верил», – заявил в ответ Милюков [14, стб. 323–326, 347]. Трепову не удалось договориться с Думой в первую очередь потому, что думское большинство уже не было способно к какому-либо деловому разговору. Любой подобный диалог с теми, кто только что был обвинен в государственной измене, означал бы признание самой Думой своей неправоты. Один из лидеров правых В. М. Пуришкевич поддержал думское большинство, обвинив правительство в «германофильстве», взяточничестве и удущении «общественной инициативы». Оратор открыто назвал Протопопова креатурой Распутина, а самого Распутина – настоящим «руководителем» русской внутренней политики и потребовал избавить от него Россию [14, стб. 260–288]. 26 ноября Государственный совет также потребовал устранения от власти «темных сил» и создания правительства, опирающегося на «доверие страны» [21, с. 159–160].

Подобные резолюции предполагали принять и съезды Земского и Городского союзов (Земгора), но их проведение было запрещено администрацией по личному указанию премьера [22, с. 308]. Однако на частных совещаниях делегаты приняли еще более радикальные резолюции с требованием «ответственного министерства» [2, с. 155–157, 159–160]. Лидер Земсоюза кн. Г. Е. Львов заявил: «Оставьте дальнейшие попытки наладить наладить совместную работу с настоящей властью! Они обречены на неуспех, они только отдаляют нас от цели. Не предавайтесь иллюзиям! Отвернитесь от призраков! Власть нет...» [23, с. 109]. 16 декабря парламент был распущен на рождественские каникулы, а следующей ночью при участии Пуришкевича был убит Распутин. Наказания для убийц были слишком мягкими. Единственными демонстративными шагами со стороны власти в ответ на активность оппозиции стали утверждение Протопопова на посту министра внутренних дел, замена недостаточно твердого Трепова на, как считалось, более верного царю кн. Н. Д. Голицына, а также традиционная новогодняя «чистка» состава Государственного совета, после чего его правое крыло впервые за десятилетие получило относительный перевес. Председателем палаты стал умеренный консерватор И. Г. Щегловитов [21, с. 167–168].

Дополнительным средством давления оппозиции на власть стала имитация подготовки «дворцового переворота». При ЦВПК была создана «пятерка» в составе Гучкова, Коновалова, председателя Киевско-

го военно-промышленного комитета М. И. Терещенко, товарища председателя Думы кадета Н. В. Некрасова и лидера фракции трудовиков А. Ф. Керенского. «Пятерка» имела постоянные контакты с социалистическими группами столицы [24, с. 19], а также попыталась установить контакты с войсками [25, л. 1–4]. Но, как позднее свидетельствовал Гучков в письме историку С. П. Мельгунову, «сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось» [26, с. 149]. По сведениям Протопопова, Гучков вел переговоры с генералом В. И. Гурко (заменившим М. В. Алексеева на посту начальника Штаба Ставки во время его болезни), но проведенное полицейское расследование это не подтвердило [27, л. 121]. Основная задача заключалась в максимально широком распространении слухов о подготовке переворота. Бьюкенену Гучков предсказывал, что переворот произойдет к Пасхе [28, с. 198]. По свидетельству знакомой Гучкова кн. Л. Л. Васильчиковой, он «с поистине изумительной откровенностью провозглашал это мнение в каждой гостиной» и расписывал возможность арестовать императора во время его переезда из Ставки в Царское Село. На предложение княгини передать это императрице ее мать ответила, что «это пустая болтовня, которая дальше болтовни и не пойдет», так как «заговоры, которые обсуждаются во всех подробностях в гостиных с чужими людьми, не могут считаться серьезными» [29, с. 350–351]. Однако подобная активность принесла результат: в феврале-марте 1917 г. верхушка армии оказалась готова к соглашению с либералами об отречении Николая II [30, с. 193–195].

Тем не менее, развязка перестала пугать либералов. На заседании московского городского комитета кадетской партии в январе 1917 г. М. Л. Мандельштам предложил Милюкову при открытии Думы провозгласить ее Учредительным собранием. Милюков ответил: «Мы это делаем, если у Таврического дворца мы будем иметь несколько полков» [31, с. 465]. Даже относительно умеренный В. А. Маклаков признавал теперь, что «революционный путь борьбы неизбежен. Весь вопрос лишь теперь в моменте открытия этой борьбы... Быть может, он очень, очень близок, но так или иначе нет смысла форсировать события» [32, с. 30].

После начавшегося в Думе 1 ноября «штурма власти» резко активизировалась рабочая группа ЦВПК во главе с меньшевиком К. А. Гвоз-

девым [33, л. 45–47, 62–64 об., 117–118 б. об.]. Группа намеревалась организовать демонстрации рабочих в рамках общей деятельности оппозиции. В январе 1917 г. начальник Петроградского военного округа ген. С. С. Хабалов дважды указывал руководству ЦВПК, что группа «заялась обсуждением политических вопросов в резко революционном направлении». 20 января полиция явилась в помещение рабочей группы, но, не застав на заседании посторонних (т. е. не получив формального повода для ареста), удалилась. Лишь 27 января рабочая группа была, наконец, арестована. Хабалов действовал крайне осторожно. Большой К. А. Гвоздев был помещен под домашний арест, но по личному ходатайству Гучкова караул через 2 дня был снят [34, л. 149–151 об.; 35, л. 42–43, 62–66, 125–125 об.; 36, л. 5–6, 62].

14 февраля возобновилась работа Думы. Вместо нового премьера туда прибыл министр земледелия А. А. Риттих, который призвал депутатов к совместному решению продовольственного вопроса. Однако палата отложила обсуждение его выступления и перешла к прениям о политическом положении страны. Лидер фракции прогрессистов И. Н. Ефремов предложил поставить «всепоглощающий вопрос о нашем государственном строе». Меньшевик Н. С. Чхеидзе предложил вместо обсуждений брать власть в свои руки. На следующий день его соратник М. И. Скобелев заявил: «Или эта власть с ее приспешниками будет сметена, или Россия погибнет». Керенский призвал решить задачу «уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало». Он призвал не останавливаться на применении «законных средств», а перейти к «физическому... устранению» представителей власти [14, стб. 1279–1286, 1288–1298, 1313–1316, 1347, 1353–1354, 1428]. Речь была прервана председательствующим Н. В. Некрасовым, однако на запрос Главного управления по делам печати о выдаче стенограммы речи совещание Думы ответило отказом [37, с. 21]. Революционные речи продолжались вплоть до приостановки сессии 26 февраля.

В начале ноября 1916 г. в консервативном салоне члена Государственного совета шталмейстера А. А. Римского-Корсакова была составлена и передана царю записка о внутреннем положении России. Государственная дума обвинялась в открытых революционных поползновениях и организации «государственного, а весьма вероятно, и династического переворота». Предлагалось провести целый ряд мер по укреплению

порядка: назначить на посты министров, начальников округов и военных генерал-губернаторов верных династии лиц, наделить представителей местной администрации полномочиями по удалению от должности всех неблагонадежных или проявивших «слабость или растерянность» чиновников; немедленно закрыть левые газеты с одновременным усилением поддержки правых; поставить под военный контроль учреждения Земгора и военно-промышленных комитетов с целью пресечения революционной пропаганды и финансовых злоупотреблений; ввести в столицах и крупных городах военное или осадное положение и военно-полевые суды. Думу необходимо было окончательно распустить, изменить ее полномочия и порядок выборов, удалить из Государственного совета всех членов Прогрессивного блока. Говорилось о необходимости восстановления монарших прерогатив в законодательной сфере [38, с. 337–343]. Иными словами, по сути ставился вопрос о восстановлении самодержавного строя, существовавшего до 1905 г.

21 декабря один из инициаторов записки экс-министр внутренних дел Н. А. Маклаков написал Николаю II письмо, в котором призывал, во избежание новой революции, призвать Думу к порядку. Бывший министр напоминал, что в 1905 г. внутренняя смута оказалась более грозным врагом, чем Япония [39, л. 10–11 об.]. 8 февраля 1917 г. Протопопов передал Маклакову желание императора о составлении текста манифеста о роспуске Думы, который затем и был составлен. Кроме того, Маклаков считал необходимым разработку мер противодействия той части населения, которая «сбита с толку» оппозицией и попытается оказать сопротивление: «Власть более чем когда-либо должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок, чего бы то ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее и ожесточеннее и наглее врага внешнего. «Смелым Бог владеет», Государь» [39, л. 19–20].

Тем не менее, планы правых реализованы не были. Позднее, в эмиграции, Трепов вспоминал: «Император отдавал все свое внимание войне и считал, что Россия должна напрячь все свои силы, как моральные, так и физические. В то же время Его Величество отдавал себе полный отчет в необходимости широких внутренних реформ и несколько раз говорил мне об этом <...>. Царь был больше, чем я, уверен в проч-

ности общественного порядка. Он не считал возможным приступить к реформам до тех пор, пока война не закончится полной победой. «Не меняют лошадей, – говорил он, – во время переправы через брод; русский народ по своему патриотизму понимает это и терпеливо ждет до окончания войны; только отдельные группы населения обеих столиц желают волнений; интересы народа не совпадают с их вожделиниями, и, если эти группы будут подстрекать к беспорядкам, их заставят успокоиться, хотя бы для этого и пришлось прибегнуть к репрессиям. Но я никогда не отвергну того, что может способствовать успеху войны; внутренние же реформы будут проведены позднее и в том направлении, которое лучше удовлетворит интересы подлинного народа. Я уверен, что народ поймет, что я не преследую личных целей и что я прав, не желая поддаваться в настоящее время домогательствам нескольких лиц, которые ищут удовлетворения их личных политических интересов или интересов их партий. Это было бы проявлением крайней слабости и это повредило бы общим интересам, которые преследуются в вооруженной борьбе и для которых, я повторяю, надо без остатка напрячь все силы государства. И, наконец, до окончания войны нет никаких серьезных оснований опасаться за внутреннее положение» [40].

В целом, в последние месяцы существования Российской империи власть гораздо более оппозиции была склонна к достижению компромисса. Оппозиция оказалась в порочном круге: считая революцию близкой перспективой, либералы делали выбор между ней и старым порядком в пользу нее и тем только приближали подобную перспективу. Революция могла привести либералов к власти, но лишь ненадолго.

Список литературы:

1. Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). – М.: РОССПЭН, 2003.
2. Буржуазия накануне Февральской революции. Сб. док. и мат. под ред. Б. Б. Граве. – М.-Л.: Центрархив, 1927.
3. Шаховской В. Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. – Париж: б. и., 1952.
4. Переписка Николая и Александры Романовых. – М.; Пг.: ГИЗ, Центрархив, 1923–1927. – Т. 5.
5. Иванов А. А., Машкевич С. В. С. Т. Варун-Секрет. «А. Д. Протопопов и последние дни Государственной думы» // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. – № 3.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 102. ДП ОО. – Оп. 246. 1916. – Д. 347. т. 4.
7. ГА РФ. – Ф. 63. МОО. – Оп. 47. 1916. – Д. 503.
8. Утро России, 1 октября 1916 г.
9. Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. //Красный архив. – 1933. – № 1 (56).
10. ГА РФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 382.
11. Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. – М.: Новости, 1990.
12. ГА РФ. – Ф. 5856. – Оп. 1. – Д. 184.
13. Речь, 28 октября 1916 г.
14. Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стенографические отчеты. – Ч. I–II. – Пг., 1916–1917.
15. ГА РФ. – Ф. 102. ДП ОО. – Оп. 265. – Д. 1059.
16. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (НИОР РГБ). – Ф. 171. – Папка 9. – Ед. хр. 1.
17. ГА РФ. – Ф. 102. ДП ОО. – Оп. 265. – Д. 1060.
18. Речь, 7 ноября 1916 г.
19. ГА РФ. – Ф. 102. ДП ОО. – Оп. 246. 1916. – Д. 27. ч. 46.
20. Русские ведомости, 20 ноября 1916 г.
21. Бородин А. П. Государственный совет России (1906–1917). – Киров: Вятка, 1999.
22. Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. – В 7 т. – Под ред. П. Е. Щеголева. – Л.: Государственное издательство, 1925–1927. – Т. 5.
23. Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. – Ч. 2. – М.-Пг.: Истпарт. Комис. по истории Окт. рев. и РКП (б-ков). – 3-е изд., испр., 1923.
24. Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Вступит. ст. В. В. Поликарпова//Вопросы истории. – 1998. – № 11–12.
25. Милюков П. Н. IV Государственная дума//ГА РФ. – Ф. 5868. – Оп. 1. – Д. 117.
26. Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. – Париж: Родник, 1931.
27. ГА РФ. – Ф. 102. ДП ОО. – Оп. 247. 1917. – Д. 307 а.
28. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. – М.: Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Международные отношения, 1991.
29. Васильчикова Л. Л., кн. Исчезнувшая Россия. Воспоминания кн. Лидии Леонидовны Васильчиковой. 1886–1919. – СПб.: Петербургские сезоны, 1995.
30. Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). – М.: Три квадрата, 2003.
31. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. – В 3 т. – Отв. ред. В. В. Шелохаев. – Т. 3. – Кн. 1. – М.: РОССПЭН, 2000.
32. Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года//Вопросы истории. – 2000. – № 3.

33. ГА РФ. – Ф. 102. ДП ОО. – Оп. 246. 1916. – Д. 347. т. 5.
34. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 12564. – Оп. 1. – Д. 82.
35. РГВИА. – Ф. 13251. – Оп. 11. – Д. 2.
36. РГВИА. – Ф. 13251. – Оп. 11. – Д. 15.
37. Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года//Вопросы истории. – 2000. – № 6.
38. Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г. //Архив русской революции. Под ред. И. В. Гессена. – М.: Терра, 1991. – Кн. 3. – Т. 5.
39. ГА РФ. – Ф. 601. – Оп. 1. – Д. 1288.
40. Письмо А. Ф. Трепова//Новое время (Белград), 20 апреля 1924 г.

Участие России в Первой мировой войне: актуальные исследовательские проблемы

Денис Юрьевич Козлов,
доктор исторических наук,
руководитель Центра военной истории России Института
российской истории РАН, президент Российской ассоциации историков
Первой мировой войны

Russia's Participation in the First World War: Actual Research Problems

Denis Yu. Kozlov,
PhD (History), Head of the Center for Military History of Russia,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
President of the Russian Association of the WWI Historians

Аннотация: Статья посвящена дискуссионным аспектам истории Первой мировой войны. Обосновывается тезис об уникальности Великой войны 1914–1918 гг. как явления военной истории, освещаются некоторые актуальные исследовательские проблемы участия в ней России. Сделан вывод, что Первая мировая война остается в фокусе внимания исторической науки и многие сюжеты и проблемы сохраняют огромный потенциал для дальнейшего изучения и осмысления.

Annotation: The paper dwells on analyzing controversial aspects of the WWI history. The thesis about the uniqueness of the Great War as a phenomenon of military history is substantiated, some topical research problems of Russia's participation in it are highlighted. It is concluded that the First World War remains in the focus of attention of historical science and many subjects and problems retain a huge potential for further study and comprehension.

Ключевые слова: Россия, Первая мировая война, Николай II, вооруженные силы, историография, актуальные проблемы.

Keywords: Russia, World War One, Nicholas II, armed forces, historiography, current problems.

Первая мировая война, длившаяся более четырех лет – с 1 августа 1914 г. до 11 ноября 1918 г., по своим масштабам и последствиям не имела себе равных во всей предшествовавшей истории человечества.

Войны, имевшие некоторые признаки глобального военного конфликта, имели место и ранее. У Черчилль назвал «первой мировой» Семилетнюю войну 1756–1763 гг., в ходе которой военные действия велись как в Европе, так и за океаном: в Северной Америке, в странах Карибского бассейна, Индии, на Филиппинах. Сюда же можно отнести совокупность военных конфликтов, развязанных на фоне войны за независимость в Северной Америке в 1775–1783 гг., и, конечно, наполеоновские войны. Некоторые исследователи не без некоторых на то оснований называют «нулевой мировой войной» Крымскую и даже Русско-японскую войны. Однако именно Первая мировая война по своим масштабам и напряжению превзошла все ранее виданное человечеством.

Начавшись между основными европейскими державами, она постепенно вовлекла в свою орбиту 38 государств, в том числе большинство государств Европы и все крупнейшие державы мира. В воюющих странах проживало 1,5 млрд человек, что составляло трех четвертей населения Земли. Народам мира война принесла поистине неисчислимые бедствия. Около 10 млн убитых (столько, сколько погибло во всех европейских войнах за предшествующую тысячу лет) и 20 млн раненых – таков ее кровавый итог. Только прямые военные расходы воюющих государств составили 208 млрд долларов, что на порядок превышает стоимость всех войн XIX и начала XX столетий.

Вооруженная борьба развернулась на огромных пространствах (площадь территории, охваченной военными действиями, составляла около 4 млн кв. км, а протяженность фронтов колебалась от 2,5 до 4 тыс. км). Мировая война впервые потребовала предельного напряжения материальных ресурсов воюющих держав, заставила их перевести на военное производство предприятия основных отраслей промышленности, направить на удовлетворение нужд действующих армий и флотов усилия всей экономики.

В ходе гонки вооружений, развернувшейся в преддверии глобального военного конфликта, ведущие европейские державы к 1914 г. почти вдвое по сравнению с 80-годами XIX века увеличили численность своих армий. А в годы мировой войны все ее основные участники многократно нарастили группировки своих вооруженных сил, создав массовые армии. Это сделала – впервые в своей истории – даже Великобритания,

где была введена всеобщая воинская повинность. Всего под ружье было поставлено около 50 млн человек¹.

Начало XX века характеризовалось и беспрецедентной гонкой морских вооружений, катализированной появлением теории «владения морем» А. Мэхэна и Ф. Коломба. Дополнительный импульс ей придало появление «дредноутов» – нового поколения линейных кораблей, существенно превосходивших своими боевыми возможностями корабли предшествовавших типов. Германия, затратив колоссальные финансовые и экономические ресурсы, создала мощный флот, уступавший только морским силам Великобритании. Немецкий «Флот открытого моря», по замыслу его создателя гросс-адмирала А. фон Тирпица, был призван удержать Англию от вмешательства в европейскую войну на стороне противников Германии. Однако на практике именно англо-германское соперничество в военно-морских вопросах стало одним из наиболее действенных катализаторов Первой мировой войны².

Не оставалась в стороне и Россия, где после дальневосточной катастрофы были выработаны и реализованы новые подходы к разработке кораблестроительных программ. Показательно, что с 1907 по 1914 гг. по темпам роста военно-морского бюджета (173,9%) Россия вышла на первое место в мире, а по абсолютному значению «морских издержек» накануне мировой войны уступала лишь Великобритании и США. Более того, планом сметы морского ведомства на 1915 г. предусматривалось оставить позади и Америку³. В этой связи любопытно отметить, что немецкий историк У. Вихман, исследовавший российское военно-морское законодательство кануна Первой мировой войны, сделал весьма нетривиальный вывод о том, что реакция Германии на угрожающий рост морской мощи России, о котором свидетельствовали проект «Закона о флоте» 1911 г. и принятие «большой» кораблестроительной программы в 1912 г., явилась важной, хотя и недооцененной причиной развязывания Первой мировой войны⁴.

¹ Алексеев Ю. А., Иминов В. Т., Ковалев В. Е. и др. Регулярная армия России. Русская армия и флот в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). М., 2010. С. 44.

² См. подробнее: Романова Е. В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. М., 2008; *Epkenhans M. Die wilhelminische Flottenrüstung 1908–1914. Weltmachtstreben, industrieller Fortschritt, soziale Integration.* München, 1991; *Padfield P. The Great Naval Race. Anglo-German Naval Rivalry, 1900–1914.* Edinburgh, 2005 и др.

³ Павлович М. (Вельтман М.) Мировая война 1914–1918 гг. и грядущие войны. Л., 1925. С. 209.

⁴ *Wichmann U. Unkonventionelle Gedanken über die Ursachen des Ersten Weltkrieges: unter besonderer Berücksichtigung des russischen Flottengesetzes von 1912.* Frankfurt/M., 1999.

Учитывая тему наших чтений, представляется уместным сказать несколько слов о личных военно-морских предпочтениях Николая II. Царь любил флот, лично знал многих морских офицеров, с удовольствием путешествовал на своей яхте «Штандарт». Николай II видел во флоте неременный атрибут великой империи и неизменно поддерживал программы военно-морского строительства, однако, в отличие от «кузена Вилли» – германского кайзера Вильгельма II, не пытался позиционировать себя как специалиста по флотским делам и полагался на мнение своих более сведущих помощников⁵. Среди последних следует отметить прежде всего адмирала И. К. Григоровича, назначение которого морским министром в 1911 г. стало одним из наиболее удачных кадровых решений последнего российского императора.

Перед Первой мировой войной высказывались суждения о том, что будущий конфликт будет иметь характер затяжного состязания военно-экономических потенциалов. Так, в «Памятной записке по поводу закона о флоте и судостроительной программы» (январь 1912 г.) начальник российского Морского генерального штаба контр-адмирал светлейший князь А. А. Ливен указывал, что «предстоящее кровопролитие будет длительным и изматывающим. Победит тот, кто будет иметь глубокий тыл и значительные внутренние ресурсы»⁶. Британский премьер-министр Г. Аксвит полагал, что мировая война станет «затяжной борьбой» («protracted struggle»), подобной «20-летней борьбе с французами» (очевидно, во времена Наполеона)⁷.

Однако это и другие подобные высказывания политических и военных авторитетов, судя по содержанию планов применения вооруженных сил, погоды не делали. Планы генеральных штабов строились на гипотезе о маневренном характере и непродолжительности будущей войны. Предполагалось, что победа будет достигнута путем проведения одной быстротечной кампании, одним – двумя «генеральными сражениями» (стратегическими операциями) с использованием лишь отобюджетированных кадровых армий и накопленных в мирное время материально-тех-

⁵ Грибовский В. Флот в эпоху Николая II//Морской сборник. 1995. № 12. С. 83–89.

⁶ Павленко О. «Западная угроза» и прогнозы большой европейской войны в военной и политической элите России (1910–1914)//Россия и Великая война. Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы Международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М., 2011. С. 151.

⁷ *Hallifax S. 'Over by Christmas': British Popular Opinion and the Short War in 1914//First World War Studies.* October 2010. Vol. 1. Number 2. P. 108.

нических средств. При этом наращение последних в ходе войны за счет мобилизации экономических ресурсов страны, перевода промышленности на военное положение не предусматривались. Считалось, что запасов вооружения и снаряжения, созданных с подготовительный период, хватит на все время военных действий, а неизбежные боевые потери можно будет восполнить путем увеличения объемов производства на специализированных оборонных предприятиях.

Пожалуй, единственным исключением из повсеместного увлечения «стратегией сокрушения» стал план применения великобританского флота. Более того, военно-морской компонент английского стратегического планирования стал одним из немногих в истории примеров эффективного функционирования логической конструкции «военная теория – стратегический план – боевая практика». В 1911 г. вышла в свет работа военно-морского теоретика и историка Дж. Корбетта «Некоторые принципы морской стратегии», где, в частности, был сформулирован тезис о том, что *«господство на море... не означает ничего, кроме обладания морскими сообщениями»*⁸, при том что *«непосредственное участие в открытых столкновениях с противником не является первостепенной задачей линейного флота»*⁹. Уже в следующем – 1912 году – британское адмиралтейство впервые со времен Дж. Родни, Р. Хоу, Дж. Джервиса, А. Худа и Г. Нельсона отказалось от планов активных наступательных действий (в данном случае – вторжения в Гельголандскую бухту и даже ее ближней блокады) и приняло решение ограничиться дальней блокадой побережья Германии. Этот замысел полностью оправдал себя в годы Первой мировой войны: успешно отражая все попытки немцев переломить ситуацию в Северном море, британский флот медленно, но верно душил Германию в тисках «голодной» блокады и не позволил Второму рейху воспользоваться плодами побед в грандиозных полевых сражениях и оккупации значительной части неприятельской территории¹⁰.

⁸ Корбетт Ю. Некоторые принципы морской стратегии/пер. с англ. М., 1932. С. 74.

⁹ Dirks U. Julian S. Corbett: Strategische Theorie von dem Hintergrund historischer Forschung//Seemacht und Seestrategie im 19. und 20. Jahrhundert/herausgegeben von J. Duppler. Hamburg; Bonn; Berlin, 1999. S. 167.

¹⁰ О влиянии морской блокады на положение Германии см. подробнее: Дикс А. Война и народное хозяйство по опыту Германии в мировую войну 1914–1918 гг. /пер. с нем. М., 1926; Guichard L. The Naval Blockade 1914–1918. London, 1930; Osborne E. W. Britain's Economic Blockade of Germany, 1914–1919. London; New York, 2004; Parmelee M. Blockade and Sea Power. The Blockade 1914–1919 and its Significance for a World State. London, 1927; Neitzel S. Weltkrieg und Revolution 1914–1918/19. Berlin, 2008 и др.

Великая война характеризовалась качественными новациями во всех отраслях военного дела. Они были predeterminedены, прежде всего, тем, что теперь вооруженная борьба велась не только на суше и поверхности моря, как это было в предшествующие тысячелетия, но и в воздухе и под водой, превратившись, таким образом, в трехмерный, «объемный» процесс. Причем новые рода сил – военная авиация и подводные лодки, едва вступив на арену войны, в ничтожно короткие сроки коренным образом изменили весь облик вооруженной борьбы.

Так, авиация, которая накануне войны расценивалась лишь как средство ведения разведки, быстро расширила спектр решаемых задач (в том числе ударных), а в конце войны союзники ставили на повестку дня вопрос об организации «стратегического воздушного наступления» – систематических бомбардировок экономических объектов Германии. Но наиболее яркий пример такого рода – подводные лодки, которые в 1914 г. вступили в войну как почти не апробированное средство позиционной обороны и тактической разведки, и всего через два с половиной года, с объявлением Германией «неограниченной подводной войны», стали основной ставкой Второго рейха на успешное завершение войны и были призваны самостоятельно решить важнейшую стратегическую задачу – вывести Великобританию из войны¹¹.

Появились новые рода войск – войска противовоздушной обороны (как войсковой, так и объектовой), бронетанковые, автомобильные, химические войска, принципиально повысились возможности средств связи и, следовательно, качество управления войсками в ходе операций и боевых действий. Появились новые классы боевых кораблей (в том числе авианосцы), разновидности морского оружия, технические средства подводного наблюдения и многое другое. Произошел, таким образом, беспрецедентный по темпам качественный рывок в развитии вооружения и военной техники, не имеющий аналогов ни в предшествовавшей, ни в последующей военной истории.

Первая мировая война была коалиционной, успех ее ведения во многом зависел от согласованности действий союзников. Такой характер

¹¹ См. подробнее: Александров А. П., Исаков И. С., Белли В. А. Операции подводных лодок. Т. 1. Л., 1933; Шталь А. Развитие методов операций подводных лодок в войну 1914–1918 гг. на основных морских театрах. М., 1936; Гайер А. Германские подводные лодки в войне 1914–1918 гг. Л., 1933; Гибсон Р., Прендергаст М. Германская подводная война 1914–1918 гг. М., 1938; Михельсен А. Подводная война 1914–1918 гг. Л., 1940; Spindler A. Der Handelskrieg mit U-Booten. Bd. 1–5. Berlin, 1932–1966 и др.

будущей войны являлся для военно-политического руководства ее будущих участников очевидным, поскольку оформление военно-политических союзов (коалиций) произошло задолго до ее начала. Однако ни одно из государств не имело сколько-нибудь значимых теоретических разработок даже основ коалиционной стратегии. В силу этого каждый генеральный штаб разрабатывал собственный стратегический план, в котором отражал прежде всего интересы своей страны и соответствующие им соображения относительно характера применения вооруженных сил. Общего же коалиционного плана ведения военных действий не было ни у Антанты, ни у Центральных держав. Имелись (да и то не всегда) лишь взаимные обязательства, касающиеся количества выделяемых войск и сил и их действий на определенных театрах или операционных направлениях. В этих условиях противоречия, еще до войны существовавшие между союзными державами и сохранившиеся (а в некоторых случаях и расширившиеся) в ходе военных действий, не способствовали согласованным действиям вооруженных сил коалиций в интересах решения общих стратегических задач. В частности, отсутствие единства в действиях не позволило странам Антанты, обладавшим в совокупности многократным численным превосходством и более мощным военно-экономическим потенциалом, в полной мере реализовать свои преимущества, что было особенно характерным для кампаний 1914 и 1915 годов.

В последующем военно-политическое руководство стран Антанты, осознав пагубность разобщенных действий, предприняло попытки более тесной координации военных усилий в рамках коалиции. Основными формами таковой координации стали межсоюзнические конференции (с 1915 года), создание Межсоюзнического (исполнительного) военного совета (июль 1915 г.) и, наконец, формирование Объединенного главного командования союзными армиями (май 1918 г.). Таким образом, в годы Первой мировой войны был накоплен определенный опыт не только выработки, но и институализации коалиционной стратегии¹².

Огромный размах вооруженной борьбы выдвинул проблему стратегического руководства вооруженными силами. Основной тенденцией

¹² См. подробнее: Емец В. А. Очерки внешней политики России периода первой мировой войны 1914–1917 гг. Отношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1976; Лютов И. С. Коалиционное взаимодействие союзников по опыту первой и второй мировых войн. М., 1988; Павлов А. Ю. Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. СПб., 2008; Валентинов Н. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. Ч. 1. М., 1920 и др.

в решении этого вопроса почти во всех воюющих державах стала централизация управления. В частности, в России этот принцип был реализован путем учреждения должности верховного главнокомандующего, которому были подчинены все действующие сухопутные и морские силы¹³.

В соответствии с «Положением о полевом управлении войск в военное время» (1914 г.), главноверх управлял группировками вооруженных сил через специально сформированный Штаб (с начала 1916 г. и через Морской штаб). Характерно, что первоначально функции Штаба главноверха (Ставки) сводились лишь к стратегическому планированию и оперативному руководству армией и флотом, однако в дальнейшем ей пришлось взять на себя и ряд других задач, в том числе военно-экономического характера; постепенно Ставка сосредоточила в своих руках управление всеми видами обеспечения войск и сил. Тем не менее власть главноверха в течение всей войны ограничивалась театрами военных действий, специального же органа, согласующего усилия фронта и тыла в интересах победы в войне, создано не было. В силу этого достичь единства военного, экономического и политического руководства государством не удалось, что, в конечном счете, стало одной из важных причин поражения России¹⁴.

Сосредоточение на театре военных действий нескольких армий вызвало необходимость объединять их во фронты. С началом войны в России впервые в мире были сформированы два фронта – Северо-Западный (две армии) и Юго-Западный (четыре армии), а в ходе военных действий были развернуты еще три фронта. В сухопутных вооруженных силах западноевропейских государств вскоре появились аналогичные объединения, называвшиеся «группами армий».

Первая мировая война стала уникальным явлением и в развитии военного искусства. Принципиальные изменения были привнесены в его традиционные отрасли – тактику и стратегию, были реализованы новаторские формы и способы применения вооруженных сил. Однако важнейшей новацией, привнесенной Великой войной в военной искус-

¹³ См. подробнее: Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны (исследование опыта стратегического руководства вооруженными силами). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1974.

¹⁴ См. подробнее: *Kozlov D. Strategic Command of Russian Armed Forces in the First World War: Achievements and Problems/World War One 1914–1918. 40th International Congress of Military History. 31 August – 5 September 2014, Varna, Bulgaria. Sofia, 2016. P. 80–90.*

ство, явилось то, что опыт событий 1914–1918 гг. стал эмпирической базой, на которой впоследствии сформировалось оперативное искусство как самостоятельная часть теории и практики вождения войск и сил флота¹⁵.

Несмотря на обилие научных исследований, публикаций документов и других работ, посвященных крупнейшему военному конфликту первой трети прошлого столетия, в историографии Первой мировой войны по сей день сохраняется целый ряд актуальных исследовательских проблем. Попытаемся очертить некоторые из них.

Во-первых, следует ли причислять Россию к числу стран-победительниц?

С одной, я бы сказал, формально-юридической стороны, причисление России к сонму победителей выглядит необоснованным. Заключенное в декабре 1917 г. перемирие с Германией и ее союзниками, за которым последовал сепаратный Брестский мирный договор, было нарушением не только духа, но и буквы союзнических соглашений, в том числе взятого на себя в начале войны обязательства ни под каким предлогом не заключать сепаратного мира с противником. Более того, вскоре после прихода к власти большевики опубликовали секретные дипломатические документы, призванные изобличить «хищническую империалистическую сущность» и низвергнутого царизма, и его союзников. В странах Антанты это вызвало ярость, вполне сравнимую с реакцией на Брестский мир. Россия не просто «выходила из Первой мировой войны» (именно так трактовалось это событие в советской историографии), но и демонстративно дистанцировалась от бывших товарищей по оружию, ставя под удар их дипломатию. Как известно, после Февральской революции и последовавшего за ней резкого падения боеспособности русской армии и флота союзники и не ждали от бывшей империи наступательного порыва, но все же надеялись, что Россия, как удачно выразился Черчилль, сможет «оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не прояв-

¹⁵ См. подробнее: Иминов В. Т. Развитие теории и практики подготовки и ведения армейских наступательных операций до начала Великой Отечественной войны (первая четверть XIX в. – июнь 1941 г.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987; Иссерсон Г. Эволюция оперативного искусства. М., 1932; Капустин Н. Оперативное искусство в позиционной войне. М.; Л., 1927; Строков А. А. История военного искусства. Военное искусство периода империализма (до конца первой мировой войны 1914–1918 гг.). М., 1967; Он же. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974 и др.

ляя особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте; иными словами – держаться». Октябрь опроверг эти ожидания самым трагическим образом.

Однако, с другой стороны, Первая мировая все же осталась нашей войной. До того момента, когда Российская империя обрушилась под грузом внутренних политических, экономических и социальных проблем, собственной государственной архаики, страна и ее вооруженные силы честно, мужественно и последовательно выполняли свои союзнические обязательства и, более того, с готовностью шли навстречу пожеланиям партнеров, корректируя в общих интересах свои стратегические планы и приоритеты.

Так, в марте 1916 г., во время «верденской мясорубки», войска русских Западного и Северного фронтов нанесли отвлекающий удар у оз. Нарочь, причем сделали это на три месяца ранее срока, установленно-го межсоюзническим совещанием в Шантийи. Успех майского наступления австрийцев у Трентино и угроза катастрофы, нависшая над итальянской армией, заставили ранее намеченных сроков перейти в наступление армии русского Юго-Западного фронта («Брусилловский прорыв»). Это вынудило командование Центральных держав перебросить на Восток 30,5 пехотной и 3,5 кавалеристской дивизий с Западного и Итальянского фронтов, что помогло французам выстоять под Верденом, спасло от разгрома Италию и подтолкнуло Румынию к вступлению в войну на стороне Антанты, причем ответственность за развитие событий на фронте нового союзника легла, по существу, на плечи русского командования. Именно усилия России и ее вооруженных сил в значительной мере привели к тому, что в конечном итоге стратегическая инициатива была вырвана из рук германского командования.

Успешные действия русских войск на Кавказском фронте сковывали на этом театре значительные (в отдельные периоды – основные) силы турецкой армии. Здесь османское командование израсходовало половину своих пополнений, значительно облегчив западным союзникам, прежде всего Великобритании, борьбу в Месопотамии и Палестине, и вообще реализацию «периферийной стратегии» Антанты.

Из первого вопроса закономерно следует второй: как следует оценивать вклад России в коалиционные усилия Антанты и победу над Германией и ее союзниками?

Русской армии впервые в мировой практике пришлось в течение 3,5 лет удерживать огромный по протяженности фронт (до 1600 км), не считая более чем 1000-км фронта на Кавказе, и противостоять объединенным силам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. В то же время на Западном фронте (около 630 км) против германской армии совместно действовали вооруженные силы Англии, Франции и Бельгии, к которым в 1917–1918 гг. присоединилась и армия США.

Восточный (русский) фронт оттянул на себя значительные силы противника – в разные периоды от 49 % (ноябрь 1917 г.) до 78 % (декабрь 1914 г.) австро-венгерских дивизий, от 18 % (август 1914 г.) до 41 % (август 1915 г.) германских, от более чем 28 % (август 1915 г.) до 72 % (август 1916 г.) турецких и от 16,5 % до 33 % болгарских дивизий. Средний удельный вес Восточного фронта составил 42 % всех сил Центрального блока.

Важным элементом вклада России в победу Антанты было нанесение значительных боевых потерь армиям государств Центрального блока. По состоянию на конец 1917 г. противник на Восточном фронте понес свыше 50 % своих общих потерь (германская армия – более 37 %, австро-венгерская – свыше 71 % и турецкая – около 40 %). Русские войска взяли в плен свыше 2 млн пленных (против 1387 тыс., оказавшихся в плену у других союзников), или до 60 % всего количества пленных¹⁶.

Из этих фактов зачастую делается вывод о едва ли не решающем вкладе России в победу Антанты. Однако такая постановка вопроса представляется не вполне корректной, так как приведенные выше показатели характеризуют «удельный вес» усилий нашей страны в воздействии на вооруженные силы противника. Но эти усилия, как известно, к решительному результату не привели.

На момент заключения перемирия в Компьенском лесу 11 ноября 1918 г. Германия располагала мощной многомиллионной группировкой войск, не подвергшейся разгрому и тем более уничтожению. Многолетняя кровопролитная бойня, унесшая жизни миллионов бойцов, не привела к решающему стратегическому успеху Антанты. Как заметил впоследствии британский дипломат и публицист Г. Никольсон, «мы так свыклись с поражениями, что когда пришла победа, она показалась

¹⁶ Олейников А. В. Вклад России в победу над германским блоком в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). Автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2012. С. 43, 44.

нам неправдоподобной»¹⁷. Более того, в момент, когда немцы запросили мира, под пятой германской армии находились огромные территории европейской России, часть северной Франции и большая часть территории Бельгии. Случай, имеющий мало прецедентов в истории. «Германию пощипали, но она не разбита... Франция, часть ее занята врагом, Бельгия, в сущности, не освобождена, ничего, в сущности, не достигнуто», – писал в октябре 1918 г. генерал от инфантерии Ф. Ф. Палицын, возглавлявший в 1905–1908 гг. российский Генштаб¹⁸.

Тем не менее, Второй рейх потерпел поражение. Предпосылки этого, разумеется, многообразны, но главная очевидна: революция. В свою очередь среди причин социального взрыва в Германии доминантой являлась крайне тривиальная – голод. Как заметил А. Е. Снесарев, «Германия была добита не на боевых полях, где она оставалась непобедимой, а в больных, растравленных и углубленных ранах своей узкой, бедной и зависимой от внешнего мира экономики...»¹⁹.

В этих условиях для определения вклада в победу каждой из держав Антанты, в том числе России, необходим принципиально иной критериальный аппарат, характеризующий участие каждого из союзников в экономическом «удушении» неприятеля. Однако такой набор критериев до сего времени не разработан, и это, вероятно, одна из важнейших методологических проблем изучения истории Великой войны.

Неразрешенность этой проблемы влечет за собой сохранение еще одного дискуссионного вопроса – где был решен исход Великой войны: на сухопутных фронтах или на морских театрах²⁰. Адепты концепции «воинствующего маринизма» апеллируют к тому, что главной причиной экономических, а значит и социально-политических проблем Германии стала морская блокада, которую на протяжении всей войны эффективно обеспечивали флоты Антанты. Именно английский Гранд Флит, успешно отражая все попытки германского флота переломить ситуацию в Северном море, медленно, но верно душил Германию в тисках эконо-

¹⁷ Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. /пер. с англ. М., 1945. С. 56.

¹⁸ Палицын Ф. Ф. Записки. Т. 2. Франция (1916–1921). М., 2014. С. 222, 223.

¹⁹ Снесарев А. Е. Военно-экономические перспективы Германии//Военно-исторический журнал. 2000. № 1. С. 79, 80.

²⁰ См. подробнее: Козлов Д. Ю. «Континентальное мышление» или «воинствующий маринизм»? К вопросу о влиянии борьбы на море на исход Первой мировой войны//Первая мировая война, Версальская система и современность. Сборник статей. СПб, 2012. С. 12–20.

мической блокады, которая унесла жизни до 750 тыс. немцев²¹. Как заметит впоследствии германский военно-морской теоретик В. Вегенер, «Германия потерпела поражение потому, что мировая война оказалась морской»²².

Связи с этой дискуссией представляется уместным сказать несколько слов и о результатах деятельности Российского флота.

Усилия Балтийского и Черноморского флотов, прежде всего, в нарушении морских коммуникаций противника, имели стратегическое значение. Поддержание бесперебойной транспортировки шведской руды на Балтике и гераклийского угля в Черном море являлось жизненно важным условием функционирования экономики и вооруженных сил противников России. Так, Балтийский флот не позволил Германии существенно увеличить ввоз из Швеции и компенсировать тем самым потерю иных источников импорта высококачественной руды – жизненно важного промышленного сырья. Это обстоятельство стало важной причиной снижения объемов выплавки в Германии чугуна (в 1918 г. – в 1,8 раза по сравнению с 1913 г.) и стали (в 1,4 раза).

В годы войны важнейшая в Турции отрасль добывающей промышленности – угольная – более чем в пять раз снизила объемы производства. Причем столь резкое сокращение добычи топлива было вызвано отнюдь не падением потребности в угле, а невозможностью его вывоза из района Зунгулдак – Эрегли в результате уничтожения русским флотом лучшей половины грузового тоннажа. В отношении Турции, кроме того, уместно говорить о постигшем ее «угольном голоде» и дефиците продовольствия, покрываемом поставками морем из Румынии, как об угрозе внутривосточной стабильности). Поэтому действия Российского флота на неприятельских сообщениях в своей совокупности оказали непосредственное влияние на способность Германии и Турции вести войну и, следовательно, имели стратегическое значение.

Кроме того, Российский флот, как и армия, оказывал содействие союзникам, с готовностью откликаясь на обращения командования военно-морских сил стран Антанты. Наиболее яркий пример такого рода – серия бомбардировок укреплений Верхнего Босфора, проведен-

²¹ Гилберт М. Первая мировая война/пер. с англ. М., 2016. С. 11.

²² Вегенер [В.] Морская стратегия мировой войны//Оперативно-тактические взгляды германского флота/пер. с нем. М.; Л., 1941. С. 83.

ных Черноморским флотом весной 1915 г. в целях отвлечения внимания и сил турок от района Дарданелл во время подготовки и проведения англо-французами десантной операции²³.

Следующий вопрос: какова роль военно-технической, финансовой, технологической помощи России со стороны союзников по Антанте?

Военно-техническую (а также финансовую, технологическую и др.) помощь союзников недооценивать не следует. Около 41 % винтовок, 60 % пулеметов, 36 % винтовочных патронов, полученных русской армией, были произведены за границей²⁴. По целому ряду видов вооружения и военной техники (пороха некоторых марок, тяжелые артиллерийские орудия и боеприпасы к ним, самолеты и особенно авиационные моторы, автомобили, дизельные двигатели для подводных лодок и др.) Россия находилась в значительной, а по некоторым позициям – в полной зависимости от зарубежных поставок²⁵.

При этом подавляющее большинство вооружения и военной техники ввозились в Россию на транспортных судах стран Антанты, а их военные флоты брали на себя основную работу по обеспечению внешних коммуникационных линий России. Так, группировка британского флота в водах Русского Севера даже после создания в 1916 г. российской флотилии Северного Ледовитого океана несла на себе основную нагрузку по организации обороны (главным образом, противоминной и противолодочной) коммуникационной линии, по которой осуществлялись стратегические межсоюзнические перевозки.

Следует признать, что значительная часть импортных грузов не была использована по назначению по причине, главным образом, неудовлетворительного состояния российской транспортной инфраструктуры. Однако верно и то, что Российской империей были приложены колоссальные усилия для совершенствования логистической системы. Очевидно, самым грандиозным проектом такого рода стало строительство в кратчайшие сроки Мурманской железной дороги.

Еще один дискутируемый в историографии вопрос – оценка деятельности Николая II как руководителя государства и армии и, в частности,

²³ Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2014. Т. 2. С. 557, 558.

²⁴ Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 76, 77, 82, 85, 86; Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937. С. 694–699.

²⁵ Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 30 (табл. 20, подстрочник).

целесообразность возложения императором на себя должности верховного главнокомандующего в 1915 г.

23 августа (5 сентября) 1915 г. Николай II прибыл в Ставку (она вынуждена была передислоцироваться из Барановичей в Могилев) и приказом армии и флоту объявил о принятии на себя *«предводительствования всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий»*²⁶. Великий князь Николай Николаевич был назначен главнокомандующим Кавказской армией, фактически верховное командование было сосредоточено в руках начальника Штаба верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М. В. Алексеева. По свидетельству А. А. Брусилова, *«впечатление в войсках от такой замены было самое тяжелое, можно сказать – удручающее... Было общеизвестно, что Николай II в военном деле решительно ничего не понимал»*²⁷. Военный министр А. А. Поливанов в своих воспоминаниях заметил, что *«слишком уж мало подходил Николай II к роли вождя в этой великой войне и по своим дарованиям, и по характеру, и по своей роковой незадачливости»*²⁸.

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко считал, что *«император Николай II брал на себя очевидно непосильную задачу и время одновременно в небывало тяжелое время управлять уже начавшей волноваться страной и вести совершенно исключительной трудности войну, приняв командование над более чем десятиmillionной армией, не будучи совершенно к этому подготовлен в стратегическом отношении»*²⁹. Руководитель дипломатической канцелярии при Штабе главнокомандующего князь Н. А. Кудашев в докладе министру иностранных дел С. Д. Сазонову в связи с этими переменами высказал весьма пессимистический прогноз: *«Теперь ожидать победы невозможно. Дай бог, чтобы Алексееву удалось дальнейшее спасение армии ценой территории»*³⁰.

Подобная точка зрения доминирует в историографии, однако она представляется несколько однобокой. В частности, в отношении подъ-

²⁶ Цит. по: Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. С. 58.

²⁷ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 155, 156, 231.

²⁸ Поливанов А. А. Из дневников воспоминаний по должности военного министра и его помощника: 1907–1916. М., 1924. Т. 1. С. 209.

²⁹ Цит. по: Португальский Р. М., Рунов В. А. Верховные главнокомандующие Отечества. М., 2001. С. 68.

³⁰ Цит. по: Михалев С. Н. Стратегическое руководство. Россия/СССР в двух мировых войнах XX столетия. Красноярск, 2000. С. 272.

ема духа войск существуют свидетельства, которые не вполне корреспондируются с процитированной выше оценкой А. А. Брусилова. Представляется, что в крестьянской среде, бывшей основным источником комплектования армии, летом 1915 г. монархия как институт и император как ее воплощение сохраняли определенный авторитет, и принятие Николаем II верховного командования поддержало веру солдатской толпы в победу, что было особенно важно на фоне «великого отступления» лета 1915 г. Это, очевидно, стало одной из предпосылок в целом удачного исхода кампании 1916 г.

Кроме того, Николай II отнюдь не ограничивался номинальной ролью в Ставке и принимал участие, а иногда и инициировал принятие многих решений. Известно, в частности, что именно царю принадлежала идея проведения морской десантной операции в Рижском заливе летом 1916 г.³¹, замысел которой, к сожалению, реализован не был.

Нельзя считать полностью решенной проблему определения потерь русской армии. Авторский коллектив статистического исследования «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил» под редакцией Г. Ф. Кривошеева отмечал: *«Сведения о людских потерях российских вооруженных сил в первую мировую войну, встречающиеся в отечественных и зарубежных источниках, страдают в большинстве своем противоречивостью и разнобоями. Объясняется это прежде всего неодинаковой полнотой и достоверностью материалов, использованных исследователями, а также существенными различиями в методике подсчета потерь. В результате разница, например, в количестве погибших и умерших российских солдат и офицеров, колеблется в опубликованных работах от нескольких десятков тысяч до 1–2 млн человек»*³².

Наиболее современными являются сведения о потерях, опубликованные А. И. Степановым в первой книге четырехтомника «Мировые войны XX века». Боевые безвозвратные потери русской армии автор определяет в 2 854 600 человек, небоевые – 447 200 человек, возвратные – 12 496 тыс. человек, общее же количество потерь равно числу мобилизованных в вооруженные силы – 15 798 тыс. человек³³. Окон-

³¹ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 189.

³² Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 98, 99.

³³ Степанов А. И. Цена войны: жертвы и потери//Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 627.

чательное решение этого вопроса, очевидно, может быть достигнуто на основе обобщения данных первичного учета убитых, умерших от ран, раненых, пленных и т. д.

Главной же для отечественной исторической науки проблемой историографии Великой войны является, на наш взгляд, научная интерпретация причин поражения России. С этой точки зрения представляется уместным выделить несколько базовых историографических концепций.

Основным содержанием концепции «упущенных возможностей» является постулат об изначально высоких шансах Российской империи на победу в мировой войне – как с военной, так и экономической и политической точек зрения. Сторонники этого тезиса апеллируют к неуклонному росту военного потенциала и высоким показателям экономического развития России в предвоенные годы, достигнутой к 1914 г. определенной внутривнутриполитической стабильности, превосходству интегральной мощи Антанты над потенциалом Центральных держав. Главная причина поражения заключалась в непоправимых ошибках политического руководства и военного командования. Концепция «упущенных возможностей» нашла отражение в военно-исторических трудах А. М. Зайончковского («... Преобладание осторожности перед разумным риском, характерное для оперативного искусства царской армии, в конечном счете, свело на нет все достигнутые боевые успехи»³⁴), Н. А. Таленского («Ставка оказалась неспособной обеспечить взаимодействие и взаимопомощь между фронтами, что в конечном счете не позволило развить многие успехи в стратегическом масштабе»³⁵) и других специалистов, в том числе эмигрантов – например, С. К. Добропольского, подвергнувшего критике содержание русского стратегического планирования: «Этот недостаток (отсутствие внятно определенного направления сосредоточения основных усилий. – Д. К.) тем чувствительнее, что в течение ряда лет были вполне осознаны необходимость и возможность выбора такого направления»³⁶. Сторонников этой концепции немало и среди современных историков и публицистов, склон-

³⁴ Зайончковский А. М. Мировая война. Маневренный период 1914–1915 гг. на русском (европейском) театре. М.: Л., 1929. С. 375.

³⁵ Таленский Н. А. Первая мировая война (1914–1918 гг.). М., 1944. С. 65.

³⁶ Добропольский С. К. Стратегические планы сторон к началу мировой войны//Военный сборник Общества ревнителей военных знаний (Белград). Кн. 2 (1922). С. 77.

ных к некоторой романтизации Российской империи периода правления Николая II и объясняющих крах государства исключительно происка-ми антимоноархических политических сил.

Дискуссии о глубоком кризисе самодержавной России, охватившем все сферы жизни государства и слои общества, присущи широкому кругу исследователей, доказывающих неизбежность революционного пути его преодоления. В соответствии с концепцией «необратимого кризиса империи», Россия, пораженная многочисленными социально-политическими и экономическими «недугами», была а priori обречена на военное поражение, и глобальный военный конфликт лишь ускорила неизбежный процесс реорганизации государства. Подобные точки зрения высказывались Н. Наумовым, А. К. Коленковским, И. И. Минцем, Д. В. Вержховским, В. Ф. Ляховым, Д. И. Рыбиным и другими советскими исследователями, а также многими представителями эмигрантской ветви русской военной историографии. Среди последних – Н. Н. Головин, А. В. Геруа, Ю. Н. Данилов, В. М. Драгомиров, А. К. Байов, В. Н. Доманевский и другие специалисты, доказывавшие тезис о неподготовленности России к современной войне. Квинтэссенцией этой концепции можно считать мысль Н. Н. Головина о том, что «империя, занимавшая 1/6 часть суши земного шара, с населением, достигавшим 167 миллионов, **начала разлагаться изнутри** (выделено мной. – Д. К.), это разложение передалось Армии; развал Армии в свою очередь привел к развалу всего государства»³⁷.

В рамках концепции «Россия как жертва системы альянсов» причины краха России усматриваются в ошибочном выборе предвоенного внешнеполитического курса (сближение с Антантой при дистанцировании от традиционно дружественной Германии), а с началом войны – в «эгоизме» союзников, злоупотреблявших бескорыстной поддержкой России, которая действовала не столько в собственных, сколько в общесоюзнических интересах. Эти идеи близки, в частности, А. А. Строкову, И. И. Ростунову, М. В. Оськину, А. В. Олейникову и др. «Англо-французское командование, – писал А. А. Строков, – всю тяжесть борьбы возложило на русские войска. Оно отказывалось от решительных стратегических действий даже в то время, когда русская армия пережива-

³⁷ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 11.

ла кризис»³⁸. И. И. Ростунов, анализируя «межимпериалистические противоречия», не позволившие должным образом координировать стратегические усилия государств Антанты, отмечает, что союзники «стремились добиться себе выгод за счет России»³⁹. Последняя же, как указывает А. В. Олейников, «претерпев военные лишения и бросив свой весомый вклад на алтарь общей победы Антанты над германским блоком ... по сути оказалась исключенной из числа победителей»⁴⁰.

Разумеется, предложенная концептуальная конструкция носит в значительной степени условный характер, границы между исследовательскими парадигмами весьма размыты, так как почти никто из историков не предлагает простых и односложных ответов на сложнейшие вопросы истории Великой войны. Речь идет лишь о расстановке некоторых акцентов и определении приоритетов.

Очевидно, что каждая из предложенных историографических концепций содержит рациональное зерно и имеет право на существование. Поэтому синтез подтвердивших свою научную состоятельность положений каждой из них, объединение и взаимное дополнение их положений и выводов является актуальной задачей современной исторической науки. Такой подход, кстати, находится в тренде современной мировой историографии, в которой заметно сближение «катастрофической» (война как одна из всеобъемлющих катастроф XX в.) и «адаптационной» (война как мощный ускоритель ранее появившихся тенденций развития) моделей трактовки событий 1914–1918 гг.

Все это позволяет сделать вывод о том, что Первая мировая война остается в фокусе внимания исторической науки, и многие сюжеты и проблемы сохраняют огромный потенциал для дальнейшего исследования и осмысления.

³⁸ Строков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. С. 279.

³⁹ Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 384.

⁴⁰ Олейников А. В. Вклад России в победу над германским блоком в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). С. 4.

Российская революция и чехословацкий корпус: война, политика, дипломатия

Копылов Николай Александрович
кандидат исторических наук, доцент кафедры Всемирной
и Отечественной истории МГИМО МИД России, Москва

The Russian Revolution and the Czechoslovak Corps: war, politics, diplomacy

Kopylov N. A.
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
the MFA of Russia, Associate Professor of the Department
of world and national history, PhD (History).

Аннотация: Начиная с 1917 г., для малых народов вопрос обретения собственной государственности стал ключевым. Именно идея развития «национальной революции» стала основной в деятельности руководства Чехословацкого Национального Совета в Париже, сделавшего борьбу за достижение национальной независимости приоритетным в своей политической деятельности. Одним из главных гарантов достижения поставленной цели для Чехословацкого Национального Совета был факт наличия национальных воинских формирований в составе армий Антанты. К этому времени наиболее многочисленным и действовавшим как отдельная воинская часть был формируемый в России Чехословацкий стрелковый корпус. К этому времени чехословаки сражались в составе французской, итальянской, британской и американской армий, но ни в одной из них не удалось создать отдельного национального формирования, поэтому Чехословацкий Национальный Совет (ЧНС) рассматривает корпус как основу будущей армии независимой республики, что во многом предопределило действия руководства Совета и командования корпуса в последующий период. Проводимая Временным правительством военная реформа по демократизации русской армии также затронула и чехословацкие формирования. К лету 1917 г. в чешских полках действовали солдатские комитеты, что отнюдь не снижало военного потенциала Чешско-словацкой стрелковой бригады. Во время июньского наступления 1917 г. чехи проявили себя как наиболее стойкие солдаты. Бои июня 1917 г. под Зборовом были провозглашены рождением чехословацкой национальной армии, что позволило Чехословацкому национальному совету заявить о «национальной революции» в рамках общего революционного процесса. С этого времени начинается развертывание чешской бригады в стрелковый корпус. Который в скором времени объектом интриг второй половины 1917 г., когда противостоящие друг другу политические силы будут стремиться заручиться поддержкой чешских стрелков.

Именно стремление сохранить корпус как самостоятельную боевую национальную единицу сыграло главную роль с разгоранием конфликта между чешским национальным руководством и Советской властью на рубеже 1917/1918 гг. С началом вооруженной борьбы чешского корпуса с большевиками военный фактор становится основополагающим в попытках молодого правительства Чехословацкой республики, провозглашенной в конце октября 1918 г., отстаивать границы молодого славянского государства.

ABSTRACT. Since 1917, the issue of gaining their own statehood has become a key issue for small peoples. It was the idea of developing a «national revolution» that became the main one in the activities of the leadership of the Czechoslovak National Council in Paris, which made the struggle for achieving national independence a priority in their political activities. One of the main guarantors of achieving this goal for the Czechoslovak National Council was the fact that there were national military formations in the Entente armies. By this time, the most numerous and acting as a separate military unit was the Czechoslovak Rifle Corps being formed in Russia. By this time, the Czechoslovakians fought as part of the French, Italian, British and American armies, but none of them managed to create a separate national formation, therefore the Czechoslovak National Council (CSNS) considers the corps as the basis of the future army of the independent republic, which largely predetermined the actions the leadership of the Council and the command of the corps in the subsequent period. The military reform carried out by the Provisional Government to democratize the Russian army also affected the Czechoslovak formations. By the summer of 1917, soldiers' committees were operating in the Czech regiments, which in no way reduced the military potential of the Czech-Slovak rifle brigade. During the June 1917 offensive, the Czechs proved to be the staunchest soldiers. The fighting in June 1917 at Zborov was heralded as the birth of the Czechoslovak National Army, which allowed the Czechoslovak National Council to declare a «national revolution» as part of a general revolutionary process. From that time on, the deployment of the Czech brigade into the rifle corps began. Which will soon be the object of intrigues in the second half of 1917, when opposing political forces will seek to enlist the support of Czech riflemen.

It was the desire to preserve the corps as an independent combat national unit that played a major role with the flare-up of the conflict between the Czech national leadership and the Soviet government at the turn of 1917/1918. With the beginning of the armed struggle of the Czech corps with the Bolsheviks, the military factor becomes fundamental in the attempts of the young government of the Czechoslovak Republic, proclaimed at the end of October 1918, to defend the borders of the young Slavic state.

Ключевые слова: русская революция, Чехословацкий корпус, Зборов, национальные части, Парижская конференция.

KEYWORDS: Russian Revolution, Czechoslovak Corps, Zborov, national units, Paris Conference.

Российская революция оказала огромное влияние на развитие национального движения западных славян. Прямо или косвенно она открыла перед ним широкие перспективы, о каких его руководящие деятели раньше и мечтать не смели. Двукратная коренная смена власти – в феврале и октябре 1917 г. – временно привела к дезорганизации и развалу государственного управления. Это избавило национальные организации западных славян в России от чиновничьего контроля и позволило им на арене российской политики превратиться в относительно самостоятельную силу, расставляющую приоритеты не по усмотрению начальства, а в соответствии со своими целями и задачами. Вместе с тем военный коллапс России, вынужденной в марте 1918 г. заключить сепаратный мир с государствами Четверного союза, придал национальному вопросу мировой политики, прежде всего вопросу о создании западными славянами национальных государств, еще большее значение, чем прежде.

Одним из примеров развития национально-освободительного движения в период 1914–1918 гг. является так называемый «чешский вопрос», решение которого впоследствии завершилось созданием независимого чехословацкого государства.

В комплексе объективных и субъективных причин Первой мировой войны далеко не последнюю роль играла проблема малых народов в составе многонациональных государств. Их стремление к государственной самостоятельности, удовлетворить которое без перекройки политической карты Европы было бы невозможно, угрожало нарушить традиционный баланс сил великих держав.

Австро-сербское вооруженное столкновение, стремительно переросшее в мировую войну, показало особую роль в развязывании глобального военного противостояния европейских империй так называемого «национального вопроса». К 1914 г. особенно остро в противостоянии многонациональных империй выявилась роль «малых народов», входивших в состав Российского государства и Дунайской империи Габсбургов. Современные исследователи указывают на особую роль национально-государственной идеи, охватившей в предвоенные годы

умы общественной элиты России. «Общественное мнение, – отмечали они, – все чаще проявляло себя во внешней политике, выступая с позиций защиты великодержавного престижа, критикуя национальную дипломатию за инертность и “уступчивость”. Особенно проповедовалась идея “славянской солидарности”, в частности в связи с отношением к Сербии и Черногории, а кое-где дело дошло до пропаганды великодержавного панславизма и призывов начать войну ради защиты “братьев-славян” и объединении всех славянских народов под эгидой России...»¹.

Данное утверждение верно и для народов, не имевших своей автономии и входивших в состав Австро-Венгрии. Именно с началом мировой войны их общественно-интеллектуальная элита начинает призывать к национальному освободительному движению, идейной базой которого являлась борьба за национальное самоопределение². Для проживающих в Европе чехов и словаков основой национального сплочения стала готовность участвовать в вооруженной борьбе на стороне Антанты в составе национальных воинских формирований. Это положение играло большую роль среди славянских колонистов в Российской империи.

С началом Первой мировой войны чехи и словаки оказались в двойственном положении: как славянские народы они были вынуждены воевать на стороне Австро-Венгрии и Германии против своих же братьев-славян. В России чешские и словацкие общественные деятели приветствовали военные мероприятия царского правительства. Выступления на верноподданнических манифестациях в Москве, Петрограде, Варшаве, Одессе, Киеве, Ростове-на-Дону, призывы в печати встать на сторону России – «охранительницы европейского мира» и поддержать «белого царя – надежду и защитника славянства» свидетельствовали о единодушной поддержке лидерами чешских и словацких землячеств русских правящих кругов. Стараясь убедить русские власти в лояльности всех чехов и словаков, живущих в России, лидеры чешских обществ обратились к Верховному Главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу и в Совет министров с предложени-

¹ Дмитриев А. Н. «Война манифестов»//Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.1: Первая мировая война: ист. очерк/отв. ред. Г. Д. Шкундин. – М.: Наука, 2005. С. 123.

² Ненашева З. С. Социально-политические аспекты развития национального движения чехов и словаков в России и проблема освобождения военнопленных (сентябрь 1914 – февраль 1917 г.)//Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память/отв. ред. Е. П. Серапионова. – М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 33.

ем создать в рядах русской армии специальное чешское подразделение.

Со своей стороны, царское правительство подходило к чешской проблеме с субъективными предпосылками. Во многом, как об этом отмечают, исходя из анализа документов российского министерства иностранных дел, специалисты, царская дипломатия стремилась использовать «традиционную концепцию исторической миссии России в судьбах угнетенных балканских народов, верховный главнокомандующий в своём воззвании, выпущенном в августе 1914 г., обратился к «народам Австро-Венгрии» с заверением, что Россия, вступая в пределы Австро-Венгрии, “несёт теперь свободу и осуществление (их) народных вождений”»³.

Хотя это воззвание было рассчитано на возможность обеспечения лояльного отношения населения Дунайской империи к русской армии и содержало призыв «встречать русские войска как верных друзей и борцов за ваши лучшие идеалы»⁴, оно во многом дало толчок развитию в России чешского национального движения. Одним из главных проблем, которые ставили перед собой его руководители, как в России, так и в эмиграции, стало создание чехословацких воинских формирований в составе русской армии.

Проект создания «чешского войска», отраженный в меморандумах, записках и обращениях представителей чешско-словацкого общественного движения в адрес Совета министров, военного министра и начальника Штаба Верховного главнокомандующего в основном встретил положительное отношение со стороны российской власти. 8 (20) августа 1914 г. в Кремле состоялась аудиенция делегации московских чехов у императора Николая II. Царь довольно благожелательно к инициативе чешских представителей. Сами участники аудиенции впоследствии отмечали, что «Государь был глубоко тронут и в последовавшем затем всемилостивейшем разговоре с делегатами изволил высказать свое живейшее удовлетворение по поводу образования Чешской дружины, пожелать ей полного успеха и выразить надежду, что она осо-

³ Попов А. Л. Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914–1917 гг. //Красный архив. – М.-Л., 1929. Т. 2 (33). С. 4.

⁴ Воззвание Верховного главнокомандующего к народам Австро-Венгрии//Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Том 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. – М.: Новалис, 2013. С. 51.

бенную пользу принесет при наступлении русских войск в Галиции»⁵. 28 августа 1914 г. был издан приказ о формировании Чешской дружины, а через месяц – 28 сентября (11 октября) 1914 г. в Киеве состоялась церемония принятия присяги дружинниками. С этих событий начинается история чешских подразделений в составе русской армии.

Факт появления национального воинского формирования во многом стимулировал процесс организации в России чехословацкого национального движения. В августе 1914 г. в чешских кругах начинается обсуждение необходимости создания собственного национального центра, обсуждается его программа, место размещения. Параллельно процессу развития чехословацких военных частей, развивалось движение чешского сопротивления. 31 декабря 1915 г. (13 января 1916 г.) был подписан приказ о развертывании Чешской дружины в Чехословацкий стрелковый полк, а уже 4 апреля 1916 г. начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев подписал приказ о создании Чехословацкой стрелковой бригады. Чуть позднее, 13 мая, началось формирование 2-го Чехословацкого стрелкового полка.

Одновременно с этим развивается процесс оформления организационной структуры чехословацкого национального движения, как в Российской империи, так и в странах Антанты. В феврале 1915 г. Москве прошел 1-й съезд представителей чешских и словацких обществ в России, насчитывавший 34 делегата от 11 организаций⁶. На съезде было образован «Союз Чешско-Словацких обществ в России», и как отмечают отечественные специалисты, было сделано политическое заявление о «готовности бороться за создание самостоятельного государства – Чешско-Словацкого королевства и чешско-словацкой армии», что было отражено на страницах печатного органа – газеты «Чехослован»⁷. Сразу же после завершения организационной работы и утверждения всех документов в Министерстве внутренних дел России Правление Союза стремится ускорить процесс формирования чешских воинских частей.

Одновременно с этими событиями, 14 октября 1915 г. в Париже был образован Чешский заграничный комитет – первой политической орга-

⁵ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Том 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. – М.: Новалис, 2013. С. 215.

⁶ *Ненашева З. С.* Введение//Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Том 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. – М.: Новалис, 2013. С. 13.

⁷ Там же. С. 14.

низации чехов в Европе. Через несколько месяцев, в феврале 1916 г., он был реорганизован Чехословацкий национальный совет (далее – ЧНС), который возглавил профессор Пражского университета Т. Г. Масарик, лидер Народно-реалистической партии, критически относящийся к политикам-русософилам и ориентирующийся в деле освобождения чешских земель на военно-политические круги Антанты. В конце 1915 г. им была сформирована программа, провозгласившая курс на «достижение политической самостоятельности чешского народа»⁸.

В течение 1916 г. по мере постепенного развертывания Чехословацкого полка в бригаду, наблюдается переплетение нескольких политических линий. С одной стороны, это начавшаяся конкуренция между парижским и русским центрами чехословацкого освободительного движения, каждый из которых претендовал на лидерство в этом процессе. С другой стороны, – отсутствие единого понимания чешского вопроса среди военных и политических руководителей Российской империи. Во многом позиции Правления СЧОР, действовавшего в Петрограде, и расположенной в Киеве Военной комиссии во многом зависели от хода военных действий на Восточном фронте Первой мировой войны. Отечественные исследователи справедливо отмечают, что «в обстановке динамичного наступления на фронте, ожидания быстрого вступления русских войск в восточные пределы Словакии зимой 1914-весной 1915 гг. имперские власти рассчитывали использовать чехов и словаков в случае начала восстания в землях Австро-Венгрии»⁹. Однако, с началом Великого Отступления 1915 г. на Восточном фронте русское правительство стало корректировать свое отношение к масштабу и роли чешско-словацких формирований. «Если Ставка и Генштаб склонялись к одобрению чешского проекта, видя в новом формировании определенный потенциал для развертывания успешных боевых действий на фронте, то внешнеполитического ведомства существовал приоритет доводов иного ряда. На этом этапе помимо объективно сложно решаемых национально-государственных задач, выдвигаемых чехами, были обстоятельства (соблюдение международного права, выполнение договоренностей с союзниками...) которые делали неприемлемыми притязания чехов»¹⁰.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ *Ведерников М. В.* Организационное политическое движение чехов в России накануне и в годы Первой мировой войны: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2017. С. 34.

¹⁰ Там же.

Данную ситуацию во многом предопределил состоявшийся весной 1916 г. в Киеве 2-й съезд «Союза Чешско-Словацких обществ в России». Как отмечается девизом съезда были слова: «только военное сопротивление приведет к цели – чешско-словацкой самостоятельности»¹¹. Все эти постоянно меняющиеся обстоятельства во многом способствовали изменению позиции российской власти, которая приступило к проекту создания «Чешско-Словацкого Народного совета» во главе с представителем ЧСНС Й. Дюрихом. Российское государственное руководство планировало поставить Совет по свой контроль. Однако революционные события начала 1917 г. изменили предполагаемое развитие событий.

Начиная с 1917 г., для малых народов вопрос обретения собственной государственности стал ключевым. Именно идея развития «национальной революции» стала основной в деятельности руководства Чехословацкого Национального Совета в Париже, сделавшего борьбу за достижение национальной независимости приоритетным в своей политической деятельности. Одним из главных гарантов достижения поставленной цели для ЧСНС был факт наличия национальных воинских формирований в составе армий Антанты. К этому времени наиболее многочисленным и действовавшим как отдельная воинская часть был формируемые в России чешско-словацкие подразделения.

Политическую линию на создание независимого государства после окончания войны поддержал и новый министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков. Уже в конце марта 1917 г. было утверждено «Положение о формировании чешско-словацких войсковых частей из добровольцев чехов и словаков», что открывало дорогу к увеличению состава бригады и развертыванию ее в стрелковый корпус.

Эти действия были высоко оценены в Париже, где Т. Г. Масарик и его единомышленники увидели в смене российского политического строя возможность объединить разные центры освободительного движения. Сам Масарик в своих воспоминаниях писал об отношении о событиях в Петрограде: «Первые сведения о русской революции были неопределенные и невероятные: я боялся ее с самого начала и все же, когда она пришла, я был неприятно удивлен – какие будут последствия для союзников и для всего хода войны? Когда я получил более подробные сведения и кое-как ориентировался, я послал 18 марта Милюкову и Родзянко

¹¹ *Ненашева З. С.* Указ. соч. С. 19.

телеграмму, в которой выражал свое удовольствие по поводу переворота. Я выдвинул вперед славянскую программу; это подчеркивание в данном положении не было лишним ни для России, ни для Запада. Мне было не легко говорить о плане союзников освободить угнетенные народы и усилить демократию, в то время, когда я знал, что один из союзников – царская Россия, – не слишком заботился о демократии и свободе; поэтому теперь, после революции, я мог сказать, без всяких оговорок, что свободная Россия имеет полное право провозглашать свободу славян. Я кратко формулировал славянскую программу следующим образом: единение Польши в тесном союзе с Россией, единение сербов, хорватов и словинцев и, конечно, освобождение и единение нас – чехов и словаков»¹². Учитывая, что Масарику удалось завязать связи с Милюковым еще ранее, во время лондонской поездки лидера партии кадетов, он надеялся, что его программа найдет поддержку среди обновленного революцией состава русского правительства.

Его позицию укрепляли поступающие из России сведения. Так, 7 (20) марта 1917 г. во время митинга в 3-м чешско-словацком полку была принята резолюция, ставшая потом основой для полковой присяги, в которой «“Чехия и Словачина” объявлялись независимым государством, “временным диктатором которого был провозглашен” Т. Г. Масарик. ЧСНСовет наделялся полномочиями временного правительства»¹³. Кроме того, в чехословацких воинских частях, также как и в русской армии, были созданы выборные войсковые комитеты и суды. Некоторое время спустя, в Киеве открылся 3-й съезд «Союза чешско-словацких обществ в России», среди делегатов которого большинство голосов было за представителями организаций чехословацких военнопленных и петроградский членов Правления Союза. В резолюции, подводившей итог одного из рабочих дней съезда, отмечалось: «... мы с увеличенным рвением будем продолжать борьбу за свободу и лучшую будущность нашего народа в крепко сомкнутом строю вокруг Т. Г. Масарика. Это объединение даст нам силу и решительность жертвовать всем»¹⁴. Как отмечалось исследователями присутствие на съезде военных и пленных во многом «определило дух большинства принятых решений. Они зая-

¹² *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Воспоминания. – Прага, 1926. С. 146.

¹³ *Ненашева З. С.* Указ. соч. С. 23.

¹⁴ Революционные стремления чехословацкого народа. Издание Отделения для России Чехословацкого Национального Совета. – Пг., 1917. С. 9.

вили о себе как сторонниках парижского ЧСНСовета. Он был признан как орган всего освободительного движения»¹⁵. Также киевским съездом было учреждено Отделение ЧСНС в России, сменившее действовавший предыдущие годы Союз чешско-словацких обществ в России. Уже по итогам этих событий, в конце мая 1917 г., в Петроград пребывает Т. Г. Масарик и сразу включается в политическую борьбу. «Я завязал связи с остальными членами Временного Правительства, с председателем Совета Министров, князем Львовым, с новым министром иностранных дел Терещенко и другими. Естественно, что меня больше всего интересовали иностранное и военное министерства. Я нашел и там, и здесь, как и ожидал, несколько разумных людей, доступных доводам и сохранивших симпатии к союзникам», – говорил чешский лидер¹⁶. Тогда же Масарик отметил и еще одну действительность происходящих революционных событий, определивших дальнейшую стратегию чехословацкого движения: «Тогда в Петрограде, при очевидной слабости и неподготовленности правительства, были полезны сношения с союзническими представителями. Прежде всего, это была военная французская миссия в Петрограде, главным образом, генерал Ниссель и полковник Лавернь; в Ставке был майор Буксеншц и генерал Жанэн...»¹⁷. Масарик также посетил Москву и Ставку, где имел встречу с Верховным главнокомандующим генералом А. А. Брусиловым.

В этот же период произошедшие на фронте события дали толчок продолжению процесса формирования Чехословацкого стрелкового корпуса. В июне (июле – нов. ст.) 1917 г. новым военным министром Временного правительства А. Ф. Керенским было предпринята наступательная операция на Юго-Западном фронте. Одной из целей этой акции было показать союзникам, что Россия придерживается прежней политической линии в отношениях с Антантой и продолжает военные действия.

Однако наступление Юго-Западного фронта завершилось провалом, отступлением и бегством русских полков. Однако в боях под г. Зборов Чехословацкая стрелковая бригада оказалась единственной частью, добившейся успехом и оказавшей сопротивление противнику. Дни сражения за Зборов считаются рождением чехословацкой армии.

¹⁵ Ненашева З. С. Указ. соч. С. 23.

¹⁶ Масарик Т. Г. Указ. соч. С. 150.

¹⁷ Там же.

Вот как описывают боевые действия солдат и офицеров бригады: «2 июля в 9.00 утра началась артиллерийская перестрелка. Немцы сосредоточили огонь, главным образом, на участках расположения чехословацкой бригады. Настал настоящий ад. Чехи находились в узких окопах. Над ними рвались неприятельские шрапнели и гранаты и засыпали их землёй. Окутанные дымом и пылью, оглушенные рёвом рвущихся снарядов, они ждали смерти. 45 минут адской подготовки казались им вечностью. Наконец, последовал приказ к наступлению. Все рванулись, как один человек. Сильный неприятельский огонь не давал, однако, возможности продвинуться вперёд. Ротный командир поручик Швец скомандовал второй..., третий раз. Пройти через этот огонь казалось невозможным, тогда поручик Швец сам бросился вперёд, а за ним скорым бегом двинулись и остальные. Всех охватила боевая горячка. Среди дыма, пороха, грохота снарядов и крики раненых продвигались ряды чехословацких добровольцев. Через мгновение они уже были у неприятельских окопов. Начался ужасный бой. Над их головами рвались снаряды неприятельские и свои. За страшным грохотом нельзя было слышать ни слова.

[...] Со стороны неприятеля одни бежали, другие сдавались, третьи ожесточённо сражались. Нужно было напрягать все усилия, чтобы не растеряться в этой кошмарной обстановке. Силы чехословаков начали слабеть. Без скорой помощи им угрожала гибель. В этот тяжелый момент чешский капитан Гайда принял командование 2-м полком и с резервами бросился на помощь изнывающим борцам. Настроение сразу приподнялось. Соединёнными силами, после упорного боя, была взята первая линия австрийских окопов на всём протяжении расположения чехословацкой бригады. Через три четверти часа была занята вторая линия, а затем и третья. Немцы несколько раз пытались идти в контратаку, но чехословаки удачно их отбивали. Каждый шаг, каждая пядь земли брались с бою. Только благодаря нечеловеческим усилиям и изумительной храбрости, чехословакам удалось прорвать фронт на протяжении 6 вёрст, глубиной в 2–4 версты. При этом они захватили в плен 4 200 солдат, а также отняли у неприятеля 21 орудие, 45 пулемётов и огромное количество винтовок, которые тут же были обращены против врага. Из числа взятых в плен, много чешских солдат тотчас же вступило в чехословацкую бригаду в качестве добровольцев»¹⁸.

¹⁸ Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914–1920. – Париж-Прага, 1928. С. 30–32.

Поражение русской армии в летнем наступлении наглядно продемонстрировало полную ее неспособность к активным военным действиям, из чего русское командование и представители союзников при Ставке сделали соответствующие выводы. Именно в период лета-осени 1917 г. наблюдается активизация действий по формированию национальных частей.

5 июля 1917 г. Верховный главнокомандующий генерал А. А. Брусиллов отдает приказ о создании при Чехословацкой бригаде артиллерийского дивизиона, а военный министр А. Ф. Керенский, посетивший чешские части после боев под Зборовым, разрешает начать формирование 2-й Чехословацкой стрелковой дивизии, личный состав которой будет во многом пополняться за счет военнопленных австро-венгерской армии. В итоге уже новый главнокомандующий – генерал Л. Г. Корнилов начнет формирование полноценного стрелкового корпуса с соответствующей инфраструктурой.

В свою очередь, высшие военные круги Антанты также были обеспокоены внутренним состоянием России. По итогам летнего наступления русских «дипломатические и военные представители Великобритании и Франции всерьез начали опасаться заключения Россией сепаратного мирного договора с Центральными державами. На первый план стала выходить идея необходимости предотвращения существовавшей после Февральской революции в России дезорганизации. Параллельно союзники начали разрабатывать планы по стабилизации положения на Восточном фронте»¹⁹. Эта тема была поднята на Парижской конференции состоявшейся 25–26 июля 1917 г., на которой «дипломаты и военные представители западных держав Антанты обсудили вопросы, связанные с возможными способами удержания России в войне»²⁰. По мнению участников конференции, особенно британских дипломатов и военных, для усиления русской армии можно «привлечь к участию в данном проекте расквартированные на территории бывшей Российской империи национальные войсковые формирования»²¹.

Однако необходимо учитывать, что политические события 1917 г. в России и стремительно развивающийся системный кризис создава-

¹⁹ *Мошечков П. В.* Проект «угнетенных народов»: попытка организации сотрудничества национальных движений народов австро-венгерской монархии в России (вторая половина 1917 – начало 1918 гг.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. – М., 2019. № 3–4. С. 40.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 41.

ли трудные условия для выполнения данной задачи. Прежде всего, это выражалось в трудности снабжения и частей войсковым имуществом и в наборе добровольцев.

В течение месяца не наблюдается никакой динамики, и уже 1 сентября 1917 г. временный начальник дивизии полковник Н. П. Мамонтов докладывал: «К 1 сентября переформирование временно вверенной мне Чехословацкой стрелковой бригады в дивизию находится в следующем положении: 1) Не закончено формирование 4 полка. Личный состав, подлежащий выделению из 1, 2, 3 полков на формирование 4 полка, частью выделен, частью намечен, составлены списки и готовы к их выделению, но выделение полностью задерживается неполучением до настоящего времени обоза (главным образом кухонь и лошадей), без чего самостоятельное существование 4 полка не осуществимо.

Винтовки для 4 полка получаются. 30 августа получен наряд на 8369 русских пехотных и 480 драгунских винтовок для всех полков дивизии и 31 августа высланы приемщики. Пулеметы для 4 полка получены 22 августа – 12 пулеметов Максима и 10 – Кольта. 2) К переформированию 1-го Чехословацкого артиллерийского дивизиона в бригаду не приступлено вследствие неполучения распоряжения о переформировании». Также он указывал на одну из главных причин, замедляющих процесс развертывания стрелковой бригады в дивизию, а затем и в корпус: «Окончание формирования 1 Чехословацкой стрелковой дивизии находится всецело от отпуска недостающего имущества интендантского, инженерного и артиллерийского, причем, в первую очередь, крайне необходим отпуск недостающего обоза и, прежде всего, кухонь, лошадей и сформирование Управления дивизионного интендантства»²². Примерно в середине сентября 1917 г. уполномоченным ОЧНС при Ставке Ю. Клецанде и при штабе чехословацкого корпуса П. Максе удалось добиться разрешения о выводе из состава подразделений солдат русской национальности. Из Могилева, где размещался Штаб Верховного главнокомандующего, пришло распоряжение: «В виду нежелательности смешанного состава русских солдат и чехов добровольцев живущих основаниях отличных от принятой русской армии Наштаверх приказал ускорить производимую замену русских чехами тем, чтобы если

²² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2067. Оп. 2. Д. 533. ЛЛ. 339–340.

то будет признано необходимым из первых было оставлено то число, которое может быть заменено чехами»²³. Это также приводило к замедлению набора добровольцев в ряды корпуса. По данным на 12 октября 1917 г. в составе 2-й чехословацкой стрелковой дивизии имелся полный комплект офицеров, а до полного штатного расписания не хватало солдат – 4821, лошадей – 2311²⁴.

Наиболее активно формирование Чехословацкого корпуса проводится в период октября 1917 г. Именно тогда увеличивается, по сравнению с предыдущими месяцами, приток добровольцев. В это же время, находящийся в России председатель ЧСНС, профессор Т. Г. Масарик повторил Временному правительству ходатайство об отправке во Францию чехословацких формирований²⁵.

Другой, немаловажной, проблемой, сопровождающей процесс формирования корпуса, стала нехватка помещений для размещения личного состава, а также их плачевное состояние. Телеграмма, отправленная в штаб войск Юго-Западного фронта 30 сентября 1917 г. выглядит типично для того времени: «Находящиеся в северной части Полтавской губернии помещения, в которых формируются с июля месяца вторая Чехословацкая стрелковая дивизия, по своей конструкции, тесноте и также вследствие неблагоприятных местных условий (недостаток и плохое качество воды) совершенно не удовлетворяют своему назначению. Это – холодные бараки-землянки, у которых крыши протекают, или же другие легкие постройки, непригодные для холодного времени. С наступлением холодного времени болезни среди чехословацких войск развиваются в значительных размерах (тиф, дизентерия), ввиду чего врачи заключают, что дальнейшее пребывание в этих помещениях без серьезного вреда для формируемых частей невозможно. Притом для казенных лошадей почти не имеется помещений и местные условия продовольствия также крайне невыгодны»²⁶.

Штабные документы отмечают, что если принимать в среднем в день по 40 человек, т. е. 1200 добровольцев в месяц, то укомплектование штата потребует до 3-х месяцев, а если будет разрешено развертывание

²³ Там же. Л. 414.

²⁴ Там же. Л. 358.

²⁵ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Том 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. – М.: Новалис, 2013. С. 797–798.

²⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 533. Л. 772.

артиллерийского дивизиона в бригаду и формирование мортирного артиллерийского дивизиона – потребуется еще два месяца.

К этому времени чешское политическое руководство с тревогой следило за событиями в России. Стремительное разложение русской армии в 1917 г., большевистский переворот в октябре вели к поражению России в войне, что могло сделать невыполнимыми планы чехов о создании независимого государства. Т. Г. Масарика волновала судьба чешских воинов в охваченной революцией стране, он настаивал на нейтралитете чехословацких войск во внутренней российской борьбе. Масарик и начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н. Н. Духонин заключили соглашение о невмешательстве Чехословацкого корпуса во внутренние дела России. «С Духониным было решено, что наше войско предполагается использовать против нашего врага, – писал Масарик, – ...Так был принят и подтвержден русскими мой главный принцип о невмешательстве. Таким образом, мы достигли уверенности, что во время политических споров и боев среди русских нас не будут звать то одни, то другие»²⁷.

Эскалация политических событий, вызванная совершенным большевиками переворотом, ставила вопрос о дальнейшей судьбе Чехословацкого корпуса и всей политической деятельности чехов в России. Отношение политического руководства и воинского состава корпуса к деятельности большевиков высказал в своем выступлении генеральный секретарь центрального комитета ЧСНС в Париже Э. Бенеш: «Большевистская революция довела русскую армию до окончательного развала. Наши солдаты видели собственными глазами дезорганизацию и катастрофу в русском войске, почувствовали ее и на себе, а вскоре увидели развал всюду – в государственной администрации, и в политической, и в экономической жизни всей России. Будучи все политически мыслящими людьми, они делали свои заключения, направленные против господствующего режима. [...] Наши люди, тоже революционеры и солдаты, всем своим существом возмущались против идеи диктатуры. По своему характеру и воспитанию наш соотечественник не может перенести диктатуры в какой бы то ни было форме»²⁸. Подобные позиции в отношении происходящих в России событий во многом привели

²⁷ Цит. по: Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. – М., 2004. С. 140.

²⁸ Бенеш Э. Смысл чешской революции//Воля России. – Прага, 1923. № 8–9. С. 16–17.

ли к утверждению среди руководства чехословацкого освободительного движения позиции нейтралитета, продолжавшейся до лета 1918 г.

Таким образом, можно утверждать, что российская революция 1917 г. оказала большое влияние на становление концепции национальной революции, целью которой стало провозглашение независимого государства в политических представлениях руководства Чехословацкого национального совета, способствовала объединению всех чешских организаций, стремившихся к освобождению из-под власти австро-венгерской монархии. Особенно следует отметить ее влияние на становление Чехословацкого стрелкового корпуса в качестве самостоятельной национальной войсковой единицы, с которой связывали главных успех в национально-освободительной борьбе. Именно стремление сохранить корпус как самостоятельную боевую национальную единицу сыграло главную роль с разгоранием конфликта между чешским национальным руководством и Советской властью на рубеже 1917/1918 гг. С началом вооруженной борьбы чешского корпуса с большевиками военный фактор становится основополагающим в попытках молодого правительства Чехословацкой республики, провозглашенной в конце октября 1918 г., отстоять границы молодого славянского государства.

Источники

1. Бенеш Эдуард. Смысл чешской революции. // Воля России. Прага, 1923. № 8–9. С. 16–35.
2. Масарик Т. Г. Мировая революция. Воспоминания. – Прага, 1926. 242 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2067. Оп. 2. Д. 533.
4. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Том 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. – М.: Новалис, 2013. 1016 с.

Список литературы:

5. Ведерников М. В. Организационное политическое движение чехов в России накануне и в годы Первой мировой войны: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2017. 36 с.
6. Дмитриев А. Н. «Война манифестов» // Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк/отв. ред. Г. Д. Шкундин. – М.: Наука, 2005. С. 121–132.

7. Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914–1920. – Париж-Прага, 1928. 221 с.
8. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. – М., 2004. 576 с.
9. Мошечков П. В. Проект «угнетенных народов»: попытка организации сотрудничества национальных движений народов австро-венгерской монархии в России (вторая половина 1917 – начало 1918 гг.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. – М., 2019. № 3–4. С. 37–51.
10. Ненашева З. С. Социально-политические аспекты развития национального движения чехов и словаков в России и проблема освобождения военнопленных (сентябрь 1914 – февраль 1917 г.) // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память/отв. ред. Е. П. Серапионова. – М.; Спб.: Нестор-История, 2014. С. 32–48.
11. Ненашева З. С. Введение // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Том 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. – М.: Новалис, 2013. С. 5–28.
12. Попов А. Л. Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914–1917 гг. // Красный архив. – М.-Л., 1929. Т. 2 (33). С. 3–33.
13. Революционные стремления чехословацкого народа. Издание Отделения для России Чехословацкого Национального Совета. – Пг., 1917. 21 с.

**Февральская революция и её последствия:
взгляд из Министерства иностранных дел
(по воспоминаниям Г. Н. Михайловского)**

Могилевский Николай Алексеевич,
К. и. н., доцент МГИМО МИД РФ

Nikolay A. Mogilevskiy,
PhD in history,
Moscow State University of foreign affairs

Аннотация: В статье исследуется отношение к событиям февраля 1917 г. сотрудников МИД России. Основным объектом анализа выступают «Записки» Г. Н. Михайловского, служившего в то время в Министерстве юрисконсультанта. Особое внимание уделяется отношению к двум последним министрам иностранных дел досоветской России – П. Н. Миллюкову и М. И. Терещенко.

Abstract: The article examines the attitude of the employees of the Russian Foreign Ministry to the events of February 1917. The main object of the analysis is G. N. Mikhailovsky, who at that time served as a legal adviser in the Ministry. Particular attention is paid to the attitude towards the last two foreign ministers of pre-Soviet Russia – P. N. Milyukov and M. I. Tereshchenko.

Ключевые слова: Февральская революция, Г. Н. Михайловский, Министерство иностранных дел, Миллюков, Терещенко

Key words: February Revolution, G. N. Mikhailovsky, Ministry of Foreign Affairs, Milyukov, Tereshchenko

О февральских событиях 1917 года стали вспоминать почти сразу же. Многие ключевые участники важнейших событий тех дней (отречения Николая II, создания Временного правительства и Петроградского совета и т. д.) оставили подробные воспоминания разной степени достоверности. В последние годы всё больший интерес привлекают воспоминания рядовых участников событий – обыкновенных петроградцев, низших и средних чиновников. Между тем, обращение к новым мемуарам позволяет расширить палитру наших представлений о тех днях, сделать её насыщеннее, ярче и многообразнее. Кроме того, критически важно рассматривать события такого масштаба с разных точек, «менять опти-

ку». Именно такая попытка будет предпринята в предлагаемой статье: взглянуть на события февраля 1917 г. и их последствия «из окон» МИД, глазами Г. Н. Михайловского, служившего в ведомстве юрисконсультантом.

«Записки» Михайловского – очень интересный источник, который даёт возможность взглянуть на события февраля 1917 г. глазами профессионального юриста-международника, профессионала до мозга костей, «белого воротничка», то есть той самой «трудолюбивой лошади», на которых во все времена стоит государственный колосс. Прекрасно образованные, владеющие несколькими языками, такие люди честно, на совесть исполняют свой служебный долг, предпочитают работать, а не говорить. Лишь в силу разных обстоятельств, чаще катастрофического толка, им приходится высказываться о наболевшем, анализировать причины произошедшего «переворота», наконец, просто размышлять в слух о том, кому они служили и во имя чего. Поэтому размышления и наблюдения Г. Н. Михайловского ценны прежде всего тем, что они позволяют услышать голос «молчащего большинства».

Георгий Николаевич Михайловский родился 13 апреля 1890 г. в семье известного писателя, инженера и общественного деятеля Н. Г. Гарина-Михайловского. Среднее образование он получил в Тенишевском училище, одном из лучших учебных заведений Петербурга. Затем наш герой поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1912 г. с «высшим отличием по всем предметам». В том же году Михайловский был направлен на казенный счет за границу для сбора материалов по диссертации по морскому праву. Юноша готовил себя к научной карьере, но его планам помешала начавшаяся Первая Мировая война. Гарин тотчас же вернулся в Россию, но в армию не пошёл (имел освобождение по состоянию здоровья), а поступил в Министерство иностранных дел, в юрисконсультантскую часть. В последующие три года вся жизнь Г. Н. Михайловского будет теснейшим образом связана с дипломатическим ведомством. Ему удалось сделать довольно впечатляющую карьеру, последовательно занимая должности секретаря юрисконсультантской части, начальника международно-правового отделения и, наконец, помощника директора правового департамента.

Его карьерный взлёт объяснялся довольно просто: Г. Н. Михайловский с первых же дней службы проявил себя человеком ответственным,

великолепно подготовленным, профессиональным и очень умелым. Очень скоро он заработал себе в Министерстве прекрасную репутацию. Это было важно в таком камерном учреждении, каковым в те времена был МИД: в центральном аппарате тогда работало около 150–160 человек. Вполне естественно, что между ними сложилась «необыкновенная простота личных отношений» [4, с. 37]. Кроме того, в силу своих служебных обязанностей Михайловский принимал участие в правительственных совещаниях и межведомственных комиссиях, во всякого рода «узких» обсуждениях, на которых рассматривались ключевые внешнеполитические вопросы. Всё это позволяло нашему герою быть в курсе дел не только мидовских, но и правительственных в целом. Прекрасная информированность Г. Н. Михайловского, его острая наблюдательность и умение проследить причинно-следственные связи сослужат ему хорошую службу, позволив не потерять головы в моменты серьёзных потрясений. Первым из которых, разумеется, следует назвать Февральскую революцию. Её наш герой, как и другие его сослуживцы, наблюдал в буквальном смысле слова из окна: МИД тогда располагался напротив Зимнего дворца, на другой стороне Дворцовой площади.

События в те февральские дни развивались с удивительной скоростью. И главное, что для подавляющего большинства их участников каждый следующий день нёс всевозможные неожиданности. Г. Н. Михайловский ещё 25 февраля делал доклад (как выяснилось, последний) Н. Н. Покровскому¹. Через два дня, 27 февраля, в Петрограде уже наступил полный паралич административных учреждений, а на улицах ходили толпы демонстрантов. Министерство иностранных дел исключено не стало: никто из сотрудников уже фактически не работал, хотя все были на службе. Прильнув к окнам, они наблюдали за последними днями царской России. Их глазам представилось торжественное и мрачноватое действо: с Дворцовой площади в Зимний дворец с полковым оркестром и распущенными знамёнами вошёл Кексгольмский полк. Вокруг, на Невском и на Дворцовой площади, слышалась стрельба, но изменить ход событий не могло уже ничто. Прямо на глазах сотрудников МИДа, в пять часов дня, под звуки кексгольмского марша над Зимним дворцом был спущен императорский штандарт [4, с. 242]. Мидовские сотрудники на какой-то момент оказались не коллегами, а просто «собранием людей,

¹ Министр иностранных дел Российской империи с 30.09.1916 г. по 01.03.1917 г.

вместе со всей Россией присутствовавших при падении строя, который, казалось бы, был неразрывен с самим именем России» [4, с. 242].

Правда, осознать в полной мере всю значимость произошедшего сразу не получалось ни у кого. Вспоминая впоследствии те февральские дни, Г. Н. Михайловский размышлял: «“Голодный бунт“ рабочих окраин Петрограда, уличные демонстрации, их военное подавление, волнения в самом Петроградском гарнизоне и падение монархии – всё это произошло с такой головокружительной быстротой, что, глядя на это из окон здания министерства иностранных дел на Дворцовой площади против Зимнего дворца, потерявшего внезапно всякое символическое обаяние реального могущества, трудно было поверить, что дело идёт о крупнейшем историческом событии в родной стране. Вместе с тем психологически все были до такой степени подготовлены к этой развёртывавшейся фантазмагии, что, за исключением буквально двух-трёх лиц, всё дипломатическое ведомство не только не было удивлено, но и прямо обрадовалось наступившей развязке» [4, с. 248].

Можно ли говорить о симпатиях сотрудников МИДа к отрекшемуся царю и его семье? По словам Г. Н. Михайловского, таких чувств к императору в ведомстве практически никто не испытывал. «Не только к самому Николаю II и его семье, но и вообще ко всей династии Романовых в нашем ведомстве относились без всякого энтузиазма. Если не все были республиканцами, то эта скрытая тогда монархическая позиция основывалась не на убеждении в необходимости для России продолжать царствование Романовых, а скорее на абстрактном трудноустрашимом привычном представлении об исторических заслугах монархии и его неизжитости в глубине народных масс, да на полезности конституционно-монархической формы правления для международного положения России, её целостности и устойчивости» [4, с. 452]. Правда, не стоит думать, что все сотрудники министерства тотчас и разом вступили в республиканский лагерь: «Отмечу в то же время, что республиканская идея в чистом виде тоже не имела сторонников. Когда двое чиновников – вице-директор Среднеазиатского отдела, бывший секретарь герцога П. Ольденбургского М. М. Гирс и начальник Славянского стола Обнорский – официально вступили в сформировавшийся в Петрограде республиканско-демократический клуб, это вызвало не подражание, а скорее удивление» [2, с. 457].

Министерство иностранных дел традиционно считалось одной из главных опор режима (наряду с Военным министерством). Заняв фактически нейтрально-благожелательную позицию по отношению к февральским событиям, мидовцы прекрасно почувствовали, что настали новые времена. Республиканская волна, всеобщая эйфория от свободы (действительной и мнимой) захлёстывала тогда не только отдельных людей и целые коллективы, выливаясь в постоянные митинги и требования допустить к управлению широкие массы служащих и трудящихся. На этом фоне Министерство иностранных дел стояло несколько особняком. Его сотрудники предпочли изменение не внешние, а внутренние. «Мы чувствовали, что нам рано или поздно придётся столкнуться с “улицей“, но в то же время всё бюрократическое прошлое не позволяло взять судьбу министерства в свои руки. До самого октябрьского переворота, несмотря на крайнюю тревогу, министерство не вышло из пределов служебной дисциплины в формальном смысле слова, хотя фактически всё время продолжало оказывать самое непосредственное давление на внешнюю политику» [4, с. 247].

И всё же без внешних изменений, разумеется, в МИД не обошлось. Наиболее ярким выразительным примером новой эпохи стал первый не царский министр иностранных дел – Павел Николаевич Милюков. Будучи самой заметной фигурой в первом составе Временного правительства, Милюков не был, конечно, кадровым дипломатом. Его назначение во внешнеполитическое ведомство было тем не менее жестом символическим: новоиспечённый руководитель российской внешней политики не раз подчёркивал, что выступает за войну до победного конца и верность союзническим обязательствам. Тем самым, назначение Милюкова можно было воспринимать как жест в сторону союзников России по Антанте, проявлявших беспокойство относительно курса, который возьмёт Временное правительство во внешних делах.

Как восприняли назначение Милюкова в Министерстве? С одной стороны, новый руководитель «для большинства старших чиновников ведомства не был новой фигурой» [4, с. 250]. С другой, все понимали, что новый министр – более политик, нежели дипломат. Однако никакого снисходительного или тем более презрительного отношения к Милюкову из-за некоторой его «непрофессиональности» не было. Более того, «он с первого же дня сумел найти искреннюю поддержку в кругу сво-

их главных сотрудников» [4, с. 262]. Главные идеи Милюкова состояли в следующем: сохранить министерство и продолжать войну до победного конца. Оба эти тезиса разделялись подавляющим большинством министерских служащих, и «это единомыслие, несмотря на некоторые чисто тактические расхождения с Милюковым, у нас оставалось до самого его ухода» [4, с. 261].

Правда, общался Милюков в основном с ближайшим кругом своих помощников, оставаясь, по выражению Михайловского, «для большинства служащих сугубо замкнутой фигурой». Отчасти это объяснялось тем, что новый министр, по форме начав управлять ведомством «на прежних началах», отказался от одного из главных символических «обрядов» царского периода. Он уклонился от традиционного «обхода» министерства, «который делали все вновь назначенные министры, и в частности Штюмер² и Покровский. Милюков воздержался, конечно, вполне сознательно, так как наше ведомство, без серьёзных оснований, впрочем, было на худом счету у партии левых кадетов и он боялся, что такой “обход“ будет поставлен ему в упрек. Боялся Милюков, кроме того, подражать “царским министрам“. Поэтому никакого прямого соприкосновения между чиновничьей массой и Милюковым не было», – вспоминал Г. Н. Михайловский. При этом наш герой, в силу служебного положения (он занимал должность начальника Международно-правового отдела видевого), часто наблюдал министра в кругу ближайших сотрудников, отдавая должное «спокойствию и выдержке» Милюкова, благодаря которым «эти отношения были неплохи» [4, с. 290].

Надо сказать, что сам Милюков, вспоминая спустя годы о своём пребывании во главе министерства, практически полностью вторил словам Михайловского. «Про меня говорили, что я был единственным министром, которому не пришлось учиться на лету и который сел на свое кресло в министерском кабинете на Дворцовой площади как полный хозяин своего дела. Я, кажется, был также единственным, который не уволил никого из служащих. Я ценил заведенную машину с точки зрения техники и традиции. Я знал, что в составе служащих есть люди, не разделяющие моих взглядов на очередные вопросы внешней политики, но не боялся их влияния на меня и полагался на их служебную добросовестность. Я собрал всех служащих при вступлении в министер-

² Министр иностранных дел Российской империи с 07.07. 1916 г. по 11.10.1916 г.

ство и указал им на единство нашей цели и на необходимость считаться с духом нового режима» [3, с. 480].

Что касается «сохранения министерства», то для Милюкова это были не пустые слова. «Перемены в личном составе и структуре министерства, происшедшие с приходом Милюкова в качестве министра иностранных дел, были, по сравнению с важностью общего поворота всей политики правительства, очень незначительны», подчёркивал Михайловский [4, с. 255]. Ещё одним качеством, за которое подчинённые высоко ценили Милюкова, была его добросовестность, готовность и желание полностью погрузиться в работу ведомства, а не перебрасывать дела на своих заместителей (как делали некоторые другие члены Временного правительства). «Можно по-разному относиться к Милюкову в этот период, можно подчёркивать, вполне справедливо, недооценку и переоценку им факторов внешне- и внутривластных, но нельзя сказать, что Милюков легкомысленно и недобросовестно отнёсся к своим обязанностям министра иностранных дел. Наоборот, он, скорее, даже слишком для того момента ушёл в своё ведомство. Нелёгкое бремя руководителя внешней политики, с которой Милюкову всё же впервые приходилось сталкиваться практическим образом и в таком объёме, требовало, конечно, незаурядного отношения к делу» [4, с. 348].

Сам Милюков позже со сдержанной гордостью вспоминал: «Я, конечно, не считал это министерство «легким», как Штюрмер. Я хотел сам входить во все, и масса времени уходила на ознакомление с текущим материалом, с ежедневной корреспонденцией, с расшифровками “черного кабинета”, не говоря уже о приёмах нужных и ненужных посетителей и просителей» [3, с. 481]. Импонировала служащим МИД и личная скромность Милюкова, который, часто оставаясь в министерстве далеко за полночь, «велел поставить себе кровать в маленькой комнатке для служащих, по другую сторону коридора, и оставался там ночевать, обеспечив себе утренний стакан чая» [3, с. 481].

Другой вопрос: насколько прочным было положение Милюкова во главе МИД? Сам министр, судя по его воспоминаниям, испытывал довольно противоречивые чувства по этому поводу. Вступая в должность, положение казалось ему «очень прочным, да оно таковым и было – вначале» [3, с. 480]. Но «при всём том я сам не считал своего положения прочным ... и не собирался переезжать в роскошную квар-

тиру министерского помещения, занимавшуюся Н. Н. Покровским» [3, с. 481]. Шаткость положения Милюкова объяснялась его твёрдой позицией по вопросу войны – вести её необходимо до победного конца. Оппонентов такого подхода хватало, как на улицах, так и во Временном правительстве. В частности, особенно жаркие дискуссии по этому поводу разгорались между Милюковым и его коллегой, министром юстиции А. Ф. Керенским [3, с. 482–484]. Споры в правительстве не были секретом от подчинённых Милюкова: зачастую он сам и пересказывал своим помощникам детали баталий на совещаниях министров. Наблюдавший эту ситуацию воочию Г. Н. Михайловский был скептически настроен относительно прочности позиций Милюкова. Полностью соглашаясь с последним по вопросу о продолжении войны, Михайловский не мог не понимать, что лозунг «Война до победного конца» практически не имеет сторонников среди населения. Именно это и делало положение министра иностранных дел таким шатким. «После нашей первой встречи с Милюковым нам стало ясно, что, пока Февральская революция имеет его в нашем министерстве, ни нам, ни общей политике России по отношению к войне и союзникам эта революция опасностью не грозит. Другой вопрос, насколько Милюков прочен? Несмотря на то, что каждый из нас достаточно близко видел происходившие события, чтобы понимать, что Государственная дума только “возглавила”, а не “сделала” революцию, из всего того, что говорил Милюков, ответ на этот вопрос напрашивался самый неутешительный» [4, с. 262].

Развязка, как известно, наступила 18 апреля 1917 г., после публикации так называемой ноты Милюкова, в которой министр публично подтверждал все взятые на себя царским правительством союзнические обязательства, заявлял о готовности продолжать войну до победного конца. Обнародование ноты вызвало грандиозные демонстрации (характерно, что на улицы вышли не только противники Милюкова, но и его сторонники [3, с. 496]) и правительственный кризис, окончившийся отставкой Милюкова с поста главы МИД. Сменивший его М. И. Терещенко, молодой миллионер, бонвиван, герой светской хроники, был фигурой для сотрудников МИД совершенно новой. Впервые увидев нового министра, когда тот знакомился с министерским коллективом, Г. Н. Михайловский оставил выразительный портрет: «Высокий, с пробором посередине и профилем североамериканского краснокожего индейца, М. И. (Тере-

щенко – Н. М.) с несколько смущённой улыбкой стоял, окружённый чиновниками» [4, с. 366].

Представитель крупной буржуазии во главе важнейшего министерства – такое вряд ли можно было себе представить ещё в России в январе 1917 г. Рассуждая об этом феномене впоследствии, Г. Н. Михайловский писал: «“Миллионер“ в качестве одного из столпов революционного правительства – на дипломатическом языке Европы это было самым заурядным явлением и уж во всяком случае плюсом, а не минусом» [4, с. 364]. Если Милюков был крупным политиком, то Терещенко – крупным предпринимателем. Приятели Михайловского из Министерства финансов рассказывали ему анекдоты о том, как Терещенко, будучи главой этого ведомства, «всегда ошибался в цифрах, говоря о миллионах вместо миллиардов, никак не умея приспособиться к финансам государства, всё же превышавшим его миллионное состояние». При этом в один голос бывшие подчинённые свидетельствовали, что Терещенко «очень обходителен и приятен в личных отношениях» [4, с. 364].

Прекрасно понимая, что дипломатия – не его конёк, новый министр выбрал наиболее разумную в этом случае модель поведения. «Терещенко очень мило и предупредительно сказал, что он не только не собирается ни в чём стеснять нашей “самодетельности“, но надеется на поддержку с нашей стороны» [4, с. 368]. Это вызвало двойственную реакцию сотрудников МИД. С одной стороны, они всячески приветствовали решение дилетанта, не желавшего мешать профессионалам заниматься своим делом. В этом смысле Терещенко был, говоря словами Михайловского, «безукоризненным министром», и «все директора департаментов и начальники отделов были им бесконечно довольны, так как он не мешал им управлять ведомством» [4, с. 417]. Это не означало, что у нового главы МИД совсем уж не было амбиций. Они, безусловно, ярко видны, например, из эпизода с поездкой Терещенко в Ставку незадолго до Октябрьского переворота [4, с. 501]. Однако, и это бросалось в глаза всем высокопоставленным служащим МИД, им было совершенно ясно, что новоиспечённый министр «никакой своей “программы“ не имеет и, наоборот, готов охотно следовать тому, что мы по обстоятельствам войны считали единственно возможной программой для России. Терещенко капитулировал с первого же дня перед ведомством, и вот почему уход Милюкова не имел никаких неблаго-

приятных последствий для дипломатической работы нашего ведомства» [4, с. 368].

Несмотря на безусловно симпатичные личные качества нового главы МИД (мягкость, большую, нежели у Милюкова, гибкость) это отсутствие «программы» стало своеобразной точкой раскола. Нельзя сказать, что внутри министерства зрела какая-то оппозиция руководителю, отнюдь. Но служащие важнейшего центрального ведомства чувствовали глубокое внутреннее расхождение с начальством, которое не позволяло им ощущать себя в полной мере единой командой. «Вспоминались именно теперь оказавшиеся пророческими слова Терещенко, говорившего в начале своего министерства, что если мы при Штюрмере служили, хотя и не симпатизировали ему, то и при нём, несмотря на разность взглядов, будем продолжать нести службу. Эти слова сбылись, так как теперь именно образовалась эта “разность взглядов“, которой вначале не было, ибо то, что Терещенко тогда называл “взглядами“, мы называли “тактикой“» [4, с. 461–462].

Изменения, начавшиеся после февральских событий, не ограничились только сменой руководства Министерства иностранных дел. Существенные перемены произошли и на более «низовых» уровнях служебной иерархии. Стремительное и никем не ожидавшееся падение самодержавного строя пробудило гражданское сознание повсеместно. И даже такое консервативное, скованное почти военной дисциплиной ведомство, не миновало общей участи. «То новое, что пришло в министерство, вернее, ворвалось к нам с Февральской революцией, заключалось в формуле, высказанной кем-то в это время: “Заговорили молчавшие“. Митингование, столь типичное для России в это время, в МИД было безусловным новшеством и полной неожиданностью» [4, с. 266]. Довольно быстро образовалось Общество служащих МИД (по сути, профсоюз), одним из инициаторов создания которого был наш герой [4, с. 267–268].

Под «митингованием» ни в коем случае не стоит понимать проведение всамделишных митингов, забастовок и прочего саботажа. Наоборот, внешне никаких проявлений «забастовочного духа» не наблюдалось, и «до самого октябрьского переворота, несмотря на крайнюю тревогу, министерство не вышло из пределов служебной дисциплины в формальном смысле слова». Что же изменилось? После февраль-

ских событий на министра давило его ближайшее окружение (так было и в царские времена), на которое, в свою очередь, «оказывало могущественное влияние коллективное настроение всего личного состава» [4, с. 247]. И вот это последнее и было безусловной чертой времени, мощным свидетельством новой эпохи. По долгу службы контактируя с различными центральными ведомствами и учреждениями, Г. Н. Михайловский подмечал существенные их отличия от происходившего в МИД. «Далеко не во всех ведомствах понимали значение сохранения служебной дисциплины и должного отношения к правительству как таковому, кто бы в него ни входил. Весьма часто именно высшие служащие, старые бюрократы, бывшие безукоризненными чиновниками в царское время, подавали младшим служащим пример неуважения к Временному правительству. В нашем ведомстве этого не было, может быть, потому, что в царское время “служебная дисциплина” в чиновничьем смысле была не в моде и ведомство старалось быть именно дипломатическим, а не просто казённым учреждением» [4, с. 497].

Интересно, что Г. Н. Михайловский с явным неодобрением отзывался об из проявлений «синдикализма», который казался ему весьма опасным. Под ним он разумел «деятельность некоторых членов исполкома внутри самого исполкома. Эти члены слишком серьёзно относились к своим мандатам, они хотели действительно “помогать” начальству, но не в смысле охранения его от анархических стремлений отдельных служащих и поддержания внутренней служебной дисциплины, а в смысле управления ведомством» [4, с. 298]. Совершенно не одобряя желание некоторых своих коллег «порулить» Министерством, наш герой с удовлетворением отмечал, что выступления отдельных служащих, критиковавших «чисто политические или вообще служебные действия начальства», исполком Общества «подавлял самым решительным образом репликами на общих собраниях» [4, с. 297].

«Революция снизу» (говоря словами Михайловского, «синдикалистского характера»), была предотвращена в МИД не только усилиями Общества служащих, но и разумными действиями руководства. И Милюков, и в особенности Терещенко внешне подыгрывали установившемуся «парламентаризму» и шли навстречу служащим «в сравнительно второстепенных вопросах, касающихся прохождения службы», при этом оставляя за собой «политическую автономию» [4, с. 300].

Впрочем, опыт корпоративного отстаивания своих прав и вообще, говоря шире, сплочение сотрудников Министерства иностранных дел на почве ясно осознанной профессиональной солидарности очень пригодился им в будущем. «Когда случился большевистский переворот, то только благодаря самоорганизации министерства удалось лишить большевиков дипломатического аппарата как в Петрограде, так и за границей, где наши дипломатические представители знали о существовании нашего Общества служащих и об отношении к нему начальства. “Дипломатический саботаж”, на который так горько жаловался Троцкий в Брест-Литовске, есть дело исключительно нашего исполкома и всей предшествующей деятельности Общества служащих МИД, сыгравшего в этот момент историческую роль, так как твёрдая позиция дипломатического ведомства в его отрицательном отношении к большевистскому перевороту оказала огромное влияние на всё петроградское чиновничество, приступившее к саботажу вместе с нами» [4, с. 300].

Изменилась не только атмосфера в министерстве. Новшества не обошли стороной делопроизводство – область консервативную и одновременно сакральную. Профессиональный юрист, великолепно знакомый с бумажной стороной дипломатической службы, Г. Н. Михайловский на первых порах был сильно удивлён тем, как снизился уровень бюрократической культуры при Временном правительстве. «Временное правительство по технике своего делопроизводства сильно уступало прежнему царскому Совету министров. Если раньше канцелярия Совета министров (ныне переименованная в канцелярию Временного правительства), несмотря на частоту заседаний Совета, умудрялась довольно скоро изготавливать журналы заседаний, гладким канцелярским языком занося мотивы постановлений Совета министров, то по протоколам Временного правительства, составленным той же канцелярией, восстановить мотивы того или иного постановления было просто невозможно, так как протокол заключался в кратких формулах “слушали – постановили”. Кроме того, если раньше протокол заседания почти всегда соответствовал ведомости этого заседания, то при Временном правительстве этого никогда почти не было: очень часто о повестке дня просто забывали под влиянием срочных и злободневных вопросов текущей политики», – живописал наш герой [4, с. 443–444]. Не лучше ситуация обстояла и с бумагами в самом МИД: «Поскольку я по-прежнему до самого

конца Временного правительства продолжал заниматься его делами, то особенно остро чувствовал все недостатки техники делопроизводства, чему помочь не мог», – печально констатировал наш герой [4, с. 445].

Интересен вопрос о новом дипломатическом этикете. Во-первых, «сразу же после образования Временного правительства столь официальные акты этого правительства, как верительные грамоты наших послов и посланников, писались в форме республиканского обращения к монархам, а именно “mon ami”³ вместо монархического “mon frère”⁴» [4, с. 463]. Правда, дипломаты между собой никогда не называли «Временное правительство республиканским и вообще термин “республика” по отношению к России нигде и никогда не употребляли». При этом слова «империя», «императорский» из всей как внутригосударственной, так и чисто дипломатической переписки исчезли в силу специального распоряжения Временного правительства, циркулярно сообщённого во все российские посольства и миссии за границей. Более того, «все официальные бланки с надписью “императорский” были уничтожены и заменены новыми (например, раньше наши посольства официально назывались “российские императорские посольства и миссии”, теперь они стали просто российскими посольствами и миссиями, и так во всём)» [4, с. 253].

Министерство иностранных дел привыкло жить в новой реальности, приравливаясь к новым порядкам и этикету. Между тем события в Петрограде приобретали тревожный характер. После апрельского кризиса Временного правительства последовал июльский. В городе поговаривали о желании большевистской партии осуществить государственный переворот. Вновь по городским улицам толпами ходили вооружённые люди, а в воздухе висело напряжение. Ходивший по тем же улицам Г. Н. Михайловский остро ощущал грозную важность момента: «Я прошёл в эти дни несколько раз весь город из неудержимого любопытства, хотя, признаюсь, несколько раз вынужден был пережить перестрелку в первом попавшемся доме. Надо сказать, что эти столь знаменательные дни, которым предстояло стать грозным предвестником Октябрьской революции, ни в малейшей мере не походили на Февральскую революцию и даже на апрельскую попытку свержения Вре-

³ Друг мой (фр.)

⁴ Брат мой (фр.)

менного правительства, закончившуюся уходом Милюкова и первым кризисом Временного правительства. Июльские дни имели своё собственное cachet⁵, которое им придавали именно кронштадтские матросы, раньше не принимавшие такого участия в петроградских событиях. Эти матросы группами и в одиночку, с ружьями наперевес, с загорелыми лицами и с лентами, перевёрнутыми внутрь на своих шапках, чтобы скрыть свою принадлежность к тому или иному судну, эта анонимная атака приехавших извне людей, ставшая надолго символом большевистской революции, не имели ничего общего с февральской толпой или же с апрельскими военными демонстрациями» [4, с. 424].

Воочию наблюдая за отрядами матросов, наш герой был удивлён их «деловой плановностью, холодным расчётом, отсутствием какого бы то ни было азарта или революционного увлечения». Вывод напрашивался у Михайловского сам собой. «Никогда ещё уверенность, что чужая рука движет этими людьми, направляет их и оплачивает, не принимала у меня такой отчётливой формы. После июльских дней всякая тень сомнения в германской завязи большевистского движения у меня исчезла» [4, с. 425]. Мысль о том, что большевики – германские агенты, Михайловский пронёс через всю жизнь. Спустя семь лет в статье «Спасение на крови (К десятилетию Мировой войны)» он утверждал: «И большевикам весной 1917 г. не трудно было предсказывать заключение “похабного мира” с Германией. Для этого “похабного дела”, собственно говоря, их и вызвали из заграницы в запломбированном вагоне...» [1, с. 31]. Ещё через десять лет, в статье «Русская тройка», Михайловский был ещё резче и категоричнее: «У таких господ как Ленин и Троцкий вместо совести – инструкция германского генерального штаба, завернутая в Коммунистический манифест Маркса» [2, л. 4].

Размышляя о причинах победы большевиков, Г. Н. Михайловский не мог удержаться от обвинения своих бывших начальников в неспособности вовремя поставить тем заслон. Наблюдая за постепенной дестабилизацией ситуации в Петрограде весной-летом 1917 г., наш герой не мог отделаться от ощущения, что «Милюков не менее, а может быть, и более Терещенко виноват в том, что он впустил Ленина и знаменитый “запломбированный вагон”». Не снимал Михайловский вины и с Терещенко, который был «не менее виноват в том, что не выпроводил этих

⁵ Отпечаток (фр.)

лиц за границу, не ограничивал их деятельность внутри России, не сделал то, что мог бы сделать как министр иностранных дел, а именно: собрать достаточно веские улики против большевиков, касавшиеся денежной и военной связи с Германией, а затем их опубликовать, и уж во всяком случае в том, что он продолжал доставлять Ленину, Троцкому и К^о готовые кадры в лице возвращающихся на родину амнистированных “эмигрантов“» [4, с. 429]. Справедливости ради стоит сказать, что сам П. Н. Милюков также был уверен, что «германские деньги были в числе факторов, содействовавших перевороту» (имеются ввиду февральские события – Н. М.), из-за чего он даже серьёзно рассорился с А. Ф. Керенским, заявившим: «После того, как господин Милюков осмелился в моем присутствии оклеветать святое дело великой русской революции, я ни одной минуты здесь больше не желаю оставаться» [3, с. 476].

Так или иначе, но бессилие Временного правительство становилось всё очевиднее. С трудом справившись с июльскими беспорядками, его министры не рискнули продолжить жёстко преследовать лидеров большевиков, чем, конечно, подписали себе смертный приговор. В МИД смотрели на это как на проявление ненужной мягкотелости и нерешительности. В конце августа, впрочем, забрезжила надежда. Стало известно о соглашении между главой Временного правительства А. Ф. Керенским и верховным главнокомандующим Л. Г. Корниловым о вводе в столицу войск для ликвидации Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Про Корнилова ходили разные слухи: что он ищет способ взять власть в свои руки и утвердить военную диктатуру, что он хочет сместить Керенского и устроить массовые военно-полевые суды. Несмотря на слухи, общие симпатии всего внешнеполитического ведомства «были в огромном большинстве не на стороне Временного правительства, а на стороне Корнилова».

Последующий резкий политический разворот главы Временного правительства, разорвавшего все договорённости с генералом и обратившегося за помощью к тем самым большевикам, которых незадолго до того планировал сажать в тюрьмы, вызвал однозначное осуждение у Михайловского и его коллег. Именно после этого Временное правительство утратило остатки симпатий и поддержки умеренно-настроенных чиновников. «Подлинно русский характер этого выступления, быть

может, действительно возникшего из бестолковой сумятицы с двух сторон, внезапно рассеченный словом “изменник“ по отношению к верховному главнокомандующему армии, – квалификация, вздорность коей была тогда ясна всем, – всё это отвратило от Временного правительства ту массу, которая перестала быть монархической после Февральской революции и не стала республиканской» [4, с. 459].

Выиграв тактически, Керенский полностью проиграл стратегически. Отныне он не мог рассчитывать ни на поддержку военных, ни на поддержку чиновников, ни на поддержку людей нейтральных взглядов. Градус политической напряжённости после корниловского выступления повысился до максимальных значений. «Финал корниловского выступления и самоубийство генерала Крымова, которого у нас многие знали как серьёзного и порядочного человека, – всё это создало пропасть, временную во всяком случае, между правительством и ведомством. Думаю, что таково же было настроение и других ведомств, судя по новому поведению Союза союзов всех ведомств, который всё больше и больше ввязывался в политику» [4, с. 462]. Метания Временного правительства вызывали у Г. Н. Михайловский и его коллег, «привыкших к разным правительственным курсам», разочарование и неприятие. Всем становилось ясно, что «у настоящего правительства России не было “курса“; что у него не было власти – это мы уже знали давно» [4, с. 463].

Развязка была не за горами. Это понимали все. Одни этого ждали с ужасом, другие – с надеждой, третьи – со спокойным безразличием философов-стоиков. О тех октябрьских днях Михайловский вспоминал: «Настроение вообще в нашем ведомстве было угнетённое, так как по городу носились разные слухи, но никаких признаков тревоги не было и в широких обывательских кругах. Октябрьский переворот застал Петроград врасплох, правительственный и обывательский одинаково. Никакой предоктябрьской паники совершенно не было, и это было удивительно, так как симптомов для тревоги было сколько угодно» [4, с. 501]. Все ведомства продолжали работать, скорее, по инерции, понимая, что дни Временного правительства сочтены. Последний день работы Временного правительства, 26 октября 1917 г., вышел для нашего героя удивительно символическим.

В этот день было назначено заседание Высшего призового суда, на которое Михайловский должен был идти по долгу службы. «Для

этого заседания мне надо было быть в форме, то есть в мундире, которого у меня не было, так как в нашем министерстве форма не признавалась, а для прочих торжественных случаев, даже для дипломатических раутов в посольствах, фрак отлично заменял форму». Михайловский был вынужден всё же заказать себе парадный мундир – как только был назначен «на должность V класса по Правовому департаменту на правах вице-директора». Роскошный мундир с золотым шитьём старого царского образца (парадная форма не была отменена Временным правительством) был готов к 24 октября. И вот, утром 26 октября Г. Н. Михайловский надел, в первый и последний раз, парадный мундир, «тщательно скрыв его под английским пальто защитного цвета» [4, с. 502]. Можно только догадываться, что произошло бы с нашим героем, если бы его в таком виде остановили патрули Красной гвардии или матросов-балтийцев...

Благополучно добравшись до здания Морского министерства, Михайловский принял участие в запланированном заседании. Оно было показательно по нескольким причинам: тем, что состоялось на большой лестнице министерства; тем, что судьи решили, что «заседание суда не может состояться, ибо мы не знаем, от чьего имени судить» («от имени Временного правительства, как было до сих пор, очевидно, нельзя было, так как оно сидело в Петропавловской крепости, а от имени нового правительства – единодушно решили, что не будем»); наконец, тем, что заседание было отсрочено *sine die*⁶ и «впоследствии никогда и не состоялось» [4, с. 502–503]. Полная неопределённость – вот характерная черта всего происходившего в тот день тогда в Петрограде. Никто, в частности и Георгий Николаевич Михайловский, не знал, как события будут складываться дальше. Но в одном наш герой был уверен твёрдо: сотрудничать с советской властью он не будет ни в каком случае. Более того, не желая просто оставаться в стороне, Г. Н. Михайловский станет одним из активнейших участников саботажа, устроенного столичными чиновниками всех ведомств, в частности, МИД, новому правительству. Однако эта тема уже выходит за рамки настоящей статьи.

⁶ Без указания даты (*лат.*)

Список использованной литературы:

1. Гарин-Михайловский Г. Спасение на крови (К десятилетию Мировой войны)//Своими путями. 1924. № 1–2.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф.10298. Оп. 1.Д.35.
3. Милуков П. Н. Воспоминания. М., 1991.
4. Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: В 2-х кн. – Кн.1. Август 1914 г. – октябрь 1917 г. М., 1993.

Февраль 1917 года в истории международных отношений России

Ревякин Александр Васильевич
доктор исторических наук, профессор, Московский
государственный институт международных
отношений (университет) МИД РФ,
Российская Федерация, Москва

February 1917 in the History on International Relations of Russia

Alexander V. Revyakin
Dr. in History, Professor, Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russian Federation,
Russian Federation, Moscow

Аннотация. Автор обосновывает вывод о том, что Февральская революция и падение монархии явились поворотным моментом в истории международных отношений России в среднесрочной перспективе. Эти события привели к ослаблению ее связей со странами Запада, в то время ее союзниками по Антанте, и к сближению с Германией. По мнению автора, правительство большевиков юридически оформило разрыв с Антантой, который фактически произошел еще при Временном правительстве.

Abstract. The author argues that the February Revolution and the fall of the monarchy were in the medium term a turning point in the history of Russia's international relations. These events led to the deterioration of its relations with the Western Powers equally members of the Entente Alliance and to the rapprochement with Germany. According to the author, the Bolshevik Government had nothing to do but formalize the political divorce with the Entente that actually took place earlier, under the Provisional Government.

Ключевые слова: русская революция, внешняя политика России, первая мировая война

Keywords: Russian Revolution, foreign policy of Russia, First World War.

Февральская революция бесспорно явилась важной вехой в истории нашей страны. Монархия в России пала на фоне раздиравших общество противоречий, к обострению которых привела Первая мировая война. Остается открытым вопрос: сохранилась бы власть Романовых, если бы войны удалось избежать? Ясно только, что за два с половиной года кро-

вопролития жизненный ресурс монархии, иначе говоря, ее запас прочности, был израсходован почти полностью. Легкого толчка оказалось достаточно, чтобы здание монархии рассыпалось как карточный домик.

Накануне войны 14-го года международное положение России представлялось прочным как никогда. Она чувствовала себя в безопасности, защищенная протяженной территорией. С точки зрения транспортной доступности это была более надежная защита, чем протяженная береговая линия морей и океанов. Кроме того, у России не было текущих территориальных споров с соседями – все или, осторожно скажем, почти все ее границы были надежно закреплены международно-правовыми актами. И конечно нельзя сбрасывать со счетов многочисленную сухопутную армию и военно-морской флот, изрядно потрепанные в русско-японской войне, но с тех пор приведенные в надлежащую форму, оснащенные современным оружием и военной техникой.

Тревогу русскому правительству внушали в основном действия т. н. Центральных держав – Германии и Австро-Венгрии, отношения с которыми ухудшались с каждым годом. Боснийский кризис, Балканские войны, миссия немецкого генерала Лимана фон Сандерса в Стамбул – таковы основные этапы эскалации напряженности в отношениях с этими странами. В начале 1914 г. в русских правительственных кругах впервые заговорили о неизбежности войны. Но в этом случае Россия могла рассчитывать на поддержку как минимум союзной Франции и на благожелательный нейтралитет ряда других держав, с которыми, несмотря на противоречия, удалось установить партнерские отношения в духе «сердечного согласия» – Великобританией и Японией.

Когда мировая война началась, состав международной коалиции (Антанты), сражавшейся против Германии, оказался даже более комфортным для России, чем ожидалось. Кроме Франции, в нее вместе с Россией в течение первого года войны вошли Великобритания, Япония и даже Италия, ранее блокировавшаяся с Центральными державами. Первое время союзники поддерживали между собой вполне деловые, взаимоуважительные отношения. Но начиная приблизительно со второго года войны между западными державами и Россией усилились трения, одна из причин которых лежит на поверхности: неудачи русской армии на фронте в 1915 г. подорвали веру союзников в ее военное могущество. Положение действительно сложилось критическое.

Русская армия, испытывая недостаток едва ли не во всех видах оружия – от легкого стрелкового до тяжелого артиллерийского, не говоря уже о боеприпасах и другом снаряжении, – под ударами противника была вынуждена откатиться на сотни километров в глубь своей территории.

Другой, менее явной причиной являлись подозрения, что русское правительство склоняется к сепаратному миру с Германией. Заметим, их реальной основой являлись слухи, которые военная и дипломатическая разведка Франции и Великобритании собирали в столицах нейтральных государств. Но внезапная отставка министра иностранных дел С. Д. Сазонова, слывшего твердым сторонником альянса России с Францией и Великобританией, прозвучала как гром среди ясного неба. Союзные дипломаты отважились на демарш, граничивший с вмешательством во внутренние дела России. 20 июля 1916 г. М. Палеолог и Дж. Бьюкенен, послы Франции и Великобритании, отправили начальникам французской и британской военных миссий в Ставке верховного главнокомандующего в Могилеве телеграмму с просьбой «проверить у министра двора, насколько верно это известие». 21 июля генералы Дж. Хэнбери-Уильямс и М. Жанен, посетив графа Фредерикса, выразили озабоченность своих правительств. В ответ министр заявил, что «дело сделано» и что «его величеству [Николаю II] не понравится вмешательство послов в дела, касающиеся внутренней жизни России»¹. Когда же они узнали, что на место Сазонова царь назначил Б. В. Штюрмера, по расхожему мнению, политика прогерманской ориентации, казалось, подтверждались худшие опасения.

Сомнения относительно прочности альянса с Россией не только всколыхнули давнюю неприязнь политических элит Запада к царизму как оплоту европейской реакции, но и пробудили в союзниках мелочную расчетливость, даже скупость в вопросах снабжения русской армии оружием и боеприпасами. Они соглашались поставлять оружие лишь под конкретные военные операции на Восточном фронте. В конце 1915 г. французы предложили скандальную сделку: предоставить оружие в обмен на переброску русского экспедиционного корпуса численностью до 400 тыс. на Западный фронт².

¹ Война, революция, мир: Россия в международных отношениях 1915-1925. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 37.

² Емец В.А. Очерки военной политики России в период первой мировой войны: Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М.: Наука, 1977. С. 206-207.

Сами того не желая, союзники приложили руку к углублению политического кризиса в России, начало которому положил роспуск Государственной Думы в сентябре 1915 г. Царю не понравилось требование Прогрессивного блока о назначении правительства, пользующегося «доверием страны». Фактически речь шла о глубокой политической реформе в духе западноевропейского парламентаризма, которая могла бы ограничить прерогативы исполнительной власти и расширить права законодательной. Подобная реформа соответствовала интересам союзных государств. Поэтому их дипломаты в Петрограде негласно поддерживали думскую оппозицию и даже пытались оказывать влияние на царя. В воспоминаниях британского и французского послов можно найти подробное изложение «трудного разговора», который тот и другой в отдельности имели с Николаем II соответственно 18 октября 1916 г. и 7 января 1917 г.³

Парламентскую реформу в России союзные дипломаты одобряли не в последнюю очередь потому, что надеялись таким образом предотвратить революцию, о приближении которой предупреждали свои правительства. Они не предсказали революцию, как может показаться, читая дипломатическую переписку. Они лишь своевременно заметили перемену настроений в России, предвещавшую «великие потрясения». Процитируем поразительный документ – характеристику, которую незадолго до Февральской революции дал положению в стране генерал Жанен: «Это подобно тому, что наблюдалось у нас перед взрывом [17]89 года. Все повторяется, только вместо “австриячки” ругают, не стесняясь в выражениях, “немку”. Оппозиционные настроения охватили все общество, как гражданскую, так и военную его часть, причем гвардию больше других... В Петрограде о возможности убийства “полковника” или “полковницы” говорят не таясь. Верность династии еще встречается в России, но как спорадическое явление. Фактически страна стоит перед альтернативой – или какая-нибудь кровавая трагедия, или меры против Думы, подкрепленные военной силой, но в обоих случаях последуют возмущение в стране, забастовки и т. д. Я, – заключает Жанен, – не вижу ни малейшего шанса этого избежать»⁴.

³ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Пер. с англ. / 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 177-181; Палеолог М. Царская Россия накануне революции: Пер. с фр. / Репринт, воспроизведение изд. 1923 г. М.: Политиздат, 1991. С. 284-288.

⁴ Service Historique de la Défense, Département de l'Armée de Terre. 16N2996.

Могли ли политические реформы в России, например, создание ответственного министерства, предотвратить революцию и восстановить к ней доверие со стороны союзников? – вопрос спорный. Зато можно с уверенностью утверждать, что политика Временного правительства явилась для последних едва ли не самым большим разочарованием за все время войны.

Февральская революция произошла ровно тогда, когда мировая война, казалось, зашла в тупик ввиду явной неспособности ни одной из сторон добиться решающего успеха в военных действиях. Нетрудно было предвидеть, что революция может дестабилизировать Россию и тем самым нарушить равновесие сил в пользу противника. Это была одна из причин, почему союзные правительства не спешили признавать смену власти, требуя гарантий выполнения обязательств по союзному договору. Как известно, Временное правительство подтвердило верность союзу, но удержать ситуацию в стране под контролем не сумело.

С точки зрения союзников, сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, к власти в России пришли деятели либеральной и демократической оппозиции царизму, к которым правительства и общественность стран Антанты традиционно относились с большим доверием. Но, с другой стороны, именно эти политики гипотетическую опасность сепаратного мира превратили в неотвратимую угрозу. В упрек Временному правительству союзники ставили и бездействие перед лицом разложения русской армии, и поддержку лозунга мира без аннексий и контрибуций, который в Лондоне, Париже и Риме однозначно расценивался как предательский, «пораженческий».

«Развод» России с Антантой фактически состоялся еще до прихода к власти большевиков. Им только и оставалось, что оформить его юридически. Между тем известно, что большевики рассматривали Брестский мир, который они заключили со странами Германского блока, главным образом как инструмент сохранения своей власти. Не признавали его и державы Антанты, которые по завершении войны обязали Германию его аннулировать. На этой почве советское правительство поддерживало фактические отношения с союзниками вплоть до разоблачения пресловутого «заговора послов» в августе 1918 г. Кроме того, по крайней мере теоретически у России оставалась возможность вернуться в мировую политику в ранге державы-победительницы.

Как известно, этой возможностью попытались воспользоваться т. н. белые правительства, хотя и безуспешно. В конце 1917 г. русские дипломаты в зарубежных странах, не признавшие советскую власть, сформировали некую горизонтальную структуру, которую назвали добровольным объединением заграничных учреждений бывшего Министерства иностранных дел России – Совещанием (или Советом) послов. Его членами являлись или считались все действующие послы России за границей. Никакого официального статуса эта структура конечно не имела. В научной литературе ее определяют и как «коллегиальный орган», и как «координационный совет»⁵. Последнее, мы полагаем, ближе к истине. Свою миссию члены Совета видели в том, чтобы помочь объединению антибольшевистских сил с целью восстановления в России законной власти, которая, по их представлению, перестала существовать после Октябрьского восстания в Петрограде. Они активно поддерживали различные областные правительства, которые возникли на просторах страны с началом активной фазы гражданской войны летом 1918 г., призывая к их единству. Разумеется, речь идет только о тех антибольшевистских силах и правительствах, которые придерживались проантантовской ориентации, т. е. выступал против Брестского мира, за возобновление войны с Германией. К тем же, кто ждал помощи от Германии, послы относились в лучшем случае как к заблудшим душам, в худшем – почти так же, как к большевикам, т. е. как к предателям.

В сентябре 1918 г. в Уфе возникло Временное Всероссийское правительство (иначе – Уфимская, затем Омская Директория), объявившее себя преемником Временного правительства, свергнутого большевиками. Послы тотчас же поставили перед союзниками вопрос о его признании в качестве единого правительства всей небольшевистской России. И, казалось, получили обнадеживающий ответ от западных держав, которым импонировал его, как они предполагали, «демократический», «представительный» характер. Но все надежды пошли прахом, когда Директория, расписавшись в собственном бессилии, передала власть военному вождю – адмиралу А. В. Колчаку, взявшему титул «верховного правителя» России.

⁵ См.: Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917 – 1925 гг.). М.: ИВИ РАН, 2004. 240 с.; Миронова Е.М. Дипломатия небольшевистской России. От Певческого моста до улицы Гренель. 1917-1919. М.: ИВИ РАН, 2013. 253 с.

Некоторые формальности, необходимые для дипломатического признания Колчака, были выполнены. Его авторитет не стали оспаривать другие, не менее (даже более) заслуженные вожди Белого движения, включая генералов А. И. Деникина и Н. Н. Юденича. Русские дипломаты за границей перешли в служебное подчинение С. Д. Сазонову, теперь министру иностранных дел екатеринodarского и омского правительств. Сопровождение послов прекратило свою деятельность, зато по распоряжению Колчака было созвано Русское политическое совещание, а для участия в Парижской мирной конференции сформирована Русская политическая делегация. Торопя события, деятели белого движения расценивали помощь, которую державы Антанты оказывали Колчаку в борьбе с большевиками, как признание его правительства де-факто.

Однако признания де-юре так никогда и не последовало. Соответственно и к участию в мирной конференции русская делегация допущена не была. С ней никто не вел переговоров, даже неофициальных, по вопросам, живо затрагивающим интересы России, например, о послевоенных границах. Деятели белого движения были шокированы таким отношением к себе со стороны союзников. Однако у последних были свои резоны. Чем дальше, тем больше они теряли веру в то, что белые правительства, даже опираясь на помощь Антанты, смогут победить в гражданской войне. Их беспокоило, что более чем за год борьбы антибольшевистское движение не смогло консолидировать свои силы (например, «верховный правитель» фактически располагал властью лишь в пределах Урала и Западной Сибири). Но особую тревогу внушало то, что белое движение не выдвинуло популярной программы демократических преобразований, которая смогла бы привлечь на его сторону широкие слои населения России, особенно крестьянство.

Союзные державы пытались внушить руководителям белого движения, что «только проведение ими демократической политики... могло способствовать образованию широкой антибольшевистской коалиции из белых диктатур и окраинных национальных государств, обеспечить белым поддержку большинства российского населения и позволить [странам Антанты] приступить к оказанию куда более щедрой материальной помощи, включая предоставление валютных займов»⁶. Однако все эти призывы раз-

⁶ Карпенко С.В. Государственность Белого движения против большевистской диктатуры: война, экономика, политика (начало 1919 – конец 1922 гг.) // Гражданская война в России 1917–1922: Очерки экономической и политической истории / Б-ка «Нового исторического вестника». М.: Изд-во Ипполитова, 2011. С. 83-84.

бивались о глухую стену непонимания: «Требования союзников выводили из себя политических и околополитических деятелей Омска... Для Колчака и тех, кто поддерживал его... весь смысл его диктатуры состоял во временном отказе от демократических порядков и в полном подчинении всей общественной и политической жизни Сибири надобностям фронта»⁷.

Теоретически Антанте хватило бы сил, чтобы самостоятельно справиться с большевиками. Военачальники даже успели проработать планы вторжения в Россию крупными силами. Но гражданских руководителей останавливали главным образом два соображения: 1) они боялись, что народы союзных стран не одобряют и не выдержат продолжения европейской войны; 2) они не хотели проливать кровь своих солдат за то, чтобы отдать Россию во власть, как они считали, «реакционных» генералов. Образно говоря, страны Антанты умыли руки, решив, что между чумой и холерой не выбирают. В итоге, попытка белых правительств, опираясь на прежние заслуги России, примкнуть к лагерю победителей потерпела провал.

Рассматривали возможность восстановления связей с союзными державами и большевики. К этому их побуждала угроза «объединенного похода Антанты», которая приобрела реальные очертания с окончанием мировой войны. Еще в самом начале Парижской мирной конференции США и Великобритания сообщили о планах созыва на Принцевых островах (в контролируемой союзными державами зоне Черноморских проливов) согласительного совещания всех участников гражданского конфликта в России. Имел ли этот проект шансы на успех? Судя по всему – никаких, потому что он исходил из ложной посылки будто бы «между большевистской партией, ее программными установками и другими социалистическими, социал-демократическими партиями принципиальных различий нет»⁸. Такое мог предположить только человек с развитым абстрактным мышлением и глубокими демократическими убеждениями, каким и был президент США В. Вильсон. Вместе с тем участникам совещания от конфликтующих сторон в заявлении союзных держав были обещаны «встречи с делегатами Союзных держав» и возможность «установить прочную связь с остальным миром»⁹.

⁷ Шмелев А. В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918-1919 гг.). СПб. Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 49.

⁸ Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. С. 413.

⁹ Документы внешней политики СССР (далее: ДВП). Т. II: 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. С. 45.

Анти- и «просто» небольшевистские правительства и движения (многие из них уже развили бурную деятельность в кулуарах мирной конференции) сочли такое предложение недопустимым понижением своего статуса и отказались от участия в совещании¹⁰. Зато большевики дали согласие. В. Ж. Цветков обратил внимание на то, что в советском ответе на приглашение союзных держав речь шла лишь «о готовности добиться мира в гражданской войне путем уступок иностранным государствам» (включая признание военных и довоенных долгов, выплату процентов по займам и предоставление концессий), но что «ни о каких уступках своим противникам внутри России советское правительство не заявляло»¹¹.

Еще более поучительна история т. н. миссии Буллита. Американский президент, недовольный упрямством антибольшевистских сил, сорвавших совещание на Принцевых островах, тайно направил в Москву на переговоры с советским правительством своего личного представителя Уильяма Буллита (в будущем – первого посла США в Советском Союзе). 12 марта 1919 г. в результате его переговоров с советским руководством, включая В. И. Ленина, был согласован неординарный документ, опубликованный у нас под названием «Текст проекта мирного предложения Союзных и Объединившихся стран, разработанный представителем Правительства США У. Буллитом и Правительством РСФСР». Он предусматривал, среди прочего, перемирие на всех фронтах гражданской войны, отмену странами Антанты экономической блокады Советской России, право граждан свободно пересекать границы и перемещаться по территории всех стран, возможность обмена официальными представителями¹².

Что случилось потом? Буллит вернулся в Париж, уверенный, что в его руках ключ от решения одной из главных мировых проблем, т. н. русского вопроса, но Вильсон даже не принял его для доклада. Буллит не мог понять, почему патрон вдруг утратил интерес к его миссии, и в знак протеста написал заявление об увольнении. Исследователи также затрудняются с ответом. Наиболее вероятными причинами считаются недомогание президента, вероятно, служившее предвести-

¹⁰ Отказались все – за исключением националистического правительства Эстонии.

¹¹ Цветков В.Ж. Указ. соч. С. 416-417.

¹² ДВП. С. 91-95.

ем тяжелой болезни (она выведет его из строя спустя несколько месяцев), а также яростные споры с другими участниками мирной конференции по вопросу о мирном договоре с Германией, к обсуждению которого они приступили после одобрения устава Лиги Наций¹³. Нельзя исключать, что неблагоприятное впечатление на Вильсона произвело сообщение из Москвы о создании Коммунистического Интернационала. Одна из резолюций учредительного конгресса («Тезисы о международном положении и о политике Согласия») содержала резкие выпады против «так называемой» мирной программы Вильсона. В частности, показная доброжелательность американского президента в «русском вопросе» объяснялась не искренним миролюбием, а тем, что «ему хочется развязать себе руки для завершения мирового дележа и для удушения европейской революции, чтобы затем раздавить и революцию в России»¹⁴.

Каковы бы ни были конкретные обстоятельства размолвки с державами Антанты, военная интервенция, которую на рубеже 1918–1919 гг. они организовали в поддержку антибольшевистских сил, не оставила большевикам выбора. Согласно резолюции I конгресса Коминтерна, Великобритания, США, Франция, Япония и Италия, эти «властелины капиталистического мира», обвинялись в том, что проводят «политику крайней реакции» и поэтому представляют самую большую угрозу социалистической республике. Следуя этой логике, естественных союзников в борьбе с «империалистической реакцией» большевики усмотрели, среди прочего, в странах, потерпевших поражение в мировой войне.

Новая тактика внешней политики нашла воплощение в Московском договоре 1921 г. с кемалистской Турцией и Рапалльском договоре 1922 г. с веймарской Германией. В начале 20-х годов Народный комиссариат иностранных дел даже изучал вопрос о создании с участием этих стран международной организации в качестве альтернативы Лиге Наций. Насколько эта тактика оправдала ожидания советского руководства, насколько она соответствовала интересам государства, – вопрос спорный. Он уже много лет является предметом дискуссий в научной литературе. Во всяком случае, спустя непродолжительное время совет-

¹³ Эткинд А. Мир мог быть другим. Уильям Буллит в попытках изменить XX век. Б.м.: Время, 2015. С. 35-36.

¹⁴ Протоколы конгрессов Коммунистического Интернационала. Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г. Под ред. Е. Короткого, Б. Куна и О. Пятницкого. М.: Парг. изд-во, 1933. С. 198.

ское руководство поменяет внешнеполитическую тактику и проявит горячее стремление к сотрудничеству с прежними союзниками России по Антанте. Но решить эту задачу сможет только в начале 40-х годов, в условиях смертельной опасности, которая возникнет со стороны гитлеровской Германии как для Запада, так и для Советского Союза.

Кроме указанного вывода, какую мораль, какой урок можно извлечь из этой истории? На наш взгляд, она опровергает одно из заблуждений, которому подвержены даже самые благонамеренные люди, а именно представление о том, что усилием воли можно начать отношения между странами как бы заново, с чистого листа, оставляя в прошлом взаимные обиды и нерешенные проблемы. В данном случае попытка России установить доверительные отношения со странами Запада в начале XX в. по сути разбилась о предубеждения, восходящие к XIX столетию и даже к более ранним пластам истории. Временное правительство в свою очередь было вынуждено расплачиваться за ошибки царской власти. Но ответственность за разрыв с Антантой легла в конечном счете на большевиков. Затем отношения со странами Запада еще долго будет омрачать память о военной интервенции в поддержку антибольшевистских сил – фактически о необъявленной войне, которую Антанта в течении ряда лет вела против советского правительства. Продолжать не буду: каждый из нас эту цепочку причинной-следственных связей может протянуть вплоть до настоящего времени.

Факторы десакрализации царской власти (1894–1913 гг.)¹

Селезнев Федор Александрович,
д. и. н., профессор ННГУ им. Н. И. Лобачевского

Аннотация: В статье анализируется опыт использования термина «десакрализация власти» в отечественной историографии. Автор склоняется к той точке зрения, что десакрализация власти стала результатом начатой Петром I европеизации, которая коснулась, прежде всего, элиты. Элита и была движущей силой процесса десакрализации царской власти. Большинство представителей образованного общества, отказывая царской власти в её сакральном предназначении, хотело выстроить отношения с ней на рациональной, договорной основе.

Abstract: The article analyzes the experience of using the term «desacralization of power» in Russian historiography. The author is inclined to the point of view that the desacralization of power was the result of the Europeanization initiated by Peter I, which affected, first of all, the elite. The elite was the driving force behind the process of desacralizing the tsarist power. Most representatives of the educated society, denying the tsarist government its sacred purpose, wanted to build relations with it on a rational, contractual basis.

Ключевые слова: Николай II, камарилья, десакрализации царской власти, бюрократическая элита, М. М. Андроников, Г. Е. Распутин. И. И. Воронцов-Дашков

Keywords: Nicholas II, camarilla, desacralization of tsarist power, bureaucratic elite, M. M. Andronikov, G. E. Rasputin, I. I. Vorontsov-Dashkov

Одним из наиболее актуальных для отечественного гуманитарного знания с 1990-х гг. является вопрос о характере восприятия общественным сознанием феномена политической власти и её архетипов. В центре внимания философов, политологов, историков, социологов находились различные аспекты этой проблемы. Особый, нарастающий, интерес ученых вызывают механизмы десакрализации власти. Причем некоторые историки начинают видеть в десакрализации власти одну из главных причин Февральской революции [1, с. 73].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31648; Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31648

Первым в отечественной историографии термин «десакрализация власти» применительно к событиям кануна революции 1917 года начал активно использовать Б. И. Колоницкий [2]. Он же определил адекватный источниковый комплекс, на базе которого подобная проблематика могла исследоваться в рамках исторической науки – судебные дела об оскорблении императорской семьи. Возможность использования этого вида источников для изучения массового сознания (прежде всего пореформенного крестьянства) получила в дальнейшем серьезную теоретическую проработку. В научный оборот был введен большой массив фактической информации как по России в целом, так и по её отдельным регионам. Это позволило выявить основные особенности процесса десакрализации царской власти в Российской империи. Историки выяснили, что этот процесс приобрел зримые черты в эпоху Николая II, а в её рамках наиболее интенсивный характер получал в периоды политических кризисов (Русско-японская война и Первая русская революция; революционный подъем 1910–1914 гг. и Первая мировая война).

Однако в научном сообществе нет единства по поводу соотношения объективных и субъективных факторов десакрализации. Согласно одному мнению десакрализация царской власти была объективно предопределена: «Процессы секуляризации сознания и рационализации мышления, характерные для модерного времени, рано или поздно должны были утвердиться в высших слоях общества и простом народе» [3, с. 244]. В высших слоях это произошло раньше, ибо процесс десакрализации шёл «сверху вниз» (от европеизированной элиты к народным массам). В результате для «образованных, европейски ориентированных слоев, составлявших российское общество, самодержавие к началу XX в. во многом уже лишилось своего сакрального ореола» [4, с. 35]. Таким образом, для сторонников этой точки зрения «ментальная революция», главной составляющей которой была десакрализация власти, началась задолго до эпохи Николая II. В конечном счете, она стала результатом начатой Петром I европеизации, которая коснулась, прежде всего, элиты. Элита и была движущей силой процесса десакрализации царской власти.

Для других историков процесс десакрализации царской власти жестко привязан к периоду правления Николая II и особенностям его личности. Последний российский самодержец, согласно их суждениям,

оказался человеком, не приспособленным к государственной деятельности и целиком подпал под влияние доминировавших в его окружении «темных сил» («камарильи»). Камарилья способствовала вхождению России в периоды кризисов (провоцирование Безобразовской кликой Русско-японской войны) и обостряла их течение (дискредитация Распутиным царской семьи в 1910–1916 гг.). В результате действий камарильи «монархическая идея была дискредитирована реальной политической практикой» [5, с. 344–345]. В такой трактовке десакрализация царской власти видится следствием дискредитации его конкретного носителя. Его устранение решало проблему, ведь смена «большинства ключевых фигур власти во главе с Николаем II могла остановить победное шествие камарильи» [6, с. 236–238].

Прежде чем дать оценку обеим точкам зрения, отметим, тот, часто ускользающий от внимания историков факт, что сохранение в глазах подданных сакрального характера царской власти, во многом зависело от такого же понимания её самим монархом. Между тем Николай II, серьезнее всех своих предшественников на троне (за исключением, пожалуй, царя Алексея Михайловича) относился к своей власти как к священному служению. Недаром Алексей Михайлович был его любимым историческим героем!

Подобно Алексею Михайловичу, Николай II публично демонстрировал свою религиозность [3, с. 244; 7, с. 505]. Но если в XVII в. такой сценарий поведения монарха был ожидаемым и одобряемым подданными, включая и правящие верхи, то в конце XIX в. подобное поведение царя шло вразрез с настроениями элиты. К этому времени в дворянско-интеллигентской среде прочно укоренились конституционные идеи. Большинство представителей образованного общества, отказывая царской власти в её сакральном предназначении, хотело выстроить отношения с ней на рациональной, договорной основе. Поэтому очень сильный всплеск негативных эмоций в обществе вызвала речь только что вступившего на престол Николая II, произнесенная им 17 января 1895 г. перед депутациями дворянства, земств и городов, приехавшими на царскую свадьбу, о незыблемости самодержавия и бессмысленности мечтаний об участии представителей земства «в делах внутреннего управления». С. Л. Фирсов, систематизировавший отклики на эту речь, пишет о том, что она была воспринята в обществе как вызов. При этом самому

монарху давались уничижительные характеристики. В толках, гулявших по Санкт-Петербургу, фигурировали детали, свидетельствовавшие о том, что к молодому императору относятся с насмешливым пренебрежением. Выражение «бесмысленные мечтания» по общему мнению, было либо результатом оговорки, ставшей следствием волнения, или было использовано по совету великого князя Сергея Александровича, а изначально «мечтания» предполагалось определить как «беспочвенные». Всех позабавило, что царь, чтобы не сбиться, сверялся с текстом, скрытым в шапке [8, с. 104–107].

Без должного пиетета относилось к молодому монарху и его ближайшее окружение. Великие князья, министры, сановники стремились сохранить имевшиеся у них прерогативы и подчинить Николая II своему влиянию. В этой связи следует обратить особое внимание на фигуру министра двора И. И. Воронцова-Дашкова. Лично близкий к Александру III, он был его докладчиком по самому широкому кругу политических и даже дипломатических вопросов, очень далеких от его сферы компетенции как министра [9, с. 248]. Подобные отношения он попытался выстроить и с Николаем II, но без успеха.

Как министр двора, Воронцов-Дашков готовил коронационные торжества в Москве на Ходынском поле в 1896 г., завершившиеся катастрофой и массовой гибелью людей. Следствие, которым руководил министр юстиции Н. В. Муравьев, выявило факты, отрицательно характеризующие действия Воронцова-Дашкова. Но его вывела из под удара вдовствующая императрица Мария Федоровна. Под влиянием матушки царь поручил провести новое расследование верховному маршалу на коронации К. И. Палену (т. е. лицу причастному к трагедии). У того виновником Ходынки стал московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович [8, с. 126]. Но царь оставил Сергея Александровича на его посту. А вот Воронцов-Дашков через год, в мае 1897 г., был отправлен в отставку.

Интересно, что в этом же году начинается «Безобразовская авантюра», в которой ключевую роль сыграет правая рука И. И. Воронцова-Дашкова со времён «Священной дружины» А. М. Безобразов [9, с. 249]. Воронцов-Дашков представил царю записку Безобразова о приобретении лесной концессии в Корею, что впоследствии привело к Русско-японской войне [10, с. 311–312].

Появление А. М. Безобразова на исторической сцене И. В. Лукоянов считает важным рубежом в формировании камарильи. Её членов историк называет «людьми ниоткуда» и противопоставляет высокопоставленным бюрократам [6, с. 231]. Однако на примере Безобразова мы видим, что «люди ниоткуда» на самом деле суть выдвинутцы близких к трону властных групп. Поэтому противопоставлять камарилью и бюрократическую элиту, на наш взгляд, неправильно. Камарилья не была единым целым. Разные персонажи из её состава были орудиями отдельных бюрократических или придворных кланов, а также внешних сил. Так, обычно, относимый к камарилье князь М. М. Андроников одно время был близок к С. Ю. Витте и выполнял его поручения. Князь был также вхож в круг влиятельных французских политиков и публицистов [11, с. 88–89]. В 1902–1903 гг. Андроников активно участвовал в интриге против министра юстиции Н. В. Муравьева, а в 1915 г. вёл борьбу с военным министром В. А. Сухомлиновым [11]. Г. Е. Распутин тоже появился в царском дворце не без участия представителей правящей элиты. Он был введен туда с подачи возлюбленной, а потом жены великого князя Николая Николаевича Станы и её сестры Милицы [13, с. 91].

Вообще, если рассматривать взаимоотношения бюрократической элиты и камарильи в контексте процесса десакрализации института монархии, то вырисовывается такая картина: Николай II стремился реализовать свой сценарий власти, который условно можно описать как «единение царя-богомольца с простым народом», а большая часть элиты с помощью ею же созданной камарильи противилась осуществлению этого действия.

Элита, разумеется, могла тоже подключиться к общенациональному единению – на основе принятия исторических ценностей и традиций. Самой яркой попыткой Николая II включить бюрократическую элиту в свой сценарий стал костюмированный бал в Зимнем дворце 11 и 13 февраля 1903 г., приуроченный к 290-летию династии Романовых. Тогда все присутствовавшие, включая царя и царицу, были одеты в костюмы XVII века. В перспективе, видимо, намечалась реформа придворных чинов и одеяний в этом духе, однако к ней не стали приступать. Помешали война с Японией, начавшаяся в 1904 г., и настороженное отношение образованного общества. Без энтузиазма восприняла российская элита и канонизацию Серафима Саровского в 1903 г., в немалой

степени потому, что император проявил в этом деле горячее личное участие. Российская интеллигенция отказывалась видеть в канонизации преподобного Серафима религиозное действие. Для неё это была политическая акция царского окружения, направленная на увеличение популярности монарха.

Подобные настроения ярко выражены в воспоминаниях нижегородского земского деятеля А. А. Савельева, который был уверен, что не последнюю роль в этом деле сыграли соображения «хитреца Плева» (министра внутренних дел), «поставившего целью показать, что простой народ доволен самодержавием, предан ему, и что стремление к свободе и к участию общественных сил в государственном управлении есть измышления небольшой кучки интеллигенции и не имеют опоры в простом народе» [14, с. 56].

Русско-японская война и революция 1905–1907 гг. на время прервали осуществление сценария власти Николая II. Но после стабилизации внутренней и международной обстановки император вновь вернулся к его реализации. В 1909 началась череда юбилеев, открывшаяся празднованием 200-летия Полтавской битвы. Через их организацию власть апеллировала к символам, олицетворявшим связь правящей фамилии с историческими достижениями Российского государства. В 1912 г. было отмечено 100-летие победы над Наполеоном. В 1913 г. прошли торжества, посвященные 300-летию династии Романовых. 21 февраля 1913 г. их центром стал Санкт-Петербург. Кульминацией празднования юбилея династии стала поездка царской семьи по городам, сыгравшим важную роль в преодолении Смуты начала XVII в. и избрании на престол царя Михаила Федоровича. Николай II с женой и детьми выехали на поезде из Санкт-Петербурга через Москву и Владимир в Нижний Новгород, куда прибыли 17 мая 1913 года. С Московского вокзала царь проследовал в Нижегородский кремль, где в Спасо-Преображенском соборе вместе с дочерьми Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией поклонился праху Кузьмы Минина. Затем состоялась торжественная церемония закладки монумента Минину и Пожарскому (проект архитектора В. Л. Симонова). Первый камень в фундаменте будущего памятника положил сам император.

Вечером 17 мая 1913 г. царская семья на пароходе «Межень» отплыла в Кострому, куда прибыла 19 мая. Первым делом Николай II

и его родные направились в Ипатьевский монастырь, где их встретил крестный ход с Федоровской иконой Божьей Матери, списком с которой в 1613 г. инокиня Марфа благословила на царство своего сына Михаила Федоровича. Император осмотрел местную достопримечательность – палаты бояр Романовых, был на открытии Романовского музея. На другой день, 20 мая в его присутствии был заложен памятник в честь 300-летия дома Романовых (скульптор А. Х. Адамсон, архитектор С. А. Власев).

21 мая 1913 г. Романовы водным путем прибыли в Ярославль, где осмотрели только, что построенный железнодорожный мост через Волгу, названный именем Николая II. 24 мая, повторив путь ополчения Минина и Пожарского, царская семья въехала в Москву.

Ричард Уортман, подробно описавший и торжества в Петербурге, и поездку императорской семьи по Поволжью и в Москву, привел немало примеров, показывающих, что Романовские торжества 1913 г. не стали апофеозом национального единства. Конфликты с политической подкладкой, хотя и мелкие, имели место практически на каждом этапе празднеств. Уортман обращает особое внимание на один из них, когда Г. Е. Распутин явился на торжественную службу, проходившую 21 февраля в Казанском соборе Санкт-Петербурга. Распутин, вырядившийся в малиновую шелковую рубашку, встал за местами, предназначенными для депутатов Государственной думы. После стычки с председателем Государственной думы он ушел [7, с. 621].

Естественно, этот эпизод привлек общее внимание присутствовавших и не мог не сбить их торжественный настрой. Не вдаваясь в анализ мотивов этого и многих других скандальных поступков Распутина, отметим, что в противостоянии Николая II и элиты действия представителей камарильи были на руку не монарху, а его противникам. И именно этот общий вектор усилий элиты и камарильи стал важнейшим фактором десакрализации царской власти в 1894–1913 годах. В следующий исторический период эта тенденция только усилилась.

Список литературы

1. Варфоломеев Ю. В. Слухи о царской измене в контексте «политической порнографии» России накануне Февральской революции // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения, вып. 2. С. 73–79.

2. 2. Колоницкий Б. И. «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы Первой мировой войны (слухи и массовая культура)//1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 67–81.
3. 3. Юдин Е. Е. Публичные демонстрации царской набожности (1900–1903 гг.) и реакция придворных кругов//Преподаватель XXI век. 2018. № 2–2. С. 243–259.
4. 4. Глебова И. И. Сакрализация верховной власти в России как культурно-исторический феномен//Россия и современный мир. 2009. № 4. С. 23–43.
5. 5. Лобачева Г. В. Монархическая идея в массовом сознании россиян, 1881–1917 годы: дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Саратов, 1999. 436 с.
6. 6. Лукоянов И. В. Камарилья//Россия и Первая мировая война (материалы международного коллоквиума). СПб., 1999. С. 230–239.
7. 7. Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: от Александра II до отречения Николая II. М., 2004. 796 с.
8. 8. Фирсов С. Л. Николай II: пленник самодержавия. 2-е изд., перераб. М., 2017. 526 с.
9. 9. Лукоянов И. В. Конец царствования Александра III: была ли альтернатива «контрреформам»?//Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. Памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 247–258.
10. 10. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. 810 с.
11. 11. Селезнев Ф. А., Евдокимов А. В. Роковая женщина военного министра: генерал Сухомлинов и Екатерина Бутович. СПб., 2020. 254 с.
12. 12. Селезнев Ф. А., Евдокимов А. В., Князь М. М., Андроников и военный министр В. А. Сухомлинов//Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 57–62.
13. 13. Коцюбинский А., Коцюбинский Д. Распутин: Жизнь. Смерть. Тайна. СПб., 2014. 480 с.
14. 14. Савельев А. А. Земство и власть. Из истории местного самоуправления в России. Арзамас, 1995. 382 с.

Российская и британская империи накануне Первой мировой войны: сотрудничество или противостояние?

Е. Ю. Сергеев

Москва, Институт всеобщей истории РАН,
Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: Статья посвящена дискуссионной проблеме оценки российско-британских отношений в условиях общеевропейского политического кризиса накануне начала Первой мировой войны. Автор анализирует закономерности и скрытые тенденции двусторонних связей, развитие которых позволяет прийти к выводу о противоречивости формирования Тройственного Согласия (Антанты) и тщетности попыток его творцов заложить долговременный фундамент сотрудничества России и Великобритании.

Abstract: The paper focuses on the Russian-British relations in the course of the pan-European political crisis on the eve of the First World War. The author draws attention to the patterns and hidden trends of bilateral contacts, the development of which demonstrates the contradictory nature of the Triple Alliance (the Entente) as well as the futility of attempts by its creators to lay a solid foundation for the long-term collaboration between Russian and Great Britain.

Ключевые слова: российско-британские отношения, Антанты, Венский миропорядок, Большая Игра, Первая мировая война

Keywords: Russo-British relations, Entente, Vienna world order, Great Game, First World War

К 1914 году Россия и мир столкнулись с кризисом Венского миропорядка, сложившегося в начале XIX в. после завершения Наполеоновских войн на основе «баланса сил» и «концерта» пяти великих держав. Вместо традиционных для второй половины столетия противоречий между Великобританией с одной стороны, Россией и Францией – с другой, на первый план вышли конфликты между Великобританией и Германией, а также Россией и Австро-Венгрией в условиях обострения традиционно нестабильной ситуации на Балканах. Вместе с тем возрастала традиционная напряженность франко-германских и итало-австрийских отношений, вызванная неурегулированными территориальными спорами и взаимными экономическими претензиями.

Вместе с тем даже в этот период общеевропейская война не была окончательно predetermined, поскольку мировая политика характеризовалась двумя основными тенденциями. Одна определялась милитаризацией государственных структур и гонкой вооружений, связанными со стремлением властных элит к переделу мира силовыми методами и идеологическим обоснованием внешней агрессии. Вторая была обусловлена пацифистским подходом к решению спорных вопросов дипломатическим путем на основе компромиссов и соблюдения баланса интересов, что проявилось на двух международных конференциях в Гааге, а также в практике заключения арбитражных договоров и решениях нескольких конгрессов II Интернационала, решительно осудивших империалистический милитаризм.

О необходимости избежать военные действия в Европе и мире неоднократно говорилось в стенах парламентов, с высоких трибун общественных организаций, на съездах политических партий и международных форумах с различной повесткой дня. Доводы о катастрофическом характере будущего глобального катаклизма приводили авторы произведений – крупнейшие мыслители эпохи и мастера культуры, которым предстоящая схватка ведущих государств казалась немислимой на фоне прогресса образования и науки.

Однако в условиях так называемого «закрытия мира», когда на Земном шаре практически не осталось территорий, свободных от политического контроля великих держав, агрессивная тенденция неумолимо брала верх над стремлением к миротворчеству, свидетельством чему являлась череда острых дипломатических кризисов и локальных вооруженных конфликтов. С течением времени они приобретали все более продолжительный характер и территориальный охват, вовлекая в свой катастрофический водоворот все новые страны и народы – от Японии и Китая до США и Испании, постепенно перемещаясь все ближе к Европейскому региону. К сожалению, отсутствие общеевропейских вооруженных конфликтов на протяжении целого столетия, стремление к войне со стороны некоторых влиятельных политических сил, как правого, так и левого толка, а также заинтересованность в ней со стороны сепаратистских движений на территории практически всех полиэтнических империй – Австро-Венгерской, Германской, Британской, Османской и Российской также подталкивали Человечество к кровавой бойне¹.

¹ О конфликте на Балканах и крахе «европейского концерта» см.: Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации/ред. Л. С. Белоусов, А. С. Манькин. М.: Изд. МГУ, 2014. С. 39–45.

С точки зрения перспектив внутривнутриполитического и экономического развития, России война была не нужна, поскольку в стране проходила индустриальная модернизация, развивалось кооперативное движение в деревне, реформировались, хотя и довольно робко, национальные отношения, а культура и искусство, несмотря на целый ряд проблем, к примеру, неграмотность около 70 % населения и глубокий разрыв в уровне жизни горожан и селян, все же достигли мирового уровня, получив признание широкой зарубежной общественности.

Таким образом 1913 год стал завершающим годом существования традиционного, «старого» порядка, который при своевременном, последовательном, а главное, умелом совершенствовании был способен пройти политическую, экономическую и культурную трансформацию, сделал Россию современной индустриальной державой.

Поскольку канун Первой мировой войны был отмечен преобладанием общей тенденции к решению межгосударственных противоречий силовыми, военными методами над другими возможными сценариями урегулирования существовавших проблем путем компромиссов, ситуация осложнялась еще и тем обстоятельством, что не существовало международной организации, которая могла бы выступить посредником в назревавших конфликтах, а решения многосторонних конференций также как и двусторонние договоренности зачастую носили не обязательный, а лишь рекомендательный характер.

Формирование и последующая консолидация двух крупнейших военно-политических альянсов – Тройственного союза в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии, а также Тройственного Соглашения (Антанты), включившей Россию, Францию и Великобританию, стало неизбежным и по-своему логичным следствием доминирования милитаристской тенденции. При этом, несмотря на участие в указанных альянсах, каждое из перечисленных государств, преследовало собственные, далеко идущие цели, разрабатывая планы послевоенного мироустройства с точки зрения имперских амбиций своих властных элит.

Ситуация на субконтиненте приобрела опасную динамику в связи с двумя Балканскими войнами 1912–1913 гг. В этот период значительное количество славян – подданных Австро-Венгерской империи – присоединились к сербской армии в качестве добровольцев. Со своей стороны Венский двор по соглашению с кайзером Вильгельмом II оказывал

военно-политическое давление на Белград, а популярнейшим призывом австрийской партии войны стал лозунг «Сербия должна умереть!»²

Подписание российско-британской конвенции 1907 г., положившей конец так называемой Большой Игре (The Great Game) – то есть соперничеству двух империй в Азии, временно отодвинуло на задний план, хотя и не устранило полностью противоречия между Петербургом и Лондоном. Поэтому такой альянс дружественных государств, как Антанта, будучи прежде всего важнейшим средством противодействия германской экспансии, рассматривался властной элитой Соединенного Королевства еще и как инструмент сдерживания России на пути дальнейшего расширения ее границ и одновременно блокирования возможного сближения с Германией³.

С другой стороны, российские правительственные и общественные круги серьезно опасались втягивания в политическую комбинацию, направленную против Германии, стремясь сохранить «свободу рук» в отношениях с мировыми державами на фоне дестабилизации ситуации в Европе и усиления гонки вооружений.

Тем не менее, по крайней мере два фактора определяли влияние на стремление Петербурга укреплять взаимопонимание между Российской и Британской империями – необходимость получения финансовых займов в лондонском Сити и намерение реализовать давнишние стратегические замыслы на Балканах, в частности, добиться, наконец, решения проблемы Черноморских проливов с помощью Лондона.

При этом в правительственных сферах обеих стран действовали влиятельные политические группировки – консервативная, прогерманская партия в России и сторонники леволиберальных идей в Соединенном Королевстве, которые даже в 1913 – первой половине 1914 гг. не были готовы принять идею союзнических отношений двух держав.

Таким образом, несмотря на линию политического сближения России и Великобритании, четко обозначенную их дипломатическими ведомствами в 1912–1913 гг., было бы ошибочно констатировать преодоление всех разногласий и разрешение спорных проблем региональ-

² О конфликте на Балканах и крахе «европейского концерта» см.: Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / ред. Л.С. Белоусов, А.С. Маныкин. М.: Изд. МГУ, 2014. С. 39–45.

³ Сергеев Е.Ю. Большая Игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012.

ного характера – будь то ситуация на Балканах, Ближнем или Среднем Востоке. В этой связи представляется неслучайным рассмотрение Петербургом и Лондоном возможности обновления тех статей конвенции 1907 г., которые могли способствовать сохранению взаимного недоверия, например, касавшихся разграничения сфер влияния в Персии.

Одновременно представляется неправомерным утверждать, что на протяжении 1913 – начала 1914 гг. Великобритания будто бы стояла на пороге переориентации своей внешней политики в направлении сближения с Германией. Обмен визитами между представителями российской и британской общественности, который активизировался именно в предвоенные годы, сопровождаясь установлением личных связей парламентариев, иерархов церкви, авторитетных деятелей науки и культуры, свидетельствовал об укреплении союзнических отношений Петербурга и Лондона перед лицом нарастающей германо-австрийской угрозы для обеих империй. Но, конечно, определяющим моментом выступала их заинтересованность в отстаивании внешнеполитических приоритетов, для чего России было необходимо опираться на сильнейший в мире британский флот, а Соединенному Королевству полагаться на помощь крупнейшей сухопутной армии своего восточно-европейского союзника.

Впрочем, справедливости ради необходимо указать на то обстоятельство, что к весне 1914 г. некоторые министры и колониальные администраторы как в России, так и Великобритании прониклись мыслью о необходимости пересмотра Конвенции 1907 г. с учетом последних событий. Показательно, что министерство по делам Индии предложило в обмен на получение Россией «свободы рук» в Восточном Туркестане и Внешней Монголии добиться от нее согласия на переход Тибета под покровительство Англии⁴.

Возраставшее давление Петербурга на правительства персидского шаха также вызывало тревогу Уайтхолла. Промышленный бум в России и ускоренное наращивание ее военной мощи на фоне реализации крупномасштабных программ по перевооружению сухопутной армии и военно-морского флота побуждали Лондон искать противовес путем смягчения колониальных противоречий с Берлином, одновременно стремясь к удержанию правительства Николая II в рамках основных пунктов конвенции. Как справедливо отмечал известный британский дипломат

⁴ Берлин Л. Англия и Тибет // Новый Восток. 1922. Т. 2. С. 362–363.

А. Никольсон, сохранявшаяся неопределенность англо-русских отношений усиливала опасения Лондонского Кабинета в том, что в момент европейского кризиса Россия может достичь компромисса с Германией, пожертвовав интересами Соединенного Королевства на Среднем и Дальнем Востоке⁵.

Для того, чтобы развеять эти страхи, Николай II целенаправленно укреплял двусторонние связи. В январе 1914 г. он вновь открыто заявил о намерении всячески способствовать этому процессу, несмотря на оппозицию влиятельных германофилов среди высших эшелонов государственного управления⁶. Цель нового раунда официальных переговоров, которые готовили дипломаты обеих стран накануне начала мировой войны, определялась как обсуждение и урегулирование спорных вопросов, накопившихся за семилетие после заключения англо-русской конвенции. Примечательно, что, несмотря на имевшиеся трудности и традиционное взаимное недоверие, Петербург и Лондон стремились согласовать позиции по Балканским проблемам, а также добиться заключения военно-морской конвенции, способной трансформировать их согласие в политический союз по модели аналогичного по характеру договора между Великобританией и Японией, подписанного еще в 1902 г., а затем дважды продленного сторонами⁷.

Оценивая состояние англо-русских отношений накануне Первой мировой войны, стоит подчеркнуть, что победа Антанты стала возможной не в последнюю очередь благодаря сотрудничеству двух стран на протяжении 1914–1917 гг. вплоть до прихода к власти большевиков. Достаточно сказать, что благодаря сотрудничеству российской и британской разведок германские секретные экспедиции в регионах Закавказья и Среднего Востока не смогли развернуть подрывную деятельность для провоцирования восстаний местных племен, к примеру, пуштунских. Это в свою очередь позволило имперскому командованию Великобритании перебросить значительные силы англо-индийской армии с северо-западной границы Индостана на Ближний Восток для отпора осман-

⁵ The National Archives of the United Kingdom (TNA). F. 800/373. Nicolson to Buchanan, 7 April 1914

⁶ Macdonald D. Tsushima's Echoes: Asian Defeat and Tsarist Foreign Policy. – In: J. Steinberg, et al. (eds.) *The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero*. Leiden – Boston: Brill, 2005. Vol. 1. P. 559–560, 562.

⁷ См. подр.: Nish I. *The Anglo-Japanese Alliance: The Diplomacy of Two Island Empires, 1897–1907*. London: Athlone Press, 1966.

ским войскам. Более того, впервые со времен Наполеоновских войн казак и сипай сражались бок о бок в Месопотамии против общего врага.

Таким образом, в предвоенный период противостояние уступило место плодотворному сотрудничеству двух империй, хотя и не свободному от противоречий, но способному привести к налаживанию долгосрочных дружеских отношений Петербурга и Лондона, скрепленных не только договорными трактатами, но и династической солидарностью обеих правящих домов – Романовых и Виндзоров.

Однако история распорядилась по-другому, а поступательное развитие контактов России и Великобритании в политической, экономической и культурной сферах оказалось принесенным в жертву утопической идеи «мировой революции».

Список литературы

1. Берлин Л. Англия и Тибет // *Новый Восток*. 1922. Т. 2. С. 355–366.
2. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / ред. Л. С. Белусов, А. С. Манькин. М.: Изд. МГУ, 2014.
3. Первая мировая война. Энциклопедический словарь / ред. Е. Ю. Сергеев. М.: Весь мир, 2014.
4. Сергеев Е. Ю. *Большая Игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012.
5. Macdonald D. *Tsushima's Echoes: Asian Defeat and Tsarist Foreign Policy*. – In: J. Steinberg, et al. (eds.) *The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero*. Leiden – Boston: Brill, 2005. Vol. 1. P. 545–564.
6. The National Archives of the United Kingdom (TNA). F. 800/373.
7. Nish I. *The Anglo-Japanese Alliance: The Diplomacy of Two Island Empires, 1897–1907*. London: Athlone Press, 1966.

Николай II и министр финансов России П. Л. Барк (1914–1917)

Соколов Александр Станиславович
доктор исторических наук, профессор
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
Россия, г. Рязань

Nicholas II and the Minister of Finance of Russia P. L. Bark (1914–1917)

Sokolov Aleksandr
habilitated doctor,
professor in Ryazan State University named after S. A. Yesenin
Ryazan, Russia

Аннотация: В статье рассматривается деятельность П. Л. Барка на посту главы финансового ведомства. Прослеживаются события его личной биографии, анализируются взаимоотношения с императором Николаем II в период Первой мировой войны

Abstract: The article deals with the activities of P. L. Barka as the head of the financial department. The author traces the events of his personal biography, analyzes the relationship with Emperor Nicholas II during the First World War

Ключевые слова: П. Л. Барк, Министерство финансов, Николай II, Первая мировая война

Keywords: P. L. Bark, Ministry of Finance, Nicholas II, World War I

В последнее время в новейшей историографии заметен интерес к проблеме «человека в истории». Можно согласиться с мнением, что биографическая история – есть история, показанная через личность, которая предстает перед нами не изолированной, а взаимодействующей с другими личностями, со своей социальной средой, с окружающим миром в самых разных его проявлениях, с культурными и интеллектуальными традициями¹. В связи с этим представляется важным проследить

¹ Репина Л. П. Биография в контексте «глобальной микроистории»//Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева). Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. Чебоксары, 2019. С. 15.

жизненный путь главы финансового ведомства России Петра Львовича Барка (1869–1937), рассмотреть его взаимоотношения с императором Николаем II и окружением царя. Пребывание П. Л. Барка на посту Министра финансов совпало с годами Первой мировой войны.

Окончив в 1891 г. юридический факультет Санкт-Петербургского университета, он начал службу помощником столоначальника в Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов². Как способный чиновник П. Л. Барк быстро продвигался по служебной лестнице. В 1906 г. он стал товарищем управляющего Госбанком С. И. Тимашева. Но на следующий год П. Л. Барк покинул государственную службу и стал директором-распорядителем и членом правления Волжско-Камского коммерческого банка. Петр Львович активно использовал связь, существовавшую между Волжско-Камским банком и императорской фамилией, в особенности с канцелярией императрицы Александры Федоровны. Речь шла не только о коммерческих операциях и переводе денег, но и об участии банка в различных пожертвованиях в пользу патронируемых императрицей учреждений³. В августе 1911 г. П. Л. Барк по приглашению П. А. Столыпина вернулся на государственную службу товарищем министра торговли и промышленности с производством в действительные статские советники. Стремление императора Николая II любыми путями выйти из финансового кризиса и укрепить бюджет страны заставило его задуматься о новом главе финансового ведомства.

В январе 1914 г. при поддержке А. В. Кривошеина П. Л. Барк был назначен управляющим Министерством финансов (вместо В. Н. Коковцова). Назначению Николаем II П. Л. Барка на столь высокий и ответственный пост предшествовало знакомство с его финансовой программой⁴. 26 января 1914 г. царь записал в своем дневнике: «От 4 до 5 часов принимал Барка»⁵. Об этой аудиенции П. Л. Барк писал в воспоминаниях: «... я вкратце изложил свои взгляды по вопросам финансовой политики, упомянув, что, по моему мнению, настала пора изменить нашу финансовую систему. Нельзя строить благополучие казны на продаже

² Муравьева Л. А. Последний министр финансов Российской империи//Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2014. № 24. С. 32.

³ Федоров Б. Г. Все министры финансов России и СССР 1802–2004. М., 2004. С. 172.

⁴ Векшина Ю. А. Последний министр финансов Российской империи Петр Барк//Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы Международной научной конференции. Иваново, 2015. С. 266.

⁵ Дневник императора Николая II. М., 1991. С. 445.

водки, которая подрывает народное благосостояние, необходимо ввести скорее подходящий налог и принять все меры для сокращения потребления водки... Государь внимательно слушал мои объяснения, зачастую прерывал меня вопросами, относившимися до разных областей Финансового ведомства и государственного хозяйства»⁶. В рескрипте П. Л. Барку от 30 января 1914 г., написанном А. И. Кривошеиным у себя на квартире в присутствии нового премьера И. Л. Горемыкина, главноуправляющий землеустройством и земледелием изложил от имени царя свои воззрения на дальнейшее развитие финансовой политики, опирающиеся доходы от винной монополии⁷. Царь намеревался реформировать финансовую систему, построенную на винной монополии: она давала одну треть дохода в государственном бюджете Российской империи. Николай II был убежден: без решительного отказа от винной монополии невозможно добиться экономического процветания страны⁸. В рескрипте на имя П. Л. Барка говорилось о необходимости «коренных преобразований» в «заведовании государственными финансами и экономическими задачами страны». Экономическая политика, получившая название «новый курс» предполагала усиление государственного вмешательства в частнопредпринимательскую деятельность, в том числе антимонопольное законодательство. Он также делал приоритетным проблемы развития сельского хозяйства, увеличение бюджетных расходов на эти цели и поиск средств на денежном рынке⁹. Вступление России в Первую мировую войну превратило проведение «нового курса». В своих мемуарах П. Л. Барк отмечает, что «первые месяцы в Министерстве финансов прошли очень быстро»¹⁰. Находясь во главе финансового ведомства П. Л. Барк обнаружил большую, чем его предшественник, готовность считаться с просьбами ведомств об отпуске им денег¹¹. В мае 1914 г. Николай II утвер-

⁶ Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 158–160.

⁷ Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917. СПб., 2002. С. 33

⁸ Экштут С. Барк «Непопоялемый». Последний министр финансов империи свидетельствует, что советские пятилетки придумал Николай II//Родина. 2017. № 11. С. 48.

⁹ Дякин В. С. Реформы П. А. Столыпина//Власть и реформы. От самодержавия к Советской России. М., 2006. С. 556.

¹⁰ Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 197.

¹¹ Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф. Министр финансов П. Л. Барк в годы первой мировой войны//История финансовой политики России. СПб., 2000. С. 184.

дил П. Л. Барка в должности министра финансов и шефа Отдельного корпуса пограничной службы.

Первая мировая война ухудшила экономическое положение России, приведя к расстройству финансовой системы. Уже 23 июля по представлению министра финансов П. Л. Барка Совет министров, ссылаясь на исключительные обстоятельства военного времени и особые экономические условия, принял решение о приостановлении размена кредитных билетов на золото. Лимит необеспеченной эмиссии, составлявший в довоенные годы 300 млн руб., был сразу поднят до 1,5 млрд руб. Как вспоминал позднее П. Л. Барк решение это было вызвано необходимостью сохранить золотой запас, грозивший исчезнуть при массовом истребовании вкладов перед лицом надвигающейся войны¹². Министр финансов, не скрывая от Совета министров тревожных перспектив, «твердо держался своей линии не возбуждать ни излишнего оптимизма, ни малодушного оптимизма». Даже в ходе секретных заседаний правительства он не позволял себе «сколько-нибудь панической нотки»¹³. Понимая необходимость возможно более полного удовлетворения нужд армии, П. Л. Барк вместе с тем пытался бороться с чрезмерной, на его взгляд, расточительностью военных. Во время войны российский бюджет разделился на обыкновенный и чрезвычайный. По обыкновенному бюджету, Николай II, воспользовавшись наступившими обстоятельствами, 16 сентября 1914 г. прекратил казенную торговлю водкой, т. е. был введен «сухой закон», подразумевавшийся рескрипту П. Л. Барка.

После отмены золотого стандарта среди населения вырос спрос на наличные деньги. Золото и серебро стали быстро исчезать из обращения. Как временную меру П. Л. Барк предложил использовать разменные марки-деньги достоинством от 1 до 20 копеек. В основу их внешнего вида были положены юбилейные марки дореволюционной России, так называемой «царской серии», изготовленные к 300-летию царствующей династии. Марки «романовской серии» очень понравились Николаю II. Для финансирования дефицита государственного бюджета в максимальной степени были использованы налоговые источники. По мнению П. Л. Барка одним из таких ресурсов должен был стать подо-

¹² Петров Ю. А. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны.//Забывтая война и преданные герои. М., 2011. С. 52.

¹³ Ходяков М. В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб., 2009. С. 16.

ходный налог. Он «предупреждал Государя, что своими действиями министр финансов, несомненно, вызовет бурю негодования, и, вероятно, в скором времени с разных сторон будут сделаны попытки убедить Государя в том, что Барк далеко не на высоте, не справляется со своим делом и что ему необходимо найти заместителя. Государь посмотрел на меня своим ласковым чарующим взором и серьезным тоном ответил: «Если кто-нибудь заговорит со мной на эту тему, я покажу ему на дверь»¹⁴. Другим важным источником покрытия военных расходов были внутренние займы, с помощью которых правительство получало необходимые средства и в то же время ослабляли негативные последствия выпуска бумажных денег. Необходимость обращения к облигационным займам на внутреннем рынке возникла в стране буквально в первые недели войны. В конце сентября 1914 г. по инициативе П. Л. Барка, активно поддержанного С. Ю. Витте, на заседании Комитета финансов было принято решение о выпуске первого военного займа на сумму в 500 млн руб.

В годы Первой мировой войны российское правительство активно прибегало к внешним займам у союзников (Англия, Франция) в форме правительственных кредитов, используемых для закупки и оплаты заказов по производству вооружения и обмундирования для русской армии. В результате предпринятых действий покрытие военных расходов бумажно-денежной эмиссией в 1914 г. составило 67 % бюджетного дефицита. П. Л. Барк отдавал отчет в том, что Англия и Франция стремятся использовать с максимальной выгодой для себя нужду России в кредитах и не слишком склонны считаться с интересами своего партнера по блоку. Выступая в Совете министров 25 сентября 1914 г. П. Л. Барк сообщил коллегам по кабинету, что англичане требуют золота («кусочек мяса»), пользуясь нашими затруднениями¹⁵.

П. Л. Барк с огромным почтением относился к императору Николаю II. В мемуарах он отмечал, что все доклады «по Министерству финансов находили одобрение Государя, и я ни по одному делу не получал отказа. Между нами существовало полное единомыслие, и мне

¹⁴ Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 293.

¹⁵ Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф. Министр финансов П. Л. Барк в годы первой мировой войны // История финансовой политики России. СПб., 2000. С. 188.

не приходилось бороться за проведение своих взглядов»¹⁶. Министр финансов считал, что царь не был слабым человеком. «Пассивное мужество, необходимое терпение – качества специфически русские – были сильно развиты у Государя. Решение категорические и поспешные не соответствовали его натуре. Он отлично отдавал себе отчет в сложности государственных вопросов, он видел все за и против и не принимал решение легкомысленно», – писал он¹⁷.

Императрица Александра Федоровна отнюдь не импонировала П. Л. Барку, и в декабре 1915 г. она написала Николаю II, что Петра Львовича надо убрать, а на его место назначить Татищева. Однако царь не внял этим советам¹⁸. П. Л. Барк с некоторой иронией характеризовал деятельность государыни. «В официальных случаях или даже она председательствовала в комитетах, она казалась совсем другой и теряла много своего обаяния, вследствие своей застенчивости. Она становилась сосредоточенной и очень холодной, что производило невыгодное впечатление на присутствующих. В более интимной обстановке она была естественной и показывала себя с более привлекательной стороны», – подчеркивал он¹⁹.

С глубокой симпатией П. Л. Барк описывает свою последнюю встречу с Николаем II в феврале 1917 г. «Когда я прощался, у меня, как всегда при расставании с Государем, сердце сжалось при мысли, что при переездах он подвергает себя разным случайностям, но мысль не приходила мне в голову, что я вижу его в последний раз»²⁰.

Находясь в эмиграции в Лондоне П. Л. Барк оставил интересные мемуары, в которых с огромным уважением написал о Николае II, назначившим его на пост министра финансов. Император, совершенно неожиданно предстает перед нами как человек сдержанный и деликатный.

¹⁶ Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 479.

¹⁷ Там же. С. 89.

¹⁸ Федоров Б. Г. Все министры финансов России и СССР 1802–2004. М., 2004. С. 179.

¹⁹ Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 204.

²⁰ Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 204.

Список литературы

1. Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. Т. 1. – М.: Кучково поле; Мегapolis, 2017. – 496 с.
2. Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. Т. 2. – М.: Кучково поле; Мегapolis, 2017. – 552 с.
3. Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2002. – 620 с.
4. Векшина Ю. А. Последний министр финансов Российской империи Петр Барк//Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы Международной научной конференции. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. – С. 265–268.
5. Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф. Министр финансов П. Л. Барк в годы первой мировой войны//История финансовой политики России. – СПб., 2000. – С. 179–191.
6. Дневник императора Николая II. 1868–1918. – М.: Орбита, 1991. – 736 с.
7. Дякин В. С. Реформы П. А. Столыпина//Власть и реформы. От самодержавия к Советской России. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. – С. 536–560.
8. Муравьева Л. А. Последний министр финансов Российской империи//Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2014. № 24. – С. 32–40.
9. Петров Ю. А. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны.//Забытая война и преданные герои. – М.: Вече, 2011. – С. 52–64.
10. Репина Л. П. Биография в контексте «глобальной микроистории»//Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева). Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. Чебоксары: Издательский дом Среда, 2019. – С. 12–18.
11. Федоров Б. Г. Все министры финансов России и СССР 1802–2004. – М.: Русское экономическое общество, 2004. – 632 с.
12. Ходяков М. В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. – СПб.: Питер, 2009. – 224 с.
13. Экштут С. Барк «Непоколебимый». Последний министр финансов империи свидетельствует, что советские пятилетки придумал Николай II//Родина. 2017. № 11. – С. 46–50.

**«Расследование» деятельности политического сыска
Российской империи после Февральской революции
(на примере Заграничной агентуры Департамента полиции)**

Ульянова Любовь Владимировна
кандидат исторических наук, преподаватель кафедры управления
в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений
факультета государственного управления
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Ulyanova Lyubov Vladimirovna
PhD of Historical Sciences, teacher of the Department of Management
in the Field of Interethnic and Interfaith Relations,
Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University

Аннотация: Статья посвящена истории ликвидации Заграничной агентуры Департамента полиции – главного органа политического сыска Российской империи в странах Европы с центром в Париже – после Февральской революции 1917 года. Эта история рассматривается в контексте поиска «provocateurs», т. е. секретных сотрудников Заграничной агентуры, политическими эмигрантами, жившими в Европе, а также других расследований, которые вели отдельные представители военных ведомств в Европе с целью дискредитировать высокопоставленных военных «старого режима», подозревавшихся в «черносотенстве» и злоупотреблениях.

Abstract: The article is devoted to the history of the liquidation of the foreign agents of the Police Department – the main body of political investigation of the Russian Empire in Europe with the center in Paris – after the February Revolution of 1917. This story is considered in the context of the search for «provocateurs», i. e. secret agents of foreign agents, by political emigrants who lived in Europe, as well as other investigations conducted by individual representatives of military departments in Europe in order to discredit high-ranking military personnel of the «old regime», suspected of «black hundreds» and abuses.

Ключевые слова: Заграничная агентура; Департамент полиции; Февральская революция; Комиссия по разбору дел Заграничной агентуры; С. Г. Сватиков; В. К. Агафонов; Ф. Г. Колонтаев; русские военные миссии в Европе; злоупотребления; А. А. и П. А. Игнатьевы.

Keywords: Foreign agents; Police Department; February Revolution; Commission for the analysis of cases of Foreign agents; S. G. Svatikov; V. K. Agafonov; F. G. Kolontaev; Russian military missions in Europe; corrupt practices; A. A. and P. A. Ignatiev.

1917 год стал годом обрушения всей государственности Российской империи, с самого высшего уровня до рядовых представителей власти на местах. Это обрушение произошло практически одновременно, в ходе Февральской революции, и имело место как на институциональном уровне (т. е. развал институтов власти), так и на личностном.

Институциональный развал должен быть неизбежно коснуться охранных структур, т. е. тайной полиции или, что в данном случае синонимы, политической полиции, системы политического сыска. В логике освободительного движения начала XX века, ведшего свою историю еще с декабристов, эти структуры в принципе не имели права на существование, их необходимость была отнюдь не очевидна для общественных деятелей, в одночасье превратившихся в представителей новой государственной системы после Февраля 1917 года.

Еще в 1913 году деятели думской оппозиции отказывались согласовать масштабный проект реформы полиции в империи, обосновывая свое нежелание идти навстречу Министерству внутренних дел именно по причине принципиального несогласия с заявленной им позицией, что охранные структуры должны существовать в независимости от типа политического строя¹.

В результате после смены политического строя из-за отречения императора Николая II и перехода власти к Временному правительству вся силовая «вертикаль» была в одночасье упразднена.

При этом на личностном уровне отношение новой власти к представителям царской администрации было различным, подчас – вполне благожелательным. Как известно, многие высшие сановники Российской империи были арестованы, и Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства в течение длительного времени вела их допросы. Общеизвестны и истории исчезнувших губернаторов, убитых или бежавших полицмейстеров и городских.

В то же время не стоит говорить об однозначном неприятии деятелями Временного правительства чинов государственного аппарата Российской империи. Даже жандармы получили возможность службы после Февраля 1917 года, дав в письменной форме присягу новой власти. Как отмечает в своем исследовании В. В. Хутарев-Гарнишевский, уже в сере-

¹ Об этом см. подробнее: Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020. С. 161–164.

дине марта 1917 года прошения служить Временному правительству подали 25 видных деятелей упраздненной политической полиции. И их просьбы были удовлетворены².

Однако если говорить об институциональном аспекте, то речь шла не только о полномасштабной ликвидации структур политической полиции (Департамент полиции, включая его Заграничную агентуру, располагавшуюся в Париже, сеть охранных отделений и губернских жандармских управлений, Корпус жандармов), но и о расследовании их деятельности в идейно-идеологическом ключе, в контексте восприятия их как однозначных «врагов» нового режима. При этом сотрудничество с «охранкой» (так обобщенно и уничижительно называлась в среде деятелей общественного движения политическая полиция в целом, хотя это обобщение является некорректным³) в дореволюционное время и стремление сохранить взаимодействие с ее бывшими служащими после Февраля 1917 года становилось основанием для обвинений людей, далеких от политической полиции, не только в злоупотреблениях и «контрреволюции», т. е. «предательстве» идеалов и интересов новой власти, но и даже в шпионаже в пользу Германии, т. е. предательстве интересов страны.

Показательна в этом смысле история «ликвидации» Заграничной агентуры Департамента полиции, располагавшейся в столице Франции, весной – летом 1917 года – история, оказавшаяся связанной с расследованием в этот же весенне-летний период в том же Париже злоупотреблений в русских военных миссиях за границей в годы Первой мировой войны.

На первый взгляд, эти две истории не имеют отношения друг к другу. Расследование злоупотреблений в русских военных миссиях в Европе велись силами военных, в первую очередь, речь идет о разборе деятельности братьев А. А. и П. А. Игнатьевых в Париже летом 1917 года, чем занимались полковник военно-судебного ведомства Ю. И. Лисовский, член артиллерийской комиссии полковник Ф. Г. Колонтаев, а также состоявший в распоряжении начальника Генерального штаба в Париже подполковник А. Н. Панчулидзе. Адресатом их деятельности был представитель Временного правительства Генерального штаба генерал-лейтенант М. И. Занкевич. История сбора этими лицами разнообразных обвине-

² Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020. С. 546.

³ Подробнее см. об этом: Ульянова Л. В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи, 1880–1905 гг. СПб, 2020. С. 28.

ний против братьев Игнатьевых подробно изложена в статье А. В. Ганина «Любимые женщины братьев Игнатьевых: во что они обошлись России»⁴. Однако в этой статье автор не учитывает общественно-политическую обстановку, сложившуюся вокруг русских военных миссий в целом в Европе, не только в Париже, но и в Лондоне, и в Риме, и повлиявшую, на наш взгляд, не только на масштабность обвинений (братья Игнатьевы обвинялись в растратах миллионных сумм и порче имущества на складах), но и на саму возможность обвинения их в злоупотреблениях.

А эта общественно-политическая обстановка была связана с активной деятельностью революционных эмигрантов, живших до 1917 года в Европе по причине невозможности легального въезда в Российскую империю и в той или иной степени ведших подпольную, с точки зрения дореволюционного российского законодательства, деятельность. После Февральской революции 1917 года они неожиданно для себя оказались в положении идейных соратников и Временного правительства, и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Так, в апреле 1917 года возник комитет политических эмигрантов, который к лету этого же года стал не только составлять списки эмигрантов, могущих вернуться в Россию из стран Европы, но и претендовать на контроль над русскими военными и дипломатическими структурами, заполненными «контрреволюционными элементами».

История взаимодействия военных, расследовавших злоупотребления в русских военных миссиях, с политическими эмигрантами в европейских странах (Франции, Британии, Италии) полноценно не исследована, поэтому на данный момент можно лишь утверждать, что это взаимодействие было, и оно было взаимовыгодным, в том числе по аппаратным и идейно-политическим причинам.

В центре этого негласного взаимодействия в Париже находились полковник Колонтаев, с одной стороны, а с другой – комиссар Временного правительства за границей С. Г. Сватиков и деятели Комиссии по разбору дел Заграничной агентуры Департамента полиции.

Комиссия по разбору дел Заграничной агентуры Департамента полиции официально возникла в Париже в конце апреля 1917 года по распоряжению Чрезвычайной следственной комиссии, ведшей в Петрограде

⁴ Ганин А. В. Любимые женщины братьев Игнатьевых: во что они обошлись России//Родина. 2007. № 3. С. 64–69.

допросы высших царских сановников⁵. В действительности, будущие члены парижской комиссии, судя по всему, проникли в помещение Заграничной агентуры еще 1 марта 1917 года, т. е. даже до отречения императора Николая II от власти⁶.

В работе парижской комиссии принимали участие исключительно революционеры-эмигранты: эсер В. К. Агафонов, дружный с ним Л. П. Меньщиков – бывший сотрудник Департамента полиции, «сбежавший» к революционерам в Париж в 1909 году с известными ему «явками и паролями» (т. е. именами секретных агентов), социал-демократы М. Л. Вельтман (псевдоним Павлович) и М. Н. Покровский (в будущем – основатель советской марксистской исторической школы). Революционеров в делах Заграничной агентуры интересовали исключительно имена секретных сотрудников – т. е. «предателей» революционного дела, которых после Февральской революции можно было рассматривать и как «врагов» новой власти⁷.

В мае 1917 года к деятельности комиссии присоединился комиссар Временного правительства за границей С. Г. Сватиков – общественный деятель, историк и левый публицист, который в марте 1917 года по предложению председателя Временного правительства Г. Е. Львова занялся организацией Главного управления по делам милиции взамен упраздненного Департамента полиции⁸. Официально Сватиков прибыл в Париж для выяснения связей упраздненной Заграничной агентуры с контрразведывательными структурами стран-союзниц России по Антанте, однако практически сразу по приезду в столицу Франции он активно включился в «разоблачительную» деятельность комиссии – допросах бывших чинов Заграничной агентуры о бывших секретных сотрудниках, а также допросах самих бывших секретных сотрудников.

Личная переписка, сохранившаяся в ГАРФ, показывает хорошие отношения, установившиеся летом 1917 года между членом Комис-

⁵ ГА РФ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.

⁶ ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 158. Л. 41.

⁷ Подробнее о комиссии и ее деятельности см.: Бибикина (Ульянова) Л. В. С. Г. Сватиков и происхождение «Протоколов сионских мудрецов»//Российская история. 2018. № 5. С. 149–150; Она же. Русская леволиберальная эмиграция и полицейская версия происхождения «Протоколов сионских мудрецов» (1920–1930-е)//Власть и общество России: кризисы и пути взаимодействия. Конец XIX – начало XXI в. Декабрьские научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения А. И. Солженицына. 17–19 декабря 2018 г. М., 2019. С. 225–230.

⁸ Биографию С. Г. Сватикова см.: Маркедонов С. М. С. Г. Сватиков – историк и общественный деятель. Ростов-на-Дону, 1999.

сии по разбору дел Заграничной агентуры Агафоновым и Сватиковым, с одной стороны, и Агафоновым и полковником Колонтаевым – с другой. Так, в личном фонде Агафонова сохранилось письмо Колонтаева, который просил ходатайства за В. А. Колобова: «Прошу Вашего ходатайства о том, чтобы ему была предоставлена какая-либо служба. Очень честный и энергичный человек. Никогда не был черносотенцем, а наоборот будучи курским вице-губернатором, обличал Маркова, за что был смещен. Из Екатеринославля также был переведен в Омск по приказанию Штюрмера за неуклонное поведение при ликвидации немецкого землевладения»⁹. Таким образом, взаимоотношения людей, обвинявших, в частности, братьев Игнатьевых в масштабных злоупотреблениях, с политэмигрантами не только простирались за пределы формальных связей, но и строились с использованием идеологических маркеров.

В личном фонде Агафонова сохранились и дружеские письма от следователя злоупотреблений в русской военной миссии в Лондоне революционера Б. Рустам-Бека¹⁰, и материалы расследований Бека в Лондоне и Колонтаева в Париже, как публичные (статья Бека), так и служебные доклады (в частности – докладная записка Колонтаева, которая была адресована его военному начальству, а не в Комиссию по разбору дел Заграничной агентуры, к которой Колонтаев не имел никакого формального отношения)¹¹.

Эти материалы в октябре 1917 года срочно просил у Агафонова Сватиков, заканчивавший в это время итоговые отчеты Временному правительству о своей заграничной командировке (отчеты были готовы к 23 октября¹², письмо Сватикова Агафонову датируется 16 октября¹³).

Кроме того, накануне отъезда Сватикова из Парижа, в конце августа 1917 года, он заслушал «доверительный доклад о братьях Игнатьевых», сделанный ночью на квартире Агафонова «подчиненными Игнатьева»¹⁴. Автора доклада Сватиков не называет, но в фонде Агафонова сохранился «рапорт» полковника Колонтаева к Сватикову от 8 сентября: «На основании предписания Вашего... представляю Вам, господин комиссар, все те данные, которые мне удалось собрать по вопросу о недо-

⁹ ГА РФ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 80. Л. 1.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 91.

¹¹ ГА РФ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 50, 51.

¹² ГА РФ. Ф. 1653. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹³ ГА РФ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 93. Л. 1.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 1. Л. 70–71.

статках в деле снабжения нашей армии, имеющих место во Франции. При сем доношу, что в виду сказанного я много раз обращался с просьбами о назначении ревизии, которая только и может выяснить истинное положение вещей с должными последствиями, обращения мои были направлены как при старом правительстве, так и при новом, причём мною была даже отправлена телеграмма господину военному министру Керенскому, но очевидно не дошла по назначению, хотя у меня имеется уведомление о доставке. Пред Вами, господин комиссар, вновь ходатайствую о назначении полной ревизии заказов, уступок, условий хранения и отправки грузов и личного состава русской миссии»¹⁵.

Сохранилось несколько вариантов итогового отчета Сватикова Временному правительству. Можно предположить, что это были разные отчеты, т. к. они имели разные заголовки («о ликвидации дел Заграничной агентуры», «о контрреволюционном движении за границей»), однако информация в них во многом повторяла друг друга.

В «Докладе Временному правительству комиссара Временного правительства Сватикова о контрреволюционном движении за границей» сообщалось о наличии «контрреволюционных центров в Стокгольме, Лондоне, Ницце, Риме, Неаполе и особенно в Швейцарии», при этом «кружок в Лондоне при посредстве князя Юсупова собирался провести на престол великого князя Дмитрия Павловича». В Париже главным деятелем «контрреволюции», сообщал Сватиков, был граф Алексей Игнатьев – «несомненный друг Романовых, контрреволюционер и германофил», «собравший у себя в Военной миссии достаточное количество ярых приверженцев старого режима». «Обладая, по отзыву французов, неограниченными денежными средствами, граф Игнатьев употребляет их – по отзыву тех же французов – на материальную поддержку контрреволюционеров»¹⁶. В российском посольстве в Риме Сватиков нашел «реакционера» в лице «военного агента князя Волконского», который «занимался травлею комитета политических эмигрантов, пытавшихся разоблачить дело злоупотреблений в Военной миссии»¹⁷.

Однако Сватиков не ограничился констатацией «контрреволюционности» представителей дипломатических и военных структур России

¹⁵ ГА РФ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 50. Л. 216. Сам отчет Колонтаева занял 20 листов.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 1653. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 1653. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.

в Европе. Акцент в докладе был сделан на братьях Игнатъевых, которых как «крупных черносотенцев» можно было считать «подозрительными по германскому шпионажу». Основанием для такого подозрения Сватиков считал покровительство со стороны А. А. Игнатъева «провокатору Штакельбергу» (секретному сотруднику Заграничной агентуры, разоблаченному летом 1917 года, но оставленному Игнатъевым на службе в бюро военной миссии), а со стороны П. А. Игнатъева – А. М. Гартингу, скандально известному в революционной среде своей успешной карьерой из секретных сотрудников Заграничной агентуры Департамента полиции в 1880-е годы до ее руководителя в 1905–1909 годах.

Деятельность Гартинга Сватиков характеризовал как «исключительно вредную, чисто провокаторскую и совершенно преступную», его самого – как «многократного и подлого предателя»¹⁸, поэтому его нахождение в разведке у Игнатъева-младшего – «в высокой степени неосторожно», т. к. «Гартинг... несомненно не задумается перед тем, чтобы продавать наши военные тайны германцам»¹⁹.

Что касается «провокатора Штакельберга», то Сватиков в отчете Временному правительству в подробностях изложил историю конфликта полковника Колонтаева и Игнатъева-старшего, развернувшегося в августе 1917 года. Так, Колонтаев, прочитав в газете «Русское слово» о том, что Штакельберг разоблачен как «секретный сотрудник охраны», тут же сообщил об этом английскому военному агенту, который – писал Сватиков – «немедленно озаботился отозванием Штакельберга с фронта, справедливо рассуждая, что агент-провокатор старого режима свободно мог быть германским шпионом». Узнав об этом, «граф Игнатъев, вместо благодарности полковнику Колонтаеву, поставил ему на вид, что он не имел права обращаться к представителю иностранной державы помимо русского военного агента и затем, в тоне явно защиты Штакельберга предложил Колонтаеву немедленно предоставить ему, Игнатъеву в письменной форме факты, на основании коих Колонтаевым возводятся «подобные обвинения» на поручика Штакельберга». Далее Сватиков сообщал в отчете: «Игнатъев заявил Колонтаеву повышенным тоном, что ... провокаторство еще не доказано официально и что во всяком случае провокаторство не есть доказательство шпионства, если бы таковое

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 2. Л. 63.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–22.

и было бы доказано официально». Правда, по мнению Сватикова, была на стороне Колонтаева²⁰.

Таким образом, «шпионаж в пользу старого режима» приравнивался и Сватиковым, как представителем за границей новой власти, и революционными эмигрантами, с которыми Сватиков общался в Европе, к «шпионажу в пользу Германии»²¹.

Общей идеологической рамкой для деятельности этого круга лиц летом 1917 года стала борьба с «контрреволюцией», и эта борьба коснулась не только тех структур дореволюционной России, которые были связаны с «охранением самодержавия» (политический сыск), но и военных и дипломатических ведомств, представлявших интересы России в Европе в годы Первой мировой войны. Можно предположить, что попытки эмигрантов подчинить себе деятельность этих ведомств через политическую риторику негативным образом сказались и на взаимоотношениях России с союзниками, и на общей способности новой революционной власти к успешному продолжению войны.

Список литературы:

1. Бибикова (Ульянова) Л. В. С. Г. Сватиков и происхождение «Протоколов сионских мудрецов» // Российская история. 2018. № 5. С. 149–150.
2. Она же. Русская леволиберальная эмиграция и полицейская версия происхождения «Протоколов сионских мудрецов» (1920–1930-е) // Власть и общество России: кризисы и пути взаимодействия. Конец XIX – начало XXI в. Декабрьские научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения А. И. Солженицына. 17–19 декабря 2018 г. М., 2019. С. 218–245.
3. Ганин А. В. Любимые женщины братьев Игнатъевых: во что они обошлись России // Родина. 2007. № 3. С. 64–69.
4. Маркедонов С. М. С. Г. Сватиков – историк и общественный деятель. Ростов-на-Дону, 1999.
5. Ульянова Л. В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи, 1880–1905 гг. СПб, 2020.
6. Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020.

²⁰ ГА РФ. Ф. 1653. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–27.

²¹ ГА РФ. Ф. 1653. Оп. 1. Д. 2. Л. 25 об.

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД КНЯЗЯ ДМИТРИЯ РОМАНОВА

Научное издание

ПРОЕКТ «ПАМЯТЬ ВРЕМЕН»

**РОССИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА – В ПРЕДДВЕРИИ И В ХОДЕ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1913–1917 ГГ.)**

Сборник статей и докладов для студентов гуманитарных
специальностей, историков, краеведов

Под общей редакцией ректора МГИМО, президента Эндаумента МГИМО,
кандидата исторических наук, доктора политических наук, профессора,
академика РАН А.В. Торкунова

ISBN 978-5-206-01044-2

9 785206 010442

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Подписано в печать 19.05.20. Формат 60 × 88/16.

Бумага офсетная. Печ.л. 10,5 Уч.-изд. л. 10,25.

Тираж 100 экз. Заказ №835

Отпечатано в полиграфическом центре

ФГУП Издательство «Известия»

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 6

Телефон: (495) 650-38-80

izv-udprf.ru